

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора	2
-----------------------------	---

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Белых В. С. belykhvs@mail.ru Мысли и размышления о конституционной реформе: социально-экономический аспект	9
Шишкин С. Н. sergey.n.shishkin@gmail.com Правовой анализ экономики: постановка проблемы, конституционные критерии	16
Сухоруков А. С. suhorukovS@mail.ru Проблемы правового регулирования конкуренции в Свердловской области в контексте конституционной реформы	21

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Надеждин Н. Н. ar_shadow@mail.ru Свобода предпринимательской деятельности: проблемы гражданско-правового обеспечения	26
Архиреев Н. В. nick.mr@rambler.ru Практика и инициативы транснациональных корпораций в отношении искусственных разумных систем	33
Виниченко С. И. 89122630078@bk.ru Влияние биржевых механизмов на опционные конструкции в Гражданском кодексе РФ	39
Запорощенко В. А. zva-1980@bk.ru Правовая природа внебиржевых договоров	42

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Игнатьева И. А. igna123@rambler.ru Правовая охрана природы Арктики и внедрение наилучших доступных технологий	46
Гаевская Е. Ю. ekaterinagaevskay@yandex.ru, Вагина О. В. bmpmag@mail.ru К вопросу о возможности подачи повторного иска при легализации самовольной постройки	51
Пельвицкая Е. П. pelwi@yandex.ru К вопросу взыскания неосновательного обогащения в случае фактического изъятия (занятия) земельного участка для государственных или муниципальных нужд	55

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Чукреев В. А. prnad@usla.ru К вопросу о проблемах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму	58
---	----

Трибуна молодых ученых

Славич М. А. mslavich@yandex.ru Финансирование мероприятий по завершению строительства объектов застройщика-банкрота	63
Маркевич Н. В. markevich.natalia1995@gmail.com Договоры в сфере воздушных перевозок: понятие и основные черты	69

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Светлой памяти Натальи Алексеевны Зориной	77
Памяти Сергея Ивановича Цыганова	78

Уважаемые читатели!

2020 год – год Крысы. Начнется год непросто. Правда, первые трудности якобы не испортят праздничных каникул – они появятся ближе к концу января.

С приходом зимы наступили и наступят следующие события. 22 января – Кровавое воскресенье. Начало 1-й российской революции (115 лет); 27 января – день снятия блокады Ленинграда (76 лет); 02 февраля – день разгрома фашистских войск в Сталинградской битве (77 лет); 10 февраля – день памяти Пушкина; 19 февраля – Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости (159 лет); 18 марта – день воссоединения Крыма с Россией (5 лет).

Политические события: 16 января Президент России Владимир Путин подписал Указ о назначении председателем Правительства России Михаила Мишустина; 21 января сформирован новый состав Правительства РФ; 31 января – выход Великобритании из Европейского союза (Brexit); 09 февраля – на внеочередных парламентских выборах в Азербайджане победу одержала Правящая партия «Ени Азербайджан». Ожидается много других событий и фактов!

03 января исполнилось 170 лет со дня рождения Софьи Васильевны Ковалевской, которая стала первой в мире женщиной – профессором математики. 09 января – день рождения создателя толкового словаря, филолога Сергея Ивановича Ожегова (120-летие); 21 марта – день рождения советского эстрадного и оперного певца (лирический баритон) Георгия Карловича Отса (100 лет).

В 2020 году отмечается 75-я годовщина окончания Второй мировой войны и Победы над фашистской Германией. Это событие отмечается в первую очередь как 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Указом Президента России 2020 год объявлен Годом памяти и славы!

И, конечно, коронавирус SARS-CoV-2. В декабре 2019 года в Китае началась вспышка пневмонии, вызванная свежесобраным вирусом 2019-nCoV. Вскоре она распространилась на другие страны, в том числе Россия. Источниками коронавирусных инфекций могут быть больной человек, животные. Возможные механизмы передачи: воздушно-капельный, воздушно-пылевой, фекально-оральный, контактный. Заболеваемость растет зимой и ранней весной. Одним словом, пандемия коронавируса охватила весь земной шар.

Уважаемые читатели! Берегите себя и своих близких. Любите ближнего своего, как самого себя. Соблюдайте режим самоизоляции. В России пик пандемии еще не пройден. Главное – это безопасность и здоровье населения!

Главный редактор

В. С. Белых

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief Editor's Column	2
-----------------------------	---

CONSTITUTIONAL ECONOMICS

V. S. Belykh belykhvs@mail.ru Thoughts and reflections about constitutional reform: socioeconomic aspect.....	9
S. N. Shishkin sergey.n.shishkin@gmail.com Legal analyses of the economy: setting a problem, constitutional criteria	16
A. S. Suhorukov suhorukovS@mail.ru Problems of legal regulation of competition in the Sverdlovsk region in the context of constitutional reform	21

ENTREPRENEURIAL LAW

N. N. Nadezhin ar_shadow@mail.ru Freedom of entrepreneurial activity: problems of civil law provision	26
N. Arkhiereev nick.mr@rambler.ru Practice and initiatives of transnational corporations in relation to artificial intelligent systems	33
S. I. Vinichenko 89122630078@bk.ru Influence of stock market mechanism on option constructions in the RF Civil Code.....	39
V. A. Zaporoschenko zva-1980@bk.ru Legal nature of OTC contracts	42

ENVIRONMENTAL LAW

I. A. Ignatyeva igna123@rambler.ru The legal protection of the Arctic nature and implementation of the best available technologies.....	46
E. Yu. Gaevskaya ekaterinagaevskay@yandex.ru, O. V. Vagina bmpmag@mail.ru On the issue of possibility to file a re-claim on recognition of property rights for the object of unauthorized construction to court.....	51
E. P. Pelvitskaya pelwi@yandex.ru On the issue of recovering unjust enrichment in case of actual withdrawal (occupation) of land plot for state and municipal needs.....	55

PROSECUTOR'S SUPERVISION

V. A. Chukreev prnad@usla.ru On the issue of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on countering extremism and terrorism.....	58
---	----

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHERS

M. Slavich mslavich@yandex.ru Financing activities to complete the construction of the objects of organization-developer in bankruptcy proceedings	63
N. V. Markevich markevich.natalia1995@gmail.com Contracts in the sphere of carriage by air: notion and basic features	69

COMMEMORATING THE MEMORY OF COLLEAGUES

Commemorating the memory of Natalya Alekseevna Zorina	77
Commemorating the memory of assistant professor Tsyganov Sergey Ivanovich.....	78

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief Editor's Column

CONSTITUTIONAL ECONOMICS

V. S. Belykh belykhvs@mail.ru Thoughts and reflections about constitutional reform: socioeconomic aspect

Abstract: The article considers some amendments to the RF Constitution especially those which are directly connected with the economy and social development of the society. The author thinks that several provisions of the Constitution need additional examination and correction. Particularly, the article analyzes paragraph 2 Article 8 of the Constitution which concerns the forms of property. The term of so-called «other forms of property» raises questions in practice. Then the author proposes to amend the Constitution with a norm about rental income incurred from the use and realization of natural resources. Rental income must belong to Russian citizens from birth. At the end of the article the author turns attention to the theme about national idea of Russia which has found no reflection in the amendments to the Constitution. The author thinks that in modern conditions of state and society development the theme about national idea is very topical!

Keywords: RF Constitution, amendments to the Basic law, forms of property, rental income, national idea.

S. N. Shishkin sergey.n.shishkin@gmail.com Legal analyses of the economy: setting a problem, constitutional criteria

Abstract: The article substantiates the need for the theoretical concept "legal analysis of the economy", defines the grounds, aim, and criteria of the said concept. The author examines such scientific directions as "economic analysis of law" and "constitutional economics" and makes a conclusion that the legal analysis of the economy develops the positions and ideas of constitutional economics. The constitutional objectives, values and principles can be used as criteria used in implementing legal analysis.

Keywords: economic analysis of law, constitutional economics, legal analysis of economy, aim of law, value of law, principle of law.

A. S. Suhorukov suhorukovS@mail.ru Problems of legal regulation of competition in the Sverdlovsk region in the context of constitutional reform

Abstract: The article examines the problems of legal regulation of competition in the Sverdlovsk region in the context of constitutional reform. The relevance of this research is determined by the development of competition in our country and its importance for the domestic economy. The purpose of this article is to reveal the content of the constitutional regulation of competition and determine its significance for regional competition regulation, as well as to identify problems of legal regulation of competition in the Sverdlovsk region. The article reveals the content of the constitutional regulation of competition and highlights its components. The definition of the constitutional bases of competition and the constitutional right to competition is given. The structure of legislation of competition is disclosed. In connection with the constitutional reform, an analysis of the features of the constitutional consolidation of provisions on the differentiation of subjects of jurisdiction between the Russian Federation and its subjects in the field of legislation of competition was carried out, and problems of legal regulation were identified. An overview of the planned changes to the Constitution of the Russian Federation in the sphere of economic relations most closely related to competition is presented. The article also contains proposals for improving the current federal and Sverdlovsk region legislation on competition.

Keywords: Constitutional regulation of competition, constitutional bases of competition, constitutional right to competition, legislation of competition, standard of competition development.

ENTREPRENEURIAL LAW

N. N. Nadezhin ar_shadow@mail.ru Freedom of entrepreneurial activity: problems of civil law provision

Abstract: The article examines the influence of legislative, executive, and judicial state authorities on the development of entrepreneurial law in Russia. All of them have a wide competence in regulating various issues of entrepreneurship but use different methods which depend upon many factors. At present, there are no common requirements to methods or system of legal impact on entrepreneurship. The author thinks that the transition of constitutionally stated but not disclosed from the point of meaning “economic freedoms” of entrepreneurial activity into the branch legal guarantees would allow enhancing the model of legal regulation of entrepreneurial activity and ensure more freedom and efficiency.

Keywords: entrepreneurial activity, economic activity, legal regulation of entrepreneurial activity, legislation on entrepreneurial activity, limits of state influence on economy and entrepreneurship.

N. Arkhiereev nick.mr@rambler.ru Practice and initiatives of transnational corporations in relation to artificial intelligent systems

Abstract: Recently, artificial intelligence has been attracting ever-growing interest of legal scholars. In the article, the author considers the approaches of transnational corporations in relation to artificial intelligence, since such corporations, possessing enormous scientific and material potential, significantly brought the Future closer. The study of these approaches seems important, since transnational corporations have a significant impact on the global economy and the legal regulation of public relations. It is concluded that the examined declarative documents of corporations will be the basis for regulatory acts of different countries and their associations in the field of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, principles of use, corporations, ethical standards, legal regulation.

S.I. Vinichenko 89122630078@bk.ru Influence of stock market mechanism on option constructions in the RF Civil Code

Abstract: The article examines option, reveals its specific features and shows the receptions of the RF Civil Code of some modern economic and juridical practice. The issue on amending the content of the RF Civil Code is raised.

Keywords: option, option on concluding the contract, option contract.

V.A. Zaporoschenko zva-1980@bk.ru Legal nature of OTC contracts

Abstract: The article examines OTC contracts, reveals their specific features and peculiarities that distinguish them from exchange contracts. The article focusses on the specifics of legal regulation of OTC contracts.

Keywords: exchange contract, OTC contract, organized tender, object of OTC contract.

ENVIRONMENTAL LAW

I.A. Ignatyeva igna123@rambler.ru The legal protection of the Arctic nature and implementation of the best available technologies

Abstract: The article draws attention to the need for enhanced measures to protect vulnerable Arctic nature. The encouragement by the state of the introduction of the best available technologies by nature users, carrying out business or other activities in the Arctic, at facilities classified as category I could be one of such measures. It is proposed to expand accordingly the list of indicators for classifying objects negatively affecting the environ-

ment as category I objects. It is necessary to take into account the fact that the object is located in the Arctic zone of the Russian Federation and other territories with a specific environmental protection regime.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, the best available technologies, Arctic fragile environment.

E. Yu. Gaevskaya ekaterinagaevskay@yandex.ru, **O. V. Vagina** bmpmag@mail.ru On the issue of possibility to file a re-claim on recognition of property rights for the object of unauthorized construction to court

Abstract: The authors consider the issue concerning the possibility to file a re-claim on recognition of property rights for the object of unauthorized construction on condition that the court has dismissed the previous claim.

Keywords: object of unauthorized construction, recognition of property rights, re-claim.

E. P. Pelvitskaya pelwi@yandex.ru On the issue of recovering unjust enrichment in case of actual withdrawal (occupation) of land plot for state and municipal needs

Abstract: The article examines issues about the legal nature of unjust enrichment obligations and their correlation with losses in cases connected with actual withdrawal of land plots and about improper defendant in such type of disputes. In cases of actual withdrawal (occupation) of land plots on a claim of a private owner, the courts implicitly recover losses in amount equal to the market value of the real property directly from the public formation for whose aims the land plot has been withdrawn. The courts often dismiss the requests for recovery of unjust enrichment for the period of actual use of withdrawn (occupied) land plot even in case the fact of breaching the procedure of withdrawal by the public formation has been proved.

Keywords: withdrawal of land plots for state and municipal needs, private ownership, unjust enrichment, losses.

PROSECUTOR'S SUPERVISION

V. A. Chukreev prnad@usla.ru On the issue of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on countering extremism and terrorism

Abstract: The article discusses the problems that arise in the implementation of prosecutorial oversight of the implementation of legislation on countering terrorist and extremist activities; proposals are formulated to amend and supplement the law on countering terrorism and the law on countering extremist activity.

Keywords: Terrorism, terrorist act, extremism, extremist activity, prosecutor, prosecutor's supervision, legal means of the prosecutor, acts of prosecutorial response.

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHERS

M. Slavich msslavich@yandex.ru Financing activities to complete the construction of the objects of organization-developer in bankruptcy proceedings

Abstract: The article reveals the content of special procedures during the bankruptcy of organization-developer for financing the construction of projects under construction. The procedure and conditions established by the Law are considered. Ways of improvement of separate norms are offered.

Keywords: bankruptcy, organization-developer, financing, construction in progress, procedure, object of construction.

N. V. Markevich markevich.natalia1995@gmail.com Contracts in the sphere of carriage by air: notion and basic features

Abstract: The article analyzes the notion and specific features of the existing contracts in the sphere of air transportation, correlation between the contracts in the sphere of carriage by air depending on the type of transportation as well as the specific features of agency contract of aviation work. The author names the basic elements and legal nature of each contract and specifics of their understanding and practical use.

Keywords: carriage by air, contract of carriage by air, air transportation contract, air charter, agency contract of aviation work.

COMMEMORATING THE MEMORY OF COLLEAGUES

Commemorating the memory of Natalya Alekseevna Zorina

Commemorating the memory of assistant professor Tsyganov Sergey Ivanovich

Бизнес, Менеджмент и Право

Научно-практический
экономико-правовой журнал
№ 1 (45), март, 2020 г.

Учредители:

Главный редактор:

Заместитель

главного редактора:

Ответственный за выпуск:

Редакционная коллегия:

Фонд «Гармония и благодетель»

Бельх В. С. — Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Герасимов О. А. — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Вагина О. В. — кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Винницкий Д. В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», директор Института права БРИКС;

Головина С. Ю. — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Дойников И. В. — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»;

Илюшина М. Н. — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Свердловский государственный юридический институт юстиции (РПА Минюста России)»;

Исаков В. В. — заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);

Карелина С. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Камышанский В. П. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»;

Кванина В. В. — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»;

Козаченко И. Я. — Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Круглов В. В. — заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Кузнецова О. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермского государственного национального исследовательского университета»;

Митин А. Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Прошляков А. Д. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Салиева Р. Н. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»;

Старилов Ю. Н. — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежского государственного университета»;

Тужилова-Орданская Е. М. — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирского государственного университета»;

Шевченко Г. Н. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала ГАОУ ВО «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального университета».

Силин Я. П. — доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «УрГЭУ»

Беседин А. А. — президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления;

Гаджиев Г. А. — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ;

Загайнова С. К. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», директор Центра медиации УРГЮУ;

Решетникова И. В. — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа;

Санин А. В. — магистр частного права, начальник департамента правового обеспечения ОАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Урала»;

Чубаров В. В. — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ;

Фурдуй С. В. — руководитель межрегионального управления службы Банка России по финансовым рынкам в УрФО;

Хазанов С. Д. — заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», член Научно-консультативного совета ВС РФ, кандидат юридических наук, профессор;

Цветкова С. А. — председатель Арбитражного суда Свердловской области;

Ярков В. В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Бельх Д. В. — заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВПО «УрГЮУ»

Редакционный совет

Председатель совета

Коммерческий директор

Адрес издателя и редакции: 620 034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54, оф. 303,

тел./факс: (343) 245-93-98, www.bmpravo.ru

E-mail: bmrpmag@mail.ru

Предпечатная подготовка: 000 «Пре-пресс бюро "Henry Pushel"», 620 014, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 13, оф. 413

тел.: 268-33-73

E-mail: henry@pushel.ru, www.pushel.ru

Печать: Отпечатано с готового оригинал-макета в ИПК «Лазурь».

Свердловская обл., г. Реж, ул. П. Морозова, 61.

Подписано в печать 20.04.20. Заказ № 639.

Тираж 250 экземпляров. Цена свободная.

Периодичность 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 24.04.2020.

Каталог Агентства «Роспечать» — «Газеты. Журналы»: 18626.

ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Номер Свидетельства ПИ № ФС77-27031 от 25 января 2007 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги — лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными.

Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, Менеджмент и Право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

Конституционная экономика

стр. 9

БЕЛЫХ В. С.

*Мысли и размышления
о конституционной реформе:
социально-экономический
аспект*

Конституционная экономика

стр. 16

ШИШКИН С. Н.

*Правовой анализ экономики:
постановка проблемы,
конституционные критерии*

Конституционная экономика

стр. 21

СУХОРУКОВ А. С.

*Проблемы правового
регулирувания конкуренции
в Свердловской области
в контексте конституционной
реформы*

Экологическое право

стр. 46

ИГНАТЬЕВА И. А.

*Правовая охрана природы
Арктики и внедрение
наилучших доступных
технологий*

Мысли и размышления о конституционной реформе: социально-экономический аспект

Белых В.С., д. ю. н., заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ,
директор Евразийского научно-исследовательского центра
сравнительного и международного предпринимательского права,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые поправки в Конституцию РФ, и в первую очередь те, которые имеют непосредственное отношение к экономике и социальному развитию общества. На взгляд автора статьи, ряд положений Конституции нуждаются в дополнительном изучении и корректировке. В частности, анализируется п. 2 ст. 8 Конституции, где речь идет о формах собственности. На практике вызывают вопросы так называемые «иные формы собственности». Далее в статье предлагается дополнить Конституцию нормой о рентном доходе от использования и реализации природных ресурсов. Рентный доход должен принадлежать всем гражданам России с момента рождения. В конце статьи автор обращается к теме о национальные идеи России, которая не получила отражение в поправках в Конституцию. Автор считает, что в современных условиях развития государства и общества тема о национальной идее весьма актуальна!

Ключевые слова:

Конституция РФ, поправки в Основной закон, формы собственности, смешанная форма собственности, рентный доход, национальная идея.

Владимир БЕЛЫХ

В Российской Федерации завершена огромная работа по внесению объемных поправок в Конституцию Российской Федерации. Следующий основной этап – общероссийское голосование, которое первоначально было объявлено на 22 апреля. Однако по известным причинам

перенесено на более поздний срок. «Общероссийское голосование» отличается от референдума или «все-народного голосования», о котором говорится в первой главе Конституции (ст.2). Поправки будут считаться одобренными и смогут вступить в силу при большинстве голосов «за» – от тех, кто пришел голосовать. Кстати, Конституционный Суд РФ теперь одобрил такую процедуру голосования¹.

Поправки в Конституцию охватывают различные сферы государственной и общественной жизни. Достаточно посмотреть сравнение действующей редакции Конституции РФ и текста Закона РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» (окончательная редакция). Безусловно, указанные поправки – предмет особого изучения и комментирования. Но в любом случае они (поправки) были внесены быстро, хотя

о том, что Основной закон нуждается в корректировке, говорили давно.

Большинство поправок в Конституцию касаются вопросов организации публичной власти. И лишь незначительная их часть посвящена социально-экономическому блоку. В частности, добавлены в ст. 75 Конституции (о финансовой системе) следующие пункты:

«5. Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

6. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий

не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом.

7. В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат».

Другой пример: добавить ст. 75–1 Конституции (об экономическом росте и доверии между народом и государством):

«В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Перечень аналогичных поправок в Конституцию можно продолжить. Однако пора перейти от них к отдельным положениям текста Основного закона.

Прежде всего, особо отмечу, что на фоне происходящих реформ Главы 1 и 2 Конституции – составляющие ядро Основного закона – не претерпели каких-либо изменений и дополнений. Тем не менее, ряд положений Конституции, на мой взгляд, нуждаются в дополнительном изучении и корректировке.

В соответствии с п. 2 ст. 8 Конституции, в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Отметим, что ни в Конституции РФ, ни в ГК РФ не раскрывается смысл словосочетания «иные формы собственности». Это вызвало в юридической литературе различного рода предположе-

ния. Чаще всего указывается на смешанную форму собственности, хотя называются политэкономические построения типа «коллективной», «арендной» или «общинной» собственности. Так, академик В.В. Лаптев пишет: «Можно предположить, что к ним (иным формам собственности – В.Б.) относятся смешанные

**На наш взгляд,
категория «смешанная
форма собственности»**

**имеет право
на существование.**

**Но вряд ли она применима
к ситуациям,
связанным с созданием
юридических лиц**

формы, в которых имущество принадлежит как государству, так и муниципальным образованиям, частным лицам и организациям»².

На наш взгляд, категория «смешанная форма собственности» имеет право на существование. Но вряд ли она применима к ситуациям, связанным с созданием юридических лиц. Например, при учреждении акционерного общества публичным образованием и частными лицами не происходит образование смешанной формы собственности. В соответствии с п. 3 ст. 48 ГК РФ между юридическим лицом (в нашем случае – акционерным обществом) и его участниками

возникают корпоративные правоотношения, а потому имущество акционерного общества принадлежит ему на праве собственности. Нельзя говорить о смешанной форме собственности и в отношении унитарных предприятий, в том числе казенных. В силу ст.ст. 114, 294 ГК РФ унитарное предприятие, основанное на праве хозяйственного ведения, создается по решению уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. Правовая модель унитарного предприятия исключает какую-либо возможность формирования смешанной собственности.

Практически отсутствуют юридические предпосылки к образованию смешанной формы и применительно к некоммерческим организациям. Например, организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично, может существовать как публичное (государственное и муниципальное), так и как частное (общественное и т.д.) учреждение. В соответствии с п. 3 ст. 48 ГК РФ (в ред. ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ), к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся также учреждения. Более того, согласно ст. 123.21 ГК РФ при создании учреждения не допускается соучредительство нескольких лиц. Учреждение, созданное до дня вступления в силу ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ несколькими учредителями, не подлежит ликвидации по указанному основанию. Такое учреждение (за исключением государственного или муниципально-государственного учреждения) по решению своих учредителей может быть преобразовано в автономную некоммерческую организацию или фонд.

Итак, даже на первый взгляд видно, что формулировка «иные формы собственности» вызывает и в литературе, и на практике ряд спорных вопросов.

Далее, в силу п. 1 ст. 9 Конституции земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Иначе говоря, природные ресурсы – это общенародное достояние граждан России.

Однако сказанное не означает, что природные богатства России есть *общенародная собственность*. В отношении них (природных ресурсов) применяется также правило п. 2 ст. 8 Конституции о формах собственности. Главный вопрос – справедливое распределение доходов от использования и реализации природных ресурсов. Поэтому с позиции обеспечения социально-экономического развития страны и общества архиважная проблема – *рентный доход России*. По оценкам академика Д.С. Львова, ежегодная чистая народнохозяйственная прибыль страны составляет 60–80 млрд долл. США, что в 2–2,5 раза больше объема нынешних бюджетных средств. Отсюда, если нераспределенный доход составляет 60–80 млрд долл., то на долю ренты приходится где-то 45–60 млрд долл.³ **Таким образом**, сегодня большая часть рентного дохода России оказалось приватизированной (например, в теневом бизнесе, офшорных зонах, криминальных структурах). По справедливому замечанию ученого-экономиста, рентный доход не является результатом непосредственной предпринимательской деятельности, коммерческих рисков, а это то, что в России от Бога. Следовательно, рентный доход должен принадлежать всем гражданам России

с момента рождения. Не меньше и не больше.

Перераспределение рентного дохода позволит, с одной стороны, устранить (или, по крайней мере, сократить) разрыв в имущественном положении граждан России – между бедными и очень богатыми. Здесь не до коммунистическо-

**Перераспределение
рентного дохода
позволит, с одной
стороны, устранить
(или, по крайней мере,
сократить) разрыв
в имущественном
положении граждан
России – между бедными
и очень богатыми**

го призыва «Грабь награбленное». Рентный доход принадлежит народу с морально-этической и нравственной точек зрения, надо придать ему ранг закона, т.е. включить в Конституцию РФ. С другой стороны, указанное перераспределение позволит несколько уменьшить количество отечественных миллиардеров, присваивающих значительную часть рентного дохода⁴.

Для сравнения: в США на Аляске житель этой северной территории получает по 1 тыс. долл. в месяц только от того, что в штате добывается золото! На Аляске создан специальный нефтяной фонд, на счету которого 30 млрд долл.

Из этого фонда ежегодно населению штата выдаются дивиденды. В Арабских Эмиратах новорожденному детство обеспечено суммой в 150 тыс. долл. отчислений от продажи нефти⁵. Чем россияне хуже американцев или граждан Арабских Эмиратов? Как поговаривал бывший министр финансов Александр Яковлевич Лифшиц: «Делиться надо!». Если не сейчас, то хотя бы в обозримом будущем. Вера в Бога не означает отказа от светского образа жизни россиян!

Теперь перейду к ст. 75 Конституции, где речь идет о Банке России. Согласно п.1 данной статьи, денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Итак, первый вопрос: статус Банка России?

Закон о ЦБ не дает определения понятия Банка России. В литературе правовой статус Центрального банка РФ является предметом оживленной дискуссии. Особенность Банка России – его *двойственное положение*: с одной стороны, он выступает как государственный орган, с другой – как хозяйствующий субъект⁶. Мы согласны с мнением о том, что *в соответствии с Конституцией РФ Банк России не является государственным органом, его нельзя назвать органом исполнительной власти*⁷. Вместе с тем Банк России наделен значительными властными полномочиями. Именно здесь усматривается парадоксальная ситуация, а не в противопоставлении статуса Банка России как органа, наделенного властными полномочиями, и юридического лица. Правда, резонно возникает вопрос: зачем Банку России, наделенному властными

полномочиями, при этом обладать статусом юридического лица?

Если это необходимо для осуществления публичных функций, то едва ли данный аргумент заслуживает поддержки. Практически любой орган публичной власти может осуществлять свои функции без статуса юридического лица. Зачем, скажем, Правительству России статус юридического лица, если в соответствии с Конституцией РФ, федеральным конституционным законом Правительство РФ обладает всеми необходимыми полномочиями, а также механизмами их реализации? Другой пример: в нормотворческой практике субъектов РФ известен случай, когда губернатор одного из сибирских регионов хотел получить статус юридического лица. Представьте себе: губернатор – юридическое лицо. Если пойти в этом направлении, то Россия может обогнать старую Англию, в которой монарх, архиепископ и некоторые лица обладают статусом единоличной корпорации (corporation sole). На этом фоне почему-то приходит в голову крылатое выражение советских классиков: «Я пришел к Вам как юридическое лицо к юридическому лицу». Добавим: «Сказать, что жить стало лучше, жить стало веселее!». Здесь тоже не обойтись без чувства юмора, особенно в условиях цифровой экономики и короновируса.

Итак, мы считаем, что статус юридического лица органам публичной власти для осуществления публичных функций не нужен. Органы публичной власти, участвуя в гражданском обороте, нуждаются в таком статусе для решения вопросов хозяйственного обеспечения своей деятельности. Всё выглядит весьма прозаично: надо приобрести канцелярские принадлежности, оргтехнику, мебель и т.д. В данном случае конструкция «юридическое

лицо публичного права» – фикция. Если бы гражданское законодательство позволяло органам публичной власти участвовать в хозяйственном обороте без образования юридического лица, то, как мы полагаем, эта надуманная конструкция не вызвала бы столь широкого юридического резонанса. Идет процесс юриди-

**На мой взгляд, Банк
России относится
к некоммерческим
организациям
(п. 1 ст. 50 ГК РФ).
Получение прибыли
не есть цель его
деятельности
(ст. 3 Закона о ЦБ)**

зации субъектов! Но вряд ли законодатель пойдет по этому пути.

Что касается Банка России, то для него статус юридического лица необходим не только для обеспечения указанных выше целей. Согласно главе VIII Закона о ЦБ Банк России имеет право осуществлять *банковские операции и сделки* с российскими и иностранными кредитными организациями, Правительством РФ для достижения целей, предусмотренных настоящим законом. То есть Банк России действует в качестве *банка (кредитной организации)*⁸.

Спорным до сих пор является вопрос об отнесении Банка России ли-

бо к коммерческой, либо некоммерческой организации. Наиболее распространено мнение о том, что Банк России является государственным учреждением⁹. По утверждению Л.Г.Ефимовой, ЦБ РФ – государственное унитарное предприятие, основанное на праве хозяйственного ведения¹⁰. О.М.Олейник считает, что Банк России представляет собой юридическое лицо публичного права¹¹. Такой же точки зрения придерживается В.Е.Чиркин, автор монографического исследования «Юридическое лицо публичного права»¹².

На мой взгляд, Банк России относится к некоммерческим организациям (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Получение прибыли не есть цель его деятельности (ст. 3 Закона о ЦБ). Возникает вопрос об организационно-правовой форме Банка России как некоммерческой организации? И не только. Налицо внутреннее противоречие норм Закона о ЦБ и их несогласованность с нормами ГК РФ.

Центральный банк РФ нельзя в полной мере отнести к учреждению, поскольку в силу ст. 50, 120 ГК РФ учреждение определяется как организация, финансируемая собственником полностью или частично. В соответствии со ст. 2 Закона о ЦБ Банк России осуществляет свои расходы за счет собственных доходов, т.е. в финансовом отношении не зависит от собственника – государства. Наоборот, Банк России вправе осуществлять различного рода операции с Правительством РФ, в том числе предоставлять кредиты, за исключением финансирования дефицита федерального бюджета (ст. 22 Закона о ЦБ). Иногда в литературе эта особенность ЦБ РФ просто игнорируется.

При определении статуса Банка России важно определить и форму принадлежности имущества.

Статья 2 Закона о ЦБ гласит, что имущество Банка России является *федеральной собственностью*. ГК наряду с правом собственности к вещным относит и другие права (ст. 216). Понятие «право оперативного управления» в большей степени соответствует правовому режиму имущества Банка России. Налицо некоторое разночтение между ГК РФ и Законом о ЦБ. Право оперативного управления в отношении закрепленного имущества принадлежит казенному предприятию и учреждению (ст. 296 ГК).

Более предпочтительной выглядит точка зрения, согласно которой Банк России – *федеральное юридическое лицо публичного права*¹³. Вместе с тем такой взгляд на природу Центрального банка РФ нуждается в уточнении. Действительно, Банк России, будучи юридическим лицом, учреждается в особом порядке: отсутствие государственной регистрации, учредительных документов и др. Такого рода образования (равно, министерства, ведомства) не вписываются в общее представление о юридических лицах (гл. 4 ГК РФ). В то же время сказать, что Банк России, обладая статусом юридического лица, выходит из зоны частноправового регулирования, трудно хотя бы потому, что другой зоны просто нет¹⁴. Если в этой ситуации рассматривать Банк России в качестве юридического лица публичного права, то закономерно появляется вопрос: какого публичного права (конституционного, административного и т.д.). В.Е. Чиркин предлагает включить само понятие юридического лица публичного права в конституционное или административное законодательство. Он предлагает принять общий закон о юридических лицах. Конечно, предложение смелое и неоднозначное. В России нет закона о холдингах, закона о предпринимательских

объединениях. Может быть, у закона о юридических лицах будет более счастливая судьба! Поэтому правильно (с учетом реального положения) называть Банк России *публичным юридическим лицом*.

В заключение хочу остановиться на национальной идее России, которая не получила отражение

**В заключение
хочу остановиться
на национальной
идее России, которая
не получила отражение
в Конституции
и соответствующих
поправках. Возможно, пока
еще не до нее, имеются
более важные задачи
реконструкции публичной
власти**

в Конституции и соответствующих поправках. Возможно, пока еще не до нее, имеются более важные задачи реконструкции публичной власти. Тем не менее считаю, что в современных условиях развития государства и общества тема национальной идеи весьма актуальна!

Даже беглый обзор и анализ современного понимания национальной идеи свидетельствуют об отсутствии четких границ в исследовании столь сложного общественного явления. Каких только предложений не звучало по поводу национальной идеи, что еще раз подтверждает не только актуальность, но сложность определения.

Итак, национальная идея – это развитие новых технологий образования и психологии как науки, обеспечивающей данный процесс (профессор, доктор психологических наук В.М. Аллахвердов); национальная идея – это уважение; это то, чего жаждет российское население всех слоев и регионов (лидер политической партии «Яблоко» Григорий Явлинский. Президент России В. Путин 30 января 2003 г. на заседании Государственного совета Российской Федерации при обсуждении вопросов повышения роли физической культуры и спорта для формирования здорового образа жизни россиян, сказал, что *физкультура и спорт становятся частью национальной идеи*. Тоже интересный ракурс в определении национальной идеи!

Несколько позже, 12 февраля 2004 г., Владимир Владимирович Путин в своем выступлении перед доверенными лицами в МГУ назвал в качестве *национальной идеи конкурентоспособность человека*, коллектива и общества. «Нам нужно быть конкурентоспособными во всем. Человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна»¹⁵. Правда, при чем здесь конкурентоспособность? Ведь речь идет о национальной идее, а не о конкуренции в сфере материального производства.

Далее, Владимир Владимирович Путин и Дмитрий Анатольевич Медведев несколько скептически высказались в адрес национальной идеи: «А у нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава – поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и – бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам» (В.В. Путин). А вот высказывание

Дмитрия Медведева: «Мне неоднократно приходилось отвечать на вопросы о национальной идее. Дискуссию на эту тему я считаю малоэффективной. Но уверен, что у каждой нации должен быть набор понятных принципов и целей, которые объединяют людей, живущих в одной стране. И строятся эти принципы на вполне реальных задачах, востребованных обществом». **Итак**, национальная идея – старинная русская забава! Здорово!

В 2012 г. Президент России В.В. Путин вновь вернулся к теме о национальной идее как некоем компромиссе разных точек зрения сторон в обществе. Кроме того, Владимир Путин акцентировал внимание на русском «едином культурном коде», а также на том, что «самоопределение русского народа – это полиэтническая организация, скрепленная русским культурным ядром»¹⁶. Однако это мысли о русском народе, русской культуре, самоопределении, а где же национальная идея? Национальная идея есть компромисс, т.е. разрешение конфликтных ситуаций в обществе путем взаимных уступок ради достижения какой-либо цели. Новый аспект национальной идеи России!

Вопрос о национальной идее не прошел мимо Александра Исаевича Солженицына, русского писателя, общественного и политического деятеля. Симптоматично, что А.И. Солженицын в интервью журналу «Шпигель» сказал в отношении национальной идеи следующее: «Когда дискуссия о «национальной идее» довольно поспешно возникла в посткоммунистической России, я пытался охладить ее возражением, что, после всех пережитых нами изнурительных потерь, нам на долгое время достаточно задачи Сбережения гибнущего народа». **Таким образом**, дальнейшему истреблению народа противопоставлена формула

А.И. Солженицына «Сбережение народа». Иначе говоря, когда народ России будет сбережен и преумножен, тогда снова встанет вопрос – какой идеей ему руководствоваться. Но надо отметить, что формула «Сбережение народа» – это не национальная идея, а лишь формула¹⁷.

Как любая идея, национальная идея может овладеть массами в добровольной форме, если народные массы созрели до ее понимания и реализации. Пока (в обозримом будущем) необходимого «поворота мозгов» нет. Зато в изобилии промывание мозгов в форме политических деклараций и громких заявлений. Вместе с тем бедность народа (помноженная на высокий уровень безработицы, смертности и т.д.) порождает нищету философии и взглядов.

Президент России В.В. Путин не пропагандирует растворение русских в «толерантной российской нации». Напротив, он называет русский народ государствообразующим по факту существования России. «Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Фёдора Достоевского...»¹⁸. Огромная (объединяющая) роль здесь принадлежит русскому языку, русской культуре, отечественной истории, образованию как «основы самоидентичности» народа¹⁹.

Равно и религия не ради религиозности и соборности. Следует согласиться, что *национальная идея России не может быть религиозной*, хотя бы из-за множественности конфессий в нашей стране. Поэтому национальная идея должна быть не русской, а общероссийской. Что касается государственной идеи, то она, на наш взгляд, представляет собой построение новой великой России. Однако не всякая государственная идея способствует

реализации национальной идеи народа. В настоящее время это происходит в России.

Статья 67¹ Конституции дополнена следующим содержанием: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

В частности, статья 68 Конституции изложена в обновленной редакции: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Как видно, в этих статьях Конституции содержатся мысли, созвучные национальной идее. Первый шаг в нужном направлении сделан. Ждем второй!

Итак, попытаемся сформулировать некоторые промежуточные выводы. **1.** Идея как прообраз общественного сознания зреет внутри народа, нации. Она должна родиться «изнутри», исходя из выработанных веками ценностных ориентиров. Она формируется интеллектуальной элитой. **2.** Второй тезис: идея идее рознь. Надо различать государственную, национальную и русскую идеи. Конечно, при сопоставлении они могут перекрещиваться и пересекаться. Вместе с тем сказанное не означает, что указанные виды совпадают. **3.** Национальная идея не абстрактна, она конкретна, а ее содержание должно соответствовать конкретным условиям развития общества. Она должна быть адекватной времени, отвечать на его вызовы. Однако при этом не следует исключать накопленный опыт народа и нации.

Слишком непозволительная роскошь забывать (не замечать) исторического прошлого. 4. Необходим баланс религиозного и светского наполнения идеи. 5. Национальная идея имеет внутреннее и внешнее измерение. Первое является представлением о своей стране, второе – идеей, направленной на окружающий мир. Только всемирная значимость идеи поднимет нацию до мирового масштаба. 6. Национальная идея обязана быть направленной

в будущее. 7. Национальная идея должна быть жизнеспособной, чтобы выстоять в течение десятилетий и столетий.

Различные варианты национальной идеи: «Закон. Справедливость. Процветание», «Восток и Запад объединяя», «Одна жизнь, одна Отчизна», «Вера. Надежда. Любовь» и др. В 2010 г. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования провел Всероссийский конкурс по поиску

национального девиза в общественном сознании наших соотечественников. Были зафиксированы около 200 версий национального девиза²⁰.

Мне импонирует национальная идея «Закон. Справедливость. Процветание». Предлагаю организовать общественное обсуждение разных вариантов.

Уважаемые читатели! Буду признателен вам за отзывы, критические замечания и предложения по содержанию настоящей статьи. **Е**

¹ См.: Морщакова Т. Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года // <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zaklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/>
² См.: Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. – М., 1997. – С. 10.
³ Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / Рук. авт. кол. Д. С. Львов, А. Г. Поршнева. – М., 2002. – С. 13–14.
⁴ Белых В. С. Россия: вчера, сегодня, завтра. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2020. – С. 229–230.
⁵ См.: Кому принадлежат природные ресурсы России? // <http://slavyanskaya-kultura.ru/blogs/blog-boica/komu-prinadlezhat-prirodnye-resursy-rossii.html>
⁶ См.: Агарков М. М. Основы банковского права. Курс лекций. Изд. 2-е. Учение о ценных бумагах. Науч. исследование. Изд. 2-е. С. 26; Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Учебно-практическое пособие. – М., 2003. – С. 12–13.
⁷ См.: Братко А. Г. Центральный банк в банковской системе России. – М., 2001. – С. 96.
⁸ См. Банковское право: учебник для бакалавров / отв. ред. В. С. Белых. – М., 2013. – С. 104–110 (автор главы 4 – Белых В. С.).
⁹ См.: Гейвандалов Я. А. Центральный банк Российской Федерации: юридический статус, функции, правомочия. М., 1997; Банковское право: Учебное пособие / Отв. ред. А. А. Травкин. – М., 2005. – С. 38.

¹⁰ Такая точка зрения была высказана: см.: Правовое регулирование банковской деятельности / под ред. Е. А. Суханова. – М., 1997. – С. 20–26. В настоящее время она пересмотрена.
¹¹ Олейник О. М. Основы банковского права. Курс лекций. – М., 1997. – С. 130–131.
¹² См.: Чиркин В. Е. Юридические лица публичного права. – М., 2007. – С. 215–244.
¹³ Такая точка зрения была высказана и автором см.: Белых В. С., Скуратовский М. Л. Гражданский кодекс и банковское законодательство // Хозяйство и право. 1997. № 4. С. 63).
¹⁴ См.: Белых В. С. О соотношении частного и публичного права в правовом регулировании общественных отношений. Цивилистические записки: Межвуз. сб. научн. труд. Вып. 3. К 80-летию С. С. Алексеева. С. 71.
¹⁵ http://www.zlev.ru/153/153_30.htm
¹⁶ См.: <http://vl-club.com/6125-vladimir-putin-rossiya-samoopredelenie-russkogo-naroda.html>
¹⁷ Белых В. С. Россия: вчера, сегодня, завтра. – 2-е изд., перераб. и доп. – С. 196–204.
¹⁸ См.: <http://vl-club.com/6125-vladimir-putin-rossiya-samoopredelenie-russkogo-naroda.html>
¹⁹ См.: Тагарин А. С. Что такое национальная идея? – Национальная идея как основа сплочения российского общества. – Екатеринбург, 2013. – С. 78.

Правовой анализ экономики: постановка проблемы, конституционные критерии

Шишкин С. Н., д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация:

В статье обосновывается необходимость теоретической концепции «правовой анализ экономики», определяются основания, цель и критерии данной концепции. Автор рассматривает такие научные направления, как «экономический анализ права» и «конституционная экономика» и делает вывод о том, что правовой анализ экономики развивает позиции и идеи конституционной экономики. В качестве критериев, используемых при осуществлении правового анализа экономики, могут применяться именно конституционные цели, ценности и принципы.

Ключевые слова:

экономический анализ права, конституционная экономика, правовой анализ экономики, цель права, ценность права, принцип права.

Сергей ШИШКИН

В юридической литературе уделяется значительное внимание вопросам соотношения права и экономики¹. Актуальность исследований в данной сфере неизменно будет повышаться, что во многом предопределено модернизацией экономики на основе научно-технического прогресса, детерминирующего новые инновационные, в том числе цифровые, технологии, а это, в свою очередь, способствует появлению новых форм хозяйствования

и ведения предпринимательской деятельности. Названные аспекты не могут не обуславливать необходимость адекватного правового обеспечения, основывающегося на определенном доктринальном осмыслении и разработке соответствующих теоретических концепций.

Существует разнообразие взглядов на проблему соотношения экономики и права: от абсолютизации зависимости права от экономики до абсолютизации роли права в отношении экономики. Так, через всю экономическую теорию Карла Маркса красной нитью проходит идея о том, что государство и право как явления надстроечного порядка предопределены экономическим базисом общества. Например, известны «классические» перегибы, характеризующиеся как гипертрофированным перевесом в сторону государственного регулирования экономики (социалистический период жизни нашего общества), так и фактическим отказом от государственного регулирования экономики («шоковая терапия» начала 90-х годов прошлого века).

Вместе с тем все теоретические концепции в той или иной мере сходятся в выводах о взаимном влиянии экономики и права. Ясно одно, что недопустимо как переоценивать роль воздействия права на экономику, так и недооценивать активного обратного влияния экономики на право.

Представляется, что именно на абсолютизации роли экономики, на обусловленности права экономической основой является целое направление исследований, возникшее на западе, – «экономический анализ права» (law and economics).

Экономический анализ права развивался в основном усилиями экономистов и сложился как научное направление, применяющее экономические предпосылки, критерии и абстрактные экономические модели для анализа правовых норм в любой сфере².

Экономический анализ права рассматривается его исследователями в двух принципиально различных формах: позитивной и нормативной. Первая форма представляет собой исследование закономерностей взаимодействия права

и экономики – в этом случае экономический анализ права может рассматриваться как межотраслевой научный метод исследования. Вторая форма используется экономически и политически господствующими классами, лоббистами и агентами иностранного влияния как средство изменения законодательства в сугубо экономических целях часто для разового применения нормы под лозунгами – «рост экономического благосостояния как цель права»³.

Относительно первой (позитивной) формы: следует отметить, что исследование закономерностей взаимодействия права и экономики занимают как представители экономической теории и прикладной экономики, так и теории государства и права, а также отраслевых юридических наук. Вследствие этого говорить о каком-либо самостоятельном научном направлении – будь то, допустим, «экономический анализ права» – в данном случае можно лишь весьма условно.

В науке конституционного права в настоящее время активно развивается теоретическая концепция – «конституционная экономика», в рамках которой юристы и экономисты объединяют свои усилия для выяснения того, как, в каких пределах и в какой форме конституционное право может влиять на принятие важнейших (стратегических) экономических решений, составляющих суть экономической политики государства⁴. Конституционная экономика – это научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве.⁵ Конституционная экономика занимается

исследованием конституционно-правовых институтов и ценностей в их взаимодействии с экономическими процессами и является в большей степени правовой дисциплиной⁶.

Поскольку возрастание роли конституционного права в обществе – одна из основных идей на-

**В науке
конституционного права
в настоящее время
активно развивается
теоретическая
концепция –
«конституционная
экономика»**

званного научного направления, то в этом случае неизбежно возникает вопрос: есть ли этому пределы?

Например, В.Д. Мазаев отмечает, что расширение и усложнение конституционно-правового регулирования не означает эскалацию конституционного права на всю совокупность общественных отношений, размывание конституционного воздействия. Целевым назначением содержания предмета конституционного регулирования остается то, что в него входят отношения по обеспечению равновесия во взаимоотношениях общества, государства и личности с использованием политической власти как важнейшего

инструмента и гарантии этих отношений⁷.

Вторая (нормативная) форма экономического анализа права может быть обозначена как собственно экономический анализ права. В таком понимании экономический анализ права как раз и «ориентирован исключительно на аспекты экономической целесообразности, не придавая самостоятельного значения другим правовым ценностям, таким как социальная защищенность, правовая охрана и основополагающие правовые ценности обычаев, будучи не в состоянии достоверно их оценить»⁸.

Сама по себе идея о роли права в эффективном распределении ресурсов ничего крамольного в себе не несет до тех пор, пока не становится на службу узкокорыстных, эгоистических, а порой и криминальных интересов отдельных лиц или их групп, присваивающих общественные блага.

Для иллюстрации будет достаточно привести два теоретических тезиса представителей собственно экономического анализа права. В одном случае речь идет о том, что изменения юридического правила об ответственности за несчастные случаи на производстве должны привести к продолжению инвестиций в те области деятельности, в которых работодатель освобождается от ответственности, и прекращению инвестиций в те сферы, где ответственность работодателя вводится (Г. Калабрези)⁹. В другом случае лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Беккер сделал, мягко говоря, своеобразный вывод, что преступники рациональны, а принятие решения о нарушении закона по своей логике аналогично принятию решения о выборе одной из нескольких альтернатив поведения. При этом преступник у него выступает

в качестве производителя, а жертва – в качестве потребителя преступления, причем далее он говорит, что уровень преступной активности можно регулировать, если установить набор цен преступлений, состоящих из двух составляющих: строгости наказания и вероятности применения наказания¹⁰.

При таком подходе, гипертрофированном идеей экономической рациональности и эгоистическими интересами отдельных лиц и их групп, может идти речь только о подрыве ценности права, о разрушении самого права как социального регулятора и средства обеспечения социально справедливых потребностей и интересов граждан и общества в целом.

Когда автор еще в 80-е годы прошлого столетия, будучи студентом-заочником, работал юрисконсультом на одном из предприятий агропромышленного комплекса, руководитель этого предприятия дал ему такую директиву: «Твоя главная задача состоит в том, чтобы в случае чего мне дали штраф, а не посадили». Не знал тогда автор, что ему поручили заниматься «буржуазным» экономическим анализом права!

В отличие от экономического анализа права концепция конституционной экономики основана на идее, что правовые, в первую очередь конституционные, принципы и институты (выделено мною – С. Ш.) имеют высшую ценность и должны учитываться экономическими агентами, законодателем, правоприменителем¹¹.

Вполне уместным, логичным и актуальным может выглядеть предложение о разработке концепции «правовой анализ экономики».

Необходимость в правовом анализе экономики очевидна и заключается она прежде всего в выявлении в самой экономике элементов, схем, механизмов и субъектов

(объектов анализа), детерминирующих нарушение и разрушение права как такового, его ценностей, целей и принципов. Соответственно, необходима также и адекватная надлежащая правовая оценка того, что выявлено и как экономика соответствует праву в целом.

Цель правового анализа экономики заключается в формировании и обеспечении правовой, нравственной экономики, направленной на созидание, прогресс, партнерство в интересах общества. Если мы говорим о правовом государстве как о государстве, связанном в самой сути своей правом, то почему мы не можем говорить об экономике, связанной правом?

Если экономический анализ права нацелен на максимальное извлечение выгоды из правовых институтов и норм в эгоистических интересах, то экономический анализ права призван для того, чтобы сделать экономику как можно более справедливой.

Основаниями правового анализа экономики выступают важнейшие конституционные цели, ценности и принципы: общее благо; стремление обеспечить благополучие и процветание России; права и свободы человека и гражданина; справедливость; соразмерность; пропорциональность; равенство; социальное государство; верховенство права и конституционная законность.

Для правового анализа экономики необходим соответствующий инструментарий, определенные правовые средства – критерии, в качестве которых и могут выступать цели, ценности и принципы права, поскольку именно цели, ценности и принципы права, в отличие от других правовых средств, отличающихся известной консервативностью, несут в себе прогрессивную направленность на развитие и созидание.

В качестве критериев, используемых при осуществлении правового анализа экономики, могут выступать именно конституционные цели, ценности и принципы. Это обусловлено тем, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу.

Кроме того, необходимо учитывать, что Конституция в качестве Основного Закона одновременно выполняет и важнейшую социально-интегративную функцию. В основу нашей Конституции заложены доктрина неотчуждаемых прав человека и принцип правового равенства, получившие конкретизацию и развитие в целом ряде конституционных положений¹².

Следует отметить, что, например, принципы административного права ориентированы на метод власти-подчинения, а принципы гражданского права – это частноправовые принципы.

Правовой анализ экономики должен опираться на оптимальное сочетание публично-правовых и частноправовых интересов, что характерно для предпринимательского права. Однако, во-первых, наличие данной отрасли права подвергается жесткой критике оппонентами. Во-вторых, ввиду отсутствия системообразующего нормативного правового акта предпринимательского права (который, помимо всего прочего, и мог бы в развитие конституционных норм связать экономику правом), значительная часть принципов предпринимательского права, к сожалению, не имеет законодательного закрепления. Вместе с тем цель предпринимательского права – обеспечение рационального хозяйствования – вполне могла бы вписываться в качестве критерия правового анализа экономики, как и принцип партнерства, охватывающий, в частности, принцип добросовестности.

Моральные по сути, но облеченные в правовую форму и закрепленные в других отраслях права категории такие, например, как добросовестность, добропорядочность, не могут не служить в качестве соответствующих дополнительных критериев правового анализа экономики.

Целью права является общее благо, представляющее собой состояние общества, при котором решения, регулирующие общественные отношения и затрагивающие неограниченный круг членов общества, имеют цель принести и приносят пользу для любого и каждого человека¹³.

Цель достижения общего блага, применительно к правовому анализу экономики, конкретизируется в форме реализации и защиты публичных интересов (интересов общества), таких как оборона страны и безопасность государства, защита прав и свобод человека и гражданина, охрана окружающей среды, надлежащее осуществление функций социального государства, в том числе защита социально уязвимых слоев населения.

Что касается правовой природы и места принципов права в правовой системе, представляется обоснованной точка зрения, согласно которой принципы права, прежде всего, являются не «идеями», «положениями», «началами», а действительными (действующими) средствами правового регулирования общественных отношений¹⁴. Принципы права могут и не выражаться в текстах законов, но обязательно должны применяться в судебной практике¹⁵.

Выше приведенные критерии правового анализа экономики, включая моральные, должны применяться в системном единстве, что является необходимым условием преодоления дискуссионности некоторых из них.

Выводы и предложения, основанные на правовом анализе экономики, необходимы для корректировки государственной экономической политики и совершенствования конкретных правовых институтов и норм правового регулирования экономики. Например,

**Правовой анализ
актуален в отношении
коллекторской
и микрофинансовой
деятельности, как,
впрочем, и в отношении
банковской, безусловно,
как никогда тоже**

сквозь призму приведенных выше важнейших конституционных целей, ценностей и принципов, таких как общее благо, права и свободы человека и гражданина, справедливость, равенство, верховенство права и конституционная законность, возникают вопросы о правовом положении и функционировании государственных корпораций, которые корпоративными организациями не являются. Могут ли некоммерческие унитарные организации осуществлять банковские операции или осуществлять нормативное правовое регулирование в какой-либо сфере, пусть даже и делегированные им соответствующими законами? Необходима также унификация

законодательства в части определения номинативной очерченности государственных корпораций, государственных и публично-правовых компаний, причем не только и не столько с семантической точки зрения, сколько с содержательных характеристик названных юридических лиц, чтобы не было семасиологического жонглирования в правовом поле в тех случаях, когда требуются четко очерченные границы взаимодействия государственных структур и частного капитала. Особенно размытая картина в этом ключе во взаимодействии с виртуальными организациями, виртуальным капиталом и даже с виртуальными государствами и их валютой, куда все более и более втягивается население, и без того отягощенное взаимоотношениями с банками, микрофинансовыми организациями и никак не защищенное государством.

Правовой анализ актуален в отношении коллекторской и микрофинансовой деятельности, как, впрочем, и в отношении банковской, безусловно, как никогда тоже. Виртуальный же сектор экономики (сектор «фиктивного капитала») со всеми его цифровыми новшествами должен быть тщательнейшим образом проанализирован правом и т. д.

Доктринальный конституционно-правовой анализ экономики находит свое отражение в работах ученых-конституционалистов. Так, В.Д. Зорькин отмечает, что, судя по характеру многочисленных жалоб в Конституционный Суд, в настоящее время главным источником напряженностей в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав граждан. Чрезмерное социальное расслоение является свидетельством несправедливого распределения бремени

проводимых в стране экономических реформ. Углубляется бесправное положение работающих, нарастают объемы их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности. Налицо разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактическими показателями. Мы еще далеки от реализации положений ст. 7 Конституции РФ, согласно которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Ключевые для конституционного правопонимания понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления¹⁶.

Повернуть российскую экономику в сторону социальной направленности – важнейшая задача государства. Решение данной задачи не может быть обеспечено без правовых средств. В связи с этим, например, В.С. Белых выдвигает идею о необходимости для современной России

концепции государственного социально ориентированного капитализма, которая должна учитывать при совершенствовании действующего законодательства. Идеологию процесса совершенствования необходимо рассматривать в русле экономической модели¹⁷.

Правовой анализ экономики содержится и в конкретных решениях Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ¹⁸ Конституционный Суд РФ установил, что деятельность компании «ЮКОС», с учетом занимаемого ею места в экономике страны – даже если оставить **вне правового анализа** (выделено мною – С. Ш.) вопрос о справедливости способов формирования активов компании в стратегически важной и одной из наиболее доходных отраслей экономики, благодаря которым она вошла в число крупнейших хозяйствующих субъектов, – имела праворазрушающий

эффект, препятствуя стабилизации конституционно-правового режима и публичного правопорядка.

Сама по себе выплата присужденной Европейским Судом по правам человека бывшим акционерам компании, выстроившей незаконные схемы уклонения от налогообложения, столь значительной денежной компенсации из бюджетной системы, которая регулярно не получала от нее в должном объеме огромные суммы налоговых платежей, необходимых, в том числе, для выполнения публичных обязательств перед всеми гражданами, преодоления финансового и экономического кризиса, противоречит конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях.

В целом правовой анализ экономики можно представить в качестве теоретической концепции, развивающей позиции и идеи конституционной экономики в рамках конституционно-правовой доктрины и являющейся в своей основе конституционно-правовой, не исключая, однако, использование в качестве факультативных критериев применение целей и принципов других отраслей права. ■

¹ См., напр.: Белых В.С. Модернизация российской экономики и предпринимательского законодательства: вопросы теории и практики: монография / под общей ред. акад. РАН А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 263 с.; Белых В.С. Экономика и право: основные модели соотношения // Юрист. 2015. № 20. – С. 10–16; Белых В.С. Сущность права: в поисках новых теорий, или «консерватизм старого мышления»? // Российский юридический журнал. 1993. № 2. – С. 51–58; Путинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. – М.: Юрид. лит. 1991. – 240 с.; Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Е.Г. Азарова, А.А. Аюрова, М.К. Белобабченко и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: ИЗиСП, Статут, 2015. – 400 с. и др.
² См.: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ, 2010. – 265 с. – С. 20.
³ См.: Силицын С.А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 2. – С. 5.
⁴ См.: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. С. 3.
⁵ См.: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. С. 11; Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика и основы экономического положения личности // Очерки Конституционной Экономики. 23 октября 2009 года / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ, 2009. – 280 с. – С. 92.
⁶ См.: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. – С. 19.

⁷ См.: Мазаев В.Д. Метод конституционного права и конституционная экономика // Философия права в начале XIX столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / издание Московско-Петербургского философского клуба. – М.: Летний сад, 2010. – С. 188.
⁸ См.: Силицын С.А. Там же. С. 6–7.
⁹ См.: Экономический анализ нормативных актов / Моск. гос. у-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак.; Под ред. В.Л. Тамбовцева. – М.: ТЕИС, 2001. – 407 с. – С. 5.
¹⁰ Шамаков А.В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч.1 – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. – 136 с. – С. 8.
¹¹ См.: Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. – С. 19.
¹² См.: Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.
¹³ См.: Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. – М., 2003. – С. 10–11.
¹⁴ См., напр.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018. – 628 с. – С. 310.
¹⁵ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). – Юристы, 2002. – С. 55.
¹⁶ См.: Зорькин В.Д. Указ соч.
¹⁷ См.: Белых В.С. Указ соч. С. 78.
¹⁸ Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

Проблемы правового регулирования конкуренции в Свердловской области в контексте конституционной реформы

Сухорук А. С., к. ю. н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ

Аннотация:

В статье исследуются проблемы правового регулирования конкуренции в Свердловской области в контексте конституционной реформы. Актуальность данного исследования предопределяется развитием конкуренции в нашей стране и ее важностью для отечественной экономики. Целью данной статьи является раскрытие содержания конституционно-правового регулирования конкуренции и определения его значения для регионального регулирования конкуренции, а также выявление проблем правового регулирования конкуренции в Свердловской области. В статье раскрыто содержание конституционно-правового регулирования конкуренции и выделены его составляющие. Дано определение конституционно-правовым основам конкуренции и конституционному праву на конкуренцию. Раскрыта структура законодательства о конкуренции. В связи с конституционной реформой проведен анализ особенностей конституционного закрепления положений о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере законодательства о конкуренции, выявлены проблемы правового регулирования. Представлен обзор планируемых изменений в Конституцию РФ в сфере экономических отношений, наиболее тесно связанных с конкуренцией. Также в статье сформулированы предложения по совершенствованию действующего федерального законодательства и законодательства Свердловской области о конкуренции.

Ключевые слова:

Конституционно-правовое регулирование конкуренции, конституционно-правовые основы конкуренции, конституционное право на конкуренцию, законодательство о конкуренции, стандарт развития конкуренции.

Александр СУХОРУКОВ

Конституционно-правовое регулирование конкуренции является актуальным и значимым для

отечественной экономики. Во многом это связано с развитием конкуренции в Российской Федерации и совершенствованием нормативно-правовой базы конкуренции. В настоящее время принято значительное количество нормативных правовых актов, регулирующих вопросы конкуренции, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В связи с этим возникает необходимость изучения проблем правового регулирования конкуренции на уровне регионов в рамках их экономического развития.

Конституционно-правовое регулирование конкуренции состоит из нескольких составляющих: конституционно-правовых основ конкуренции и конституционного права на конкуренцию.

Конституционно-правовые основы конкуренции – совокупность

конституционно-правовых норм, содержащихся в Конституции государства и иных источниках конституционного права (конституционных актах государства и его регионов), регулирующих общественные отношения, связанные с защитой и развитием конкуренции, в рамках которых реализуется конституционное право на конкуренцию¹.

Конституционное право на конкуренцию представляет собой субъективное конституционное право хозяйствующих субъектов на самостоятельное и равное соперничество с другими хозяйствующими субъектами, недискриминационный и свободный доступ на рынок и добровольный выход с него, реализующееся в рамках конституционных правоотношений, имеющее целью для субъектов – носителей этого права (хозяйствующих субъектов)

приобретение конкурентных преимуществ, в результате чего происходит удовлетворение спроса населения на качественные товары (работы, услуги), а также эффективное развитие экономики². Данные конституционные правоотношения складываются между хозяйствующими субъектами и государством.

Отметим, что в отечественной юриспруденции конституционное право на конкуренцию до сих пор отдельно не выделялось в качестве самостоятельного конституционного права. Мы полагаем, что имеются основания для его самостоятельного рассмотрения, поскольку последнее как субъективное право является, наряду с конституционно-правовыми основами, важным элементом конституционно-правового регулирования конкуренции в Российской Федерации.

Обратим свое внимание на конституционно-правовые основы конкуренции. Это, прежде всего, один из важнейших конституционных принципов рыночной экономики, принцип поддержки конкуренции (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ). Также ч. 2 ст. 34 Конституции РФ установлен запрет на недопущение экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию³.

Законодательное регулирование конкуренции в рамках Российской Федерации основано на пункте «ж» ст. 71 Конституции РФ, который относит установление правовых основ единого рынка к ведению Российской Федерации, а в рамках субъектов данный процесс основан на положениях конституций (уставов) субъектов Российской Федерации.

На сегодняшний день в Конституции РФ не содержится четкого ответа на вопросы о том, к какому из предметов ведения относится законодательство о конкуренции и составляющие его части. К сожалению,

ст. 71 Конституции РФ напрямую не называет среди предметов ведения вопросы защиты конкуренции, а ст. 72 Конституции РФ среди предметов совместного ведения РФ и субъектов РФ не содержит вопросов развития конкуренции.

В связи с этим отметим, что в целях подробного разграничения

**Отметим, что
в отечественной
юриспруденции
конституционное
право на конкуренцию
до сих пор отдельно
не выделялось в качестве
самостоятельного
конституционного права**

предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере законодательства о конкуренции необходимо структурное выделение законодательства о защите конкуренции и законодательства о развитии конкуренции.

Полагаем, что законодательство о защите конкуренции логично отнести к предмету ведения Российской Федерации, а законодательство о развитии конкуренции – к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В связи с этим нами рассматривается возможность дополнения

п. «ж» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ словами «законодательство о защите конкуренции», а п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ – «законодательство о развитии конкуренции». При этом Российская Федерация определяет лишь правовые основы развития конкуренции, а детальное регулирование данного вопроса – прерогатива субъектов Российской Федерации.

В ходе обсуждения поправок в Конституцию РФ в 2020 году, необходимость которых была озвучена Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ⁴, были внесены ряд предложений по изменению статей, регулирующих экономическую жизнь государства. Однако, к сожалению, они не затронули те проблемы, которые мы обозначили выше. Тем не менее отметим, что ряд статей Конституции РФ в данном проекте все-таки претерпели довольно важные изменения. Так, в частности, предлагается дополнить Конституцию РФ статей 75.1, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, обеспечиваются также социальное партнерство и экономическая солидарность⁵.

Безусловно, в целях гармоничного и эффективного развития экономики необходимо, чтобы государство брало на себя обязанности по устойчивому экономическому росту, тем самым предоставляя хозяйствующим субъектам гарантии осуществления эффективной предпринимательской деятельности, а потребителям – гарантии наиболее полного удовлетворения потребностей в качественных товарах, работах и услугах, что должно отвечать высоким стандартам качества жизни (ст. 7 Конституции РФ). Важным в этой связи представляется закрепление в Конституции РФ

положений о социальном партнерстве и экономической солидарности, которые, по сути, выступают противоположностями конкуренции. На сегодняшний день в различных сферах общественных отношений, особенно в социальной и экономической, должна проявляться не только конкуренция, которая, безусловно, имеет много положительных сторон, но и социальная и экономическая поддержка, взаимовыручка, солидарность, которые обеспечивают единое и согласованное взаимодействие всех членов общества (в частности, хозяйствующих субъектов и потребителей). Эти понятия должны уравнивать друг друга, обеспечивая гармоничное развитие общества и государства.

На региональном уровне конституции (уставы) субъектов Российской Федерации также содержат положения о конкуренции. Так, например, они закреплены в ст. 11, 95 Устава Свердловской области от 23.12.2010⁶.

Отметим, что наличие единого экономического пространства и свободного перемещения товаров (работ, услуг) внутри государства диктуют необходимость регулирования конкуренции не только на уровне государства, но и на уровне его регионов. Разное экономическое развитие регионов также определяет необходимость закрепления положений о конкуренции в конституциях (уставах) всех без исключения регионов для выравнивания их экономического положения.

Одним из ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы развития конкуренции, является Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»⁷, который определил ключевые направления развития конкуренции

на ближайшие годы. Так, согласно данному Указу Президента РФ одним из основополагающих принципов государственной политики по развитию конкуренции является обеспечение равных условий и свободы экономической деятельности на территории Российской Федерации (п/п. «б» п. 3). Для этого, в свою очередь, требуется принятие нормативно-правовых актов, обеспечивающих гармоничное развитие конкуренции на всей территории РФ.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование развития конкуренции идет не только на федеральном уровне (План мероприятий (дорожная карта) по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 годы (утв. Распоряжением Правительства РФ от 16.08.2018 № 1697-р)⁸), но и на региональном уровне (Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.04.2019 № 768-р⁹, а также планы мероприятий (дорожные карты) развития конкуренции субъектов Федерации).

Именно Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации определяет ключевые аспекты развития конкуренции в регионах. Одной из целей Стандарта является установление системного и единообразного подхода к осуществлению деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по созданию с учетом региональной специфики условий для развития конкуренции между хозяйствующими субъектами в отраслях экономики.

Так, данным Стандартом определены базовые компоненты, которые должны быть учтены при осуществлении мероприятий по развитию конкуренции в регионах. К ним относятся, в частности, наличие уполномоченного органа, ответственного за осуществление содействия развитию конкуренции в регионе; коллегиального органа, рассматривающего вопросы развития конкуренции; определение перечня товарных рынков, на которых необходимо развитие конкуренции; утверждение плана мероприятий (дорожной карты) по развитию конкуренции в регионе; проведение мониторинга развития конкуренции в регионе и т. д.

Важной составляющей развития конкуренции в субъекте РФ является правовое регулирование конкуренции. Помимо положений Конституции (устава) субъекта РФ, необходимо наличие специализированных нормативно-правовых актов, которые более подробно регулируют отдельные аспекты развития конкуренции в регионе.

В Свердловской области к таким нормативно-правовым актам относятся Указ губернатора Свердловской области от 29.10.2019 № 524-УГ «О внедрении на территории Свердловской области стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации»¹⁰, а также нормативно-правовые акты губернатора Свердловской области об утверждении перечня товарных рынков, на которых необходимо содействие развитию конкуренции, и плана мероприятий по содействию развитию конкуренции в Свердловской области, и конкретизирующие их нормативно-правовые акты Правительства Свердловской области. В частности, к вышеуказанным нормативно-правовым актам относится Распоряжение губернатора Свердловской области от 07.06.2018

№ 101-РГ «Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Свердловской области и Плана мероприятий (дорожной карты) «Развитие конкуренции в Свердловской области» на 2018 год»¹¹. Уполномоченным органом, ответственным за осуществление содействия развитию конкуренции в Свердловской области, является Министерство инвестиций и развития Свердловской области.

Между тем в правовом регулировании развития конкуренции Свердловской области есть определенные проблемы.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание, на то, что план мероприятий по развитию конкуренции на 2018 год был утвержден в середине года, когда выполнение целевых показателей плана представлялось маловероятным. На сегодняшний день принято Распоряжение Губернатора Свердловской области № 264-РГ от 29.11.2019, которым утверждены Перечень товарных рынков для содействия развитию конкуренции в Свердловской области и План мероприятий (дорожной карты) по содействию развитию конкуренции в Свердловской области на период 2019–2022 годов¹². Данный нормативно-правовой акт значительно дополнил перечень товарных рынков, на которых необходимо содействие развитию конкуренции, и расширил перечень мер, необходимых для содействия развитию конкуренции. Так, вышеназванный перечень товарных рынков для содействия развитию конкуренции в Свердловской области содержит 44 рынка вместо минимальных 33, которые определены новым Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ. Однако отдельные мероприятия по развитию конкуренции на некоторых товарных рынках нуждаются в существенной доработке.

Например, план мероприятий по развитию конкуренции на 2019–2022 годы не содержит в перечне товарных рынков, на которых необходимо содействие развитию конкуренции, рынка розничной торговли, также среди мероприятий по содействию развитию конкуренции на товарных рынках отсутствуют такие меры, как содействие развитию продовольственных магазинов шаговой доступности несетевой розничной торговли. Между тем на сегодняшний день довольно интенсивное развитие магазинов сетевой торговли в небольших населенных пунктах (как правило, данные магазины принадлежат субъектам крупного бизнеса) и отсутствие содействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в развитии магазинов несетевой торговли приводит к тому, что субъекты малого и среднего предпринимательства, занятые в данной сфере, вынуждены закрывать свои магазины ввиду снижения товарооборота, в том числе по причине перехода потребителей в магазины сетевой торговли, что в конечном итоге ведет к снижению занятости населения в данной сфере и затруднениям для сельских товаропроизводителей продавать свои товары через розничную сеть. Норма ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹³, устанавливающая запрет на приобретение новых торговых площадей субъектами сетевой торговли, имеющими долю на рынке розничной торговли продовольственными товарами 25 процентов от объема всех реализованных продовольственных товаров в денежном выражении в соответствующем муниципальном образовании, фактически не работает.

Также необходимо оказывать содействие созданию логистических и оптово-распределительных центров для розничной торговли в небольших населенных пунктах в целях поддержания высокого товарооборота, удовлетворения покупательского спроса населения на товары и снижения цены товаров, в частности, путем снижения издержек на их перевозку. Отметим, что новый Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ не содержит среди перечня товарных рынков, необходимых к включению в региональные планы по развитию конкуренции, такого, как рынок розничной торговли. Между тем данные меры с учетом нового Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ могут быть реализованы либо путем дополнительного включения в региональные перечни товарных рынков рынка розничной торговли, либо в рамках рынка реализации сельскохозяйственной продукции. Тем более что в соответствии с п/п. «а» п. 30 Стандарта в плане мероприятий по развитию конкуренции в субъекте РФ должны быть предусмотрены системные мероприятия, направленные на развитие конкурентоспособности товаров, работ, услуг субъектов малого и среднего предпринимательства; на создание условий для недискриминационного доступа хозяйствующих субъектов на товарные рынки (п/п. «е»). Данные мероприятия согласуются с Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 и со Стратегией развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р)¹⁴.

Таким образом, можно прийти к выводам о том, что конституционно-правовое регулирование является базовым для отраслевого регулирования конкуренции.

Конституционно-правовое регулирование состоит из конституционно-правовых основ и конституционного права на конкуренцию. В то же время необходимо совершенствование законодательства о конкуренции, в частности принятие новых нормативно-правовых актов в сфере

развития конкуренции и доработка существующих на федеральном и региональном уровнях для полноценной реализации и защиты прав хозяйствующих субъектов и потребителей в экономической сфере, выполнения общегосударственных задач по развитию и защите

конкуренции. Действующее законодательство о развитии конкуренции в Свердловской области не лишено проблем, но они могут быть успешно разрешены при вдумчивом и внимательном подходе к экономической ситуации на товарных рынках в регионе. ■

Литература:

1. Сухоруков А. С. Конституционное право на конкуренцию // *Права человека: регулирование, реализация, защита: Материалы конференции (14 декабря 2007 года)*. – Екатеринбург: Изд-во «Филантроп», 2008.
2. Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
5. Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // СЗ РФ. 2017. № 52 (Часть 1). Ст. 8111.
6. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ // *Российская газета*. 2020. 16 января.
7. План мероприятий («дорожная карта») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 годы, утв. Распоряжением Правительства РФ от 16.08.2018 № 1697-р // СЗ РФ. 2018. № 36. Ст. 5655.
8. Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.04.2019 № 768-р // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2145.
9. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.
10. Устав Свердловской области от 23.12.2010 // URL: <http://www.midural.ru/ufiles/105-oz.pdf>.
11. Указ Губернатора Свердловской области от 29.10.2019 № 524-УГ «О внедрении на территории Свердловской области стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации» // URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/524-ug.pdf>.
12. Распоряжение Губернатора Свердловской области от 07.06.2018 № 101-РГ «Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Свердловской области и Плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции в Свердловской области» на 2018 год» // URL: http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/101-rg_0.pdf.
13. Распоряжение Губернатора Свердловской области от 29.11.2019 № 264-РГ «Об утверждении перечня товарных рынков для содействия развитию конкуренции в Свердловской области и Плана мероприятий («дорожной карты») по содействию развитию конкуренции в Свердловской области на период 2019–2022 годов» // URL: http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/264-rg_0.pdf.
14. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/>.

¹ Сухоруков А. С. Конституционное право на конкуренцию // *Права человека: регулирование, реализация, защита: Материалы конференции (14 декабря 2007 года)*. – Екатеринбург: Изд-во «Филантроп», 2008. – С. 268–272.
² Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 102.
³ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
⁴ Российская газета. 2020. 16 января.
⁵ Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 19.03.2020).
⁶ URL: <http://www.midural.ru/ufiles/105-oz.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
⁷ СЗ РФ. 2017. № 52 (Часть 1). Ст. 8111.

⁸ СЗ РФ. 2018. № 36. Ст. 5655.
⁹ СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2145.
¹⁰ URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/524-ug.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
¹¹ URL: http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/101-rg_0.pdf (дата обращения: 25.02.2020).
¹² URL: http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/264-rg_0.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
¹³ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
¹⁴ СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

Свобода предпринимательской деятельности: проблемы гражданско-правового обеспечения

Надежин Н. Н., к. ю. н., доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Московский областной филиал), заместитель директора филиала

Аннотация:

В статье рассматривается влияние деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти на развитие предпринимательского права в России. Все они имеют широкую компетенцию в регламентации тех или иных вопросов предпринимательства, но используют различные методы, находящиеся в зависимости от многих факторов. Общих требований к методам или системе правового воздействия на предпринимательство до настоящего времени не установлено. Автор считает, что перевод конституционно установленных, но содержательно не раскрытых «экономических свобод» предпринимательской деятельности в отраслевые юридические гарантии позволил бы усовершенствовать модель правового регулирования предпринимательской деятельности и обеспечил её большую свободу и эффективность.

Ключевые слова:

предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, правовое регулирование предпринимательской деятельности, законодательство о предпринимательской деятельности, пределы государственного воздействия на экономику и предпринимательство.

Вся совокупность (система) юридических понятий и категорий о предпринимательстве составляет сегодня отдельную отрасль научных знаний, получивших название «предпринимательское право»¹. Систематизация знаний в рамках отраслей происходит за счет выделения собственного предмета. По этой же модели происходит систематизация и отраслей законодательства. Положения действующего законодательства позволяют признать наличие двойственности предмета правового регулирования предпринимательства:

Во-первых, предпринимательская деятельность (ст. 2 ГК РФ);

Во-вторых, имущественные, личные неимущественные и корпоративные отношения (ст. 2 ГК РФ) с участием предпринимателей.

Предпринимательская деятельность, как предмет правового регулирования, до сегодняшнего дня не имеет собственной системы законодательства. В этих условиях при многочисленности актов,

исходящих от административных структур, единственным противовесом и мог бы стать Гражданский кодекс РФ. По обоснованному мнению В.К. Андреева, «нормы о предпринимательской деятельности развиваются не по правилам, содержащимся в ГК РФ»². Резонно возникают вопросы: почему, и что делать в этой ситуации?

Мы видим на примере полномочий органов власти, что различные так называемые «предпринимательские» вопросы встречаются в компетенции большинства из них, будучи прямо закреплены в подзаконных правовых актах³. Одним из признаков деятельности этих органов выступает властная составляющая, реализуемая административными полномочиями. В результате складывается ситуация, при которой конституционная «свобода предпринимательства» обеспечивается методом «власти-подчинения». Это стало основанием для некоторых исследователей определить административно-правовой метод⁴ методом

правового регулирования предпринимательства. На наш взгляд, основанием для этого выступает не сущность предпринимательства⁵, а особенности внутреннего развития российской правовой системы.

Еще одним дестабилизирующим фактором в правовом регулировании предпринимательства выступает пересечение понятий предпринимательского права и экономики. Предпринимательство, как понятие, широко используемое в хозяйственной жизни, попадая в рамки юридических конструкций, в какой-то мере меняет свое первоначальное значение, становясь «предметом регулирования», т. е. управления. Однако сложившиеся экономические процессы не всегда вписываются в действующий правопорядок. Понимая это, законодатель в ряде случаев оставляет предмет регулирования именно экономикой, не переводя ее в «общественные отношения». Таким образом, создаются дополнительные возможности косвенного правового воздействия

на предпринимательство посредством полномочий в экономической сфере.

Органы государственной власти имеют широкую компетенцию в регламентации тех или иных вопросов предпринимательства. В собранном и систематизированном виде все эти вопросы и составляют предмет предпринимательского права, поскольку именно они (вопросы) получили свое детальное юридическое закрепление. Однако методы, которыми пользуются органы государственной власти, различны и зависят от многих факторов. Общих требований к методам или системе правового воздействия на предпринимательство не установлено, что вынуждает оценивать указанное воздействие в каждом конкретном случае отдельно. Такая возможность появляется лишь в случае возникновения спора и его судебного разрешения. Судебная деятельность и ее результаты в этом смысле выступают единственной гарантией свободы предпринимательства. Однако, в силу ограниченного характера, судебные полномочия не могут выступать полноценным противовесом и балансом относительно довлеющего административного метода.

Рассмотрение предпринимательской деятельности в контексте «экономической свободы» актуализирует вопрос об объеме и содержании этих свобод. *Принцип свободы предпринимательской деятельности* носит комплексный характер и включает ряд других принципов (например, свобода договора, свобода от незаконной конкуренции)⁶. Несмотря на существующий теоретический дискурс⁷, каких-либо приемлемых решений до настоящего времени законодателем не принято. На наш взгляд, перевод конституционно установленных, но содержательно не раскрытых «экономических свобод» в отраслевые

юридические гарантии позволили бы создать адекватную модель правового регулирования предпринимательства. Для этого необходимо ревизовать существующий юридический инструментарий, выбрав те понятия и конструкции, которые не исказят первичные экономические категории до неузнаваемости и не при-

**Рассмотрение
предпринимательской
деятельности
в контексте
«экономической свободы»
актуализирует вопрос
об объеме и содержании
этих свобод**

пишут дополнительных, не свойственных им смыслов. И наоборот, чтобы экономический анализ права не привел к утрате либо модернизации теоретического аппарата науки предпринимательского права.

Существующая система правового регулирования основывается на понятии «отношение», разделяя некий общий объем существующих в государстве «отношений» по отраслям законодательства. Это удобное для теории права построение разрушается, натываясь на конкретные экономические взаимодействия и споры на уровне субъективных прав. Критика понятия «отношение» ведется еще и по причине

невозможности объяснить через него действие права, обосновать механизм правового регулирования на личностном уровне. Отражением этого дискурса стало введение в законодательство таких терминов как «деятельность» и «поведение». Например, понятие «добросовестное поведение» (ст. 1 ГК РФ). Включение в предмет гражданского правового регулирования предпринимательской деятельности вынуждает законодателя установить оригинальные юридические конструкции для этого, а не использовать устоявшийся и консервативный «отношенческий» подход.

В чем же отличие в правовом регулировании отношений и деятельности? *Предпринимательская деятельность* упоминается в Конституции РФ как вид экономической деятельности, что сразу же выделяет ее на отраслевом уровне как нетипичный предмет регулирования. Как решается эта задача на уровне конкретных актов? *Экономическая деятельность* нормативно до настоящего времени не определена. Однако существует официальный документ, используемый для статистических целей – Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), утвержденный Приказом Росстандарта от 31 января 2014 № 14-ст). В соответствии с определением «Экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство продукции (товаров или услуг), процессом производства и выпуском продукции (предоставлением услуг)».

Как видно, в данном определении описаны исключительно объективные характеристики деятельности, нет указания на субъект деятельности и его действия (если не считать таким субъектом «рабочую силу»). Подобный подход был свойствен советской экономической науке и отразился в первых постсоветских концепциях предпринимательского права, не разделявших предприятие и предпринимателя. В этом смысле предпринимательская деятельность выступает тем видом экономической деятельности, которая может быть совершена только человеком лично, так как никаких «своих способностей» у предприятия быть не может. Между тем Классификатор называет в описании отдельных видов экономической деятельности предпринимателей, предпринимательские сообщества и объединения. Однако эти упоминания не преследуют цель выделить виды предпринимательской деятельности, речь идет о специфических чертах деятельности экономической. В большинстве случаев Классификатор упоминает виды экономической деятельности без всякого указания на субъект, которые может осуществлять предприниматель. «Советских дух» все еще витает в современной России!

Достаточно непоследовательно использует Классификатор в своем содержании и понятие «предприятие». В определении экономической деятельности закреплены структура и производственный цикл именно предприятия. На наш взгляд, представленная в Классификаторе экономическая деятельность не может однозначно рассматриваться как та, о которой идет речь в ст. 34 Конституции РФ.

Практике правового регулирования известны различные юридические формы самостоятельной хозяйственной деятельности, получавшей в законодательстве различные

названия (ремесленная, предпринимательская, кустарная, индивидуально-трудовая и др.). Процесс выделения различных видов экономической деятельности, позволяющей ее юридически идентифицировать и включить в предмет правового регулирования, не завершился. Так, уже в современной России выдели-

Практике правового регулирования известны различные юридические формы самостоятельной хозяйственной деятельности, получавшей в законодательстве различные названия (ремесленная, предпринимательская, кустарная, индивидуально-трудовая и др.)

лась крестьянско-фермерская деятельность, а в последнее время активно идет обсуждение статуса «самозанятых» граждан.

Таким образом, предпринимательская деятельность выступает не единственной формой самостоятельной экономической деятельности, хотя и специально указанной в Конституции РФ. С одной стороны, это указание требует подойти к предмету правового регулирования по-особенному, с учетом ее экономической, а не юридической природы. С другой стороны, отсутствие каких-либо внятных основ для правового регулирования экономической деятельности вынуждает

органы власти пользоваться привычными и наиболее доступными для себя мерами.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о существенных трудностях при определении пределов и способов правового воздействия на предпринимательство. Тем не менее каких-либо сомнений в необходимости адекватного и приемлемого правового режима предпринимательской деятельности не возникает, и основы для этого заложены в действующем законодательстве. Одним из условий решения этой задачи выступает учет тех объективных пределов, которые свойственны правовому регулированию в этой сфере:

1. Различие концепций предпринимательской деятельности, закрепленных в Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ.

2. Отсутствие в действующем законодательстве сформированного подхода к регламентации экономической деятельности в целом и ее «личным» видам.

3. Наличие двойственности предмета гражданского-правового регулирования предпринимательства и как отношения, и как деятельности.

4. Несогласованность основных понятий предпринимательского права, используемых в различных официальных документах и нормативно-правовых актах.

5. Отсутствие системы законодательства о предпринимательской деятельности.

6. Недостаточная проработка отдельных предпринимательских и экономических понятий в рамках классических юридических институтов.

Разумеется, законодатель учитывает возможную административную «экспансию» со стороны органов исполнительной власти в любые сферы общественной жизни.

Для ограничения этого процесса используется понятие «пределы», но уже как «границы» соответствующих полномочий. О пределах в этом смысле речь идет в п. 7 ст. 3 ГК РФ, где указано, что пределы нормотворчества органов исполнительной власти определяют нормы ГК РФ и других нормативно-правовых актов. Таким образом, в юридическом смысле мы можем говорить о двух значениях пределов правового воздействия:

1. Как о конкретном и существующем на данный период времени объеме полномочий компетентного органа власти.

2. Как о механизме законодательного ограничения полномочий органов власти и любых других субъектов права.

Включение различных явлений предпринимательской жизни в текст нормативно-правовых актов происходит посредством традиционных юридических понятий (принцип, правоспособность, ответственность, права, обязанности и др.). В этих случаях каждое юридическое понятие, даже наполняясь новым содержанием, имеет уже собственные границы, свое место в механизме правового регулирования. Так, общий принцип, получивший название «свобода предпринимательства», закреплен в ст. 34 Конституции РФ в виде двух видов прав, имеющих общей целью осуществление предпринимательской деятельности:

- право на использование своего имущества;
- право на использование своих способностей.

Тогда как имущественные права достаточно исследованы в юридической науке, «право на способности» является нововведением. На наш взгляд, способности к предпринимательской деятельности, упомянутые Конституцией РФ, не могут быть рассмотрены как элемент гражданской правоспособности

(ст. 18 ГК РФ). Речь идет о совершенно новом и, к сожалению, еще не изученном явлении не только в юриспруденции, но и в психологии.

Таким образом, пределы правового воздействия на предпринимательство определяются различными обстоятельствами. Конститу-

**Включение
различных явлений
предпринимательской
жизни в текст
нормативно-правовых
актов происходит
посредством
традиционных юридических
понятий (принцип,
правоспособность,
ответственность, права,
обязанности и др.)**

туционные положения закрепили как объективные, так и субъективные характеристики предпринимательства, утвердив их в двух первых главах (ст. 8, 34). Задачей законодателя видится реализация конституционных положений в законодательстве таким образом, чтобы самостоятельная хозяйственная деятельность была востребована со стороны населения.

В силу того, что Конституцией РФ и развивающим её законодательством вопросы предпринимательства в качестве предметов ведения не разграничены, создаются предпосылки по нормотворчеству в этом направлении на всех уровнях.

В то же время используемые в Конституции РФ (ст. 106) формулировки для определения полномочий нижней палаты Федерального Собрания РФ свидетельствуют о принципиальной роли Государственной Думы РФ в формировании предпринимательской среды в стране. Деятельность Государственной Думы РФ реализуется не только посредством совместной работы всех депутатов, но и деятельностью отдельных комитетов, в числе которых имеется Комитет Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству. К вопросам ведения Комитета, в частности, отнесено:

1. Законодательное обеспечение формирования и развития организационных форм хозяйствующих субъектов, развития предпринимательской деятельности, в том числе малого и среднего предпринимательства, развития государственно-частного партнерства, в том числе концессионных соглашений, развития инвестиционной деятельности.

2. Законодательное обеспечение прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

Как мы видим, практически все перечисленные выше вопросы на сегодняшний день получили свое законодательное закрепление в виде отдельных законов⁸. По сути, Комитет свою работу по данным задачам выполняет и занимается сопровождением существующего законодательства, тогда как основной его задачей в этом направлении должно стать законодательное сопровождение развития предпринимательства, выработка непротиворечивой правовой основы государственной политики в этой сфере.

Субфедеральные и местные представительные органы власти, как

правило, ориентируются на структуру нижней палаты федерального парламента, детализируя вопросы ведения применительно к специфике региона. Так, в составе Законодательного собрания Санкт-Петербурга имеется Комитет по экономической политике, промышленности и предпринимательству.

Имеющаяся сегодня неопределенность в отнесении вопросов предпринимательства к ведению конкретного органа государственной власти не может способствовать созданию здесь эффективной управленческой структуры. Совмещение экономической повестки работы того или иного органа власти с вопросами предпринимательства повсеместно, что позволяет им принимать несогласованные и противоречивые решения по одному и тому же предмету. Во многом это следствие так и неустоявшейся даже в официальных документах предпринимательской терминологии.

В составе федеральных органов исполнительной власти нет ни одного органа, в названии которого имелось бы указание на предпринимательство. Однако это не значит, что подобных полномочий у этих органов нет. В силу сложившейся традиции наибольшее количество полномочий в этой сфере имеет министерство экономического развития. К установленным для министерства функциям в сфере предпринимательства отнесены:

- развитие предпринимательской деятельности, в том числе среднего и малого бизнеса;
- защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля;
- аккредитация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в национальной системе аккредитации;

– саморегулирование профессиональной и предпринимательской деятельности.

Так же, как и в случае с полномочиями комитета Государственной Думы РФ, многие министерские полномочия уже реализованы специальными федеральными законами⁹, а некоторые из полно-

**В составе
федеральных органов
исполнительной власти
нет ни одного органа,
в названии которого
имелось бы указание
на предпринимательство**

мочий дублируются с комитетскими. Кроме Минэкономразвития целый ряд других органов государственной власти реализуют свои полномочия в сфере предпринимательства. Это создает впечатление, что данная сфера достаточно урегулирована со стороны органов исполнительной власти. Однако это лишь видимость. При отсутствии общего координирующего органа сфера предпринимательства так и остается распыленной среди множества органов власти, решающих свои задачи изолированно, не имея общей модели для сверки и согласования своих действий.

Статутный закон о Правительстве РФ не выделяет в сфере правительственных полномочий какие-либо предпринимательские вопросы. Однако к полномочиям в экономической сфере отнесены основополагающие условия для предпринимательской деятельности: «обеспечивает единство экономического пространства и свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств». Если сравнить эту формулировку с п. 1 ст. 8 Конституции РФ, то мы видим, что «свобода экономической деятельности» в полномочиях Правительства занимает более высокое место по сравнению с местом в Конституции РФ. В свою очередь, «поддержка конкуренции» вообще исключена из полномочий Правительства РФ, видимо, по причине невысокой значимости для экономической сферы.

Таким образом, мы видим, что полномочия Правительства РФ в области предпринимательства определены через экономические основы конституционного строя Российской Федерации. При этом статутный закон, по сравнению с Конституцией РФ, изменяет перечень и порядок расстановки этих основ из п. 1 ст. 8 Конституции РФ. На наш взгляд, перечень, приведенный в ФКЗ «О Правительстве РФ», в наибольшей степени соответствует «принципам предпринимательства», закрепляя в элементарном виде «предпринимательский строй», в котором и возможна реализация права на занятие предпринимательской деятельностью (ст. 34 Конституции РФ). Разумеется, поддержка конкуренции имеет важное значение для установления экономического порядка. Однако конкуренция нужна не предпринимателям, а потребителям, получающим наибольшие выгоды из этого экономического соревнования. Конкуренция важна еще

и тем, что позволяет государственной власти иметь дополнительные рычаги воздействия на предпринимательские объединения, ограничивая их экономическую, а значит, и политическую силу.

Вместе с тем в качестве критики правительственного перечня следует указать, что «свобода экономической деятельности» должна быть закреплена все же на первом месте. Перенос этой основы на второе место в перечне с последнего в ст. 8 Конституции РФ показателен и свидетельствует о существовавшей, но исправленной недооцененности. При всем этом остается до конца невыясненным вопрос о перечне и составе этих «экономических свобод». Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹⁰ экономические свободы прямо называются «свободой предпринимательства».

Полномочия главы государства – Президента РФ определены главой 4 Конституции РФ. Анализ этих полномочий не выявляет напрямую связанных со сферой предпринимательства. В то же время п. 2 ст. 80 определяет Президента РФ гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Право каждого на занятие предпринимательской деятельностью закреплено в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина». Для осуществления этого конституционного полномочия определена должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей при Президенте Российской Федерации. Посредством деятельности Уполномоченного собираются сведения от предпринимательского сообщества и отдельных предпринимателей об обеспечении их экономических прав, о фактах и обстоятельствах их нарушения, об эффективности существующих способов защиты предпринимательских свобод.

Эти сведения наряду с данными государственной статистики и общественных опросов составляют наиболее полную и объективную картину предпринимательства в стране. В этих условиях возможно определение целей внутренней государственной политики в сфере предпринимательства, выстраивания систе-

**Полномочия главы
государства –
Президента РФ
определены главой
4 Конституции РФ.
Анализ этих полномочий
не выявляет напрямую
связанных со сферой
предпринимательства**

мы органов исполнительной власти под конкретные задачи. В настоящее время на федеральном уровне системные меры реализуются в рамках поддержки малого и среднего предпринимательства.

Указанное выше недостаточное, на наш взгляд, внимание органов исполнительной власти к сфере предпринимательства не относится к судебной власти. В системе судебных органов выделены арбитражные суды, на которые прямо возложены задачи:

– защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности;

– содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Специализация органов судебной власти относительно предпринимательства традиционно и свидетельствует об особом подходе, избранном государством в этой области. Сохранение «свободы предпринимательства» обеспечивается в том числе и тем, что государство предлагает формы разрешения предпринимательских споров, а не свойственное исполнительной власти императивное регулирование. Однако, как показал анализ полномочий органов исполнительной власти, отсутствие единого органа в этой сфере не исключает реализацию отдельных властных полномочий участниками всей системы. В итоге не заявленное напрямую императивное регулирование присутствует и довлеет в государственном подходе к этой сфере, что искажает правовую среду предпринимательства.

Дополнительным же аргументом в пользу использования неимперативных форм управления предпринимательством выступает создание в России специализированных государственных структур, не обладающих властными полномочиями: Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, Акционерное общество «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства».

Анализ полномочий этих институтов поддержки предпринимательства свидетельствует об их несогласованности именно в отношении организации государственной

политики в данной сфере. Так, относительно Уполномоченного прямо установлено его «участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности». Однако его роль сводится к информационному взаимодействию. В отношении Корпорации определены вопросы её взаимодействия с «федеральным органом, осуществляющим государственную политику в сфере развития предпринимательской деятельности». Непосредственное участие в реализации этой политики для Корпорации не предусмотрено. Таким образом, мы видим, что несмотря на ориентацию на индикативное регулирование предпринимательской деятельности, «невластные» государственные институты не признаются полноценными участниками государственной политики в этой сфере, что, разумеется, снижает их значение в целом.

Анализ системы и полномочий органов государственной власти в сфере предпринимательства приводит к следующим выводам:

На уровне полномочий федеральных органов государственной власти регулирование предпринимательской деятельности является составляющей правового положения всех ветвей власти. В структуре органов власти лишь судебные органы специализированы под предпринимательские споры. Единый орган организации и осуществления государственной политики в этой сфере предполагается, но пока не определен. Наиболее отвечающим этой функции видится Правительство РФ.

Созданы государственные неадминистративные структуры, наделенные координирующими полномочиями в сфере предпринимательства. Их участие в осуществлении государственной политики в этой

сфере требует конкретизации и дополнения по направлению увеличения значения этих органов.

Общий методологический подход к регламентации предпринимательства в настоящее время не определен. Несмотря на ориентацию на индикативный и диспозитивный подход в этой сфере, полномочия органов исполнительной власти, порядок их реализации свидетельствует о высокой административной составляющей. Возможным путем ограничения неоправданно довлеющего административного подхода должно стать определение на программном уровне содержания экономических свобод в России и их юридических гарантий. Это позволит органам государственной власти выстраивать ведомственную политику в сфере предпринимательства с учетом предложенных ограничений и рекомендаций. ■

¹ Более подробно см.: Белых В.С. О понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. 2012. №3. — С. 5–12.

² Андреев В.К. О Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья. 2010. №9. — С. 20–26.

³ Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации; Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 438 О Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219 Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации.

⁴ Алексеев С.В. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности: дис. д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 480 с., Махров И.Е. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности: Некоторые проблемы совершенствования федерального и регионального законодательства // Право и политика. 2002. №12. С. 14–18., Мельгунов Д.В. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности. — М., 2008. — 146 с.

⁵ Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. — М., 2014. — 432 с.

⁶ Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации (опыт сравнительного исследования). — М., 1995. — С.137.

⁷ Грачев Н.А. Судебная защита экономических прав и свобод личности (конституционный аспект): автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 24 с., Рассыльников И.А. Юридическое воздействие на экономические отношения в современных российских условиях: теоретико-правовые основы: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2000. — 28 с.

⁸ О государственно-частном партнерстве, муниципальном-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ., О концессионных соглашениях: федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ., О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ., Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁹ О саморегулируемых организациях: федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ., Об аккредитации в национальной системе аккредитации: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 412-ФЗ. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹⁰ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Практика и инициативы транснациональных корпораций в отношении искусственных разумных систем

Архиереев Н. В., к. ю. н., заместитель председателя Арбитражного суда Республики Башкортостан

Аннотация:

В последнее время искусственный интеллект вызывает всевозрастающий интерес ученых-правоведов. В статье автор рассматривает подходы транснациональных корпораций в отношении искусственного интеллекта, поскольку такие корпорации, обладая огромным научным и материальным потенциалом, значительно приблизили Будущее. Исследование этих подходов представляется важным, поскольку транснациональные корпорации имеют существенное влияние на мировую экономику и правовое регулирование общественных отношений. Сделан вывод, что исследованные декларативные документы корпораций будут являться основой для нормативных актов разных стран и их объединений в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, принципы использования, корпорации, этические нормы, правовое регулирование.

С 2000-х годов и до настоящего происходит буквально технологическая революция в области искусственного интеллекта. Параллельно с теоретическими исследованиями происходит их внедрение и реализация в виде готовых решений и продукции. Разработки в области искусственного интеллекта начинают окупаться. Эти изменения были обусловлены несколькими факторами, среди которых можно выделить повышение уровня машинного обучения и появление новых компьютерных технологий. Исследования в данной сфере устремлены на робототехнику, компьютерное зрение, обработку естественного языка, широкомасштабное обучение.¹

Исследуя последствия роботизации в России, Земцов С. П. отмечает, что в настоящее время можно наблюдать начало новой промышленной революции, или индустрии 4.0, признаками которой считаются всеобщая цифровизация, роботизация и формирование «умных сетей».²

Как указывает Макс Дворак, это условная концепция, согласно которой внедрение кибернетических

систем позволит мировой экономике выйти на новый технологический и производственный уровень, обеспечив человеку недосигаемый ранее жизненный комфорт.³

Искусственный интеллект является стратегическим приоритетом для стран во всем мире, которые стремятся стать мировыми лидерами в применении алгоритмов машинного обучения в различных секторах: от здравоохранения до права, финансовых услуг, образования и правоохранительной деятельности.⁴

Как пишет профессор права и профессор стратегического управления Университета Торонто Джиллиан Хэдфилд (англ. Gillian Hadfield) в своей лекции «Правила для роботов: создание правовой инфраструктуры для искусственного интеллекта», искусственный интеллект обещает великие вещи: увеличение благосостояния, здоровья и возможность создания более безопасных и справедливых обществ. Но эти обещания не могут быть реализованы без хорошей правовой инфраструктуры, обеспечивающей создание и развертывание искусственного интеллекта таким образом, чтобы это отвечало нашим публично

установленным целям в отношении людей и планеты.⁵

Все чаще для исследований в области искусственного интеллекта создаются государственно-частные партнерства.

Например, в ноябре 2019 года на московской конференции AIJ (Artificial Intelligence Journey) было объявлено о создании альянса российских компаний самого разного профиля деятельности для развития искусственного интеллекта.⁶

На первоначальном этапе создания этого государственно-частного партнерства его участниками будут Яндекс, Mail.ru, «Газпром нефть», РФПИ, МТС и Сбербанк. Заявлено, что главными направлениями партнерства станут совместная выработка единых принципов использования данных, объединение усилий для анализа перспектив внедрения в России инновационных решений, а также сотрудничество в части образовательных проектов для подготовки кадрового резерва.

На указанной конференции Президент Российской Федерации Путин Владимир Владимирович

предложил профессиональному сообществу, компаниям подумать над формированием свода этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом.⁷

Говорят, что деньги это двигатель прогресса. По некоторым данным, 40 процентов мирового богатства контролируют 147 транснациональных корпораций.⁸ В целом же транснациональные корпорации контролируют примерно 2/3 мировой торговли.⁹

Поэтому вполне естественно, что мировые промышленные гиганты не только вкладывают огромные деньги в разработку искусственного интеллекта, но и вынуждены предлагать миру некие этические правила, как поступать с этой технологией, несущей не только пользу, но и весьма серьезные риски для всего человечества.

Собственно, этим и обусловлена тема настоящего исследования, в рамках которого будут освещены подходы к искусственному интеллекту таких корпораций как Гугл, Майкрософт, АйБиЭм и Интел.

Нужно отметить, что крупные корпорации, занимаясь лоббизмом¹⁰, зачастую имеют большое влияние на органы власти, политическую обстановку в той или иной стране, на правовое регулирование определенных отраслей экономики.¹¹

Прежде чем начать описание подходов корпораций к искусственному интеллекту, хотелось бы обратить внимание на Римскую конференцию, которая прошла в конце февраля 2020 года в Ватикане. Она была организована Папской академией защиты жизни при участии Майкрософт и АйБиЭм.

В своем послании к участникам форума 266-й Папа Римский Франциск сказал о том, что «... Теперь наступает время искусственного интеллекта, когда важные решения нередко принимаются совместно

человеком и алгоритмом. Технологии, населяющие современную «цифровую галактику», являются даром Божиим, но их нельзя называть «нейтральными инструментами»: по своей природе они заходят так далеко, что «размывают границы, которые до сих пор считались хорошо различимыми: ме-

**Собственно, этим
и обусловлена
тема настоящего
исследования, в рамках
которого будут
освещены подходы
к искусственному
интеллекту таких
корпораций как Гугл,
Майкрософт, АйБиЭм
и Интел**

жду неорганической и органической материей, между реальным и виртуальным, между стабильными субъектами и событиями в непрерывном отношении друг с другом. Из цифровых следов в Интернете алгоритмы извлекают данные, которые позволяют контролировать образ мыслей и социальные привычки в коммерческих или политических целях, часто без нашего ведома. Такая асимметрия, – когда немногие знают о нас всё, а мы о них не знаем ничего, – отупляет критическое мышление и тормозит сознательное осуществление свободы. Непомерно усиливается неравенство, а знания и богатства

накапливаются в нескольких руках, что чревато серьезным риском для демократического общества».¹²

Исходя из этого Папа Римский Франциск призывал к разработке свода этических правил для искусственного интеллекта.¹³

Гугл (Google)

Генеральный директор Гугл Пичаи Сундарараджан отмечает, что искусственный интеллект это компьютерное программирование, которое учится и адаптируется, и его потенциал для улучшения нашей жизни огромен.

Компания признает, что эта область динамична и развивается, и заявляет, что будет подходить к своей работе со смирением, приверженностью внутреннему и внешнему взаимодействию и готовностью адаптировать подходы по мере того, как учится со временем.

Компания предложила принципы искусственного интеллекта, которыми руководствуется сама и считает важными для будущего развития искусственного интеллекта:¹⁴

1) искусственный интеллект должен быть социально выгодным. Достижения в области искусственного интеллекта будут иметь преобразующее влияние в широком спектре областей, включая здравоохранение, безопасность, энергетику, транспорт, производство и развлечения. Рассматривая потенциальное развитие и использование технологий искусственного интеллекта, мы будем принимать во внимание широкий спектр социальных и экономических факторов и будем действовать там, где мы считаем, что общие вероятные выгоды значительно превышают прогнозируемые риски и недостатки;

2) следует избегать создания или усиления несправедливой предвзятости. Алгоритмы искусственного

интеллекта могут отражать, усиливать или уменьшать несправедливые предубеждения. Мы признаем, что отличить справедливые от несправедливых предубеждений не всегда просто, и они различаются в разных культурах и обществах. Мы будем стремиться избегать несправедливого воздействия на людей, особенно тех, которые связаны с такими деликатными характеристиками, как раса, этническая принадлежность, пол, национальность, доход, сексуальная ориентация, способности и политические или религиозные убеждения;

3) искусственный интеллект должен быть безопасным. Необходимо продолжать разрабатывать и применять строгие методы обеспечения безопасности, чтобы избежать непредвиденных результатов, которые создают риски причинения вреда;

4) искусственный интеллект должен быть подотчетным людям. Следует разрабатывать системы искусственного интеллекта, которые обеспечивают соответствующие возможности для обратной связи, соответствующих объяснений и апелляции. Технологии искусственного интеллекта должны подвергаться соответствующему человеческому руководству и контролю;

5) при разработке и использовании наших технологий искусственного интеллекта необходимо учитывать принципы конфиденциальности;

6) соблюдение стандартов научного совершенства. Технологические инновации основаны на научном методе и приверженности открытому исследованию, интеллектуальной строгости, честности и сотрудничеству. Инструменты искусственного интеллекта могут открыть новые области научных исследований и знаний в критических областях, таких как биология, химия, медицина и науки об окружающей среде;

7) искусственный интеллект должен быть доступным.

Гугл заявляет, что не собирается разрабатывать или развертывать искусственный интеллект в следующих областях применения:

- технологии, которые наносят или могут причинить общий вред. Там, где существует существенный риск причинения вреда, следует действовать только тогда, когда считаем, что выгоды существенно перевешивают риски, и будут включать соответствующие ограничения безопасности;

- оружие или другие технологии, основной целью или применением которых является причинение или непосредственное облегчение причинения вреда людям;

- технологии, которые собирают или используют информацию для наблюдения, нарушая международные нормы;

- технологии, цель которых противоречит общепринятым принципам международного права и прав человека.

Майкрософт (Microsoft)

В 2018 году компания опубликовала книгу «Компьютерное будущее: искусственный интеллект и его роль в обществе».¹⁵

В Майкрософт определили шесть этических принципов искусственного интеллекта:

- справедливость;
- надежность и безопасность;
- конфиденциальность и безопасность;
- инклюзивность;
- прозрачность;
- ответственность.

В документе говорится, что навыки для мира, основанного на искусственном интеллекте, включают в себя не только науку, технологии, инженерию и математику. Поскольку компьютеры ведут себя больше

как люди, то социальные и гуманитарные науки станут еще более важными. Курсы по языкам, искусству, истории, экономике, этике, философии, психологии и человеческому развитию могут обучать критическим, философским и этическим навыкам, которые будут способствовать разработке и управлению решениями искусственного интеллекта. Если искусственный интеллект должен реализовать свой потенциал в служении людям, то каждый инженер должен будет больше узнать о гуманитарных науках, а каждый крупный гуманитарный факультет должен будет больше узнать о технике.

В 2019 году была опубликована книга «Компьютерное будущее: искусственный интеллект и производство».¹⁶

Обращают на себя высказывания о том, что хотя принципы и передовой опыт могут стать важными гарантиями в отсутствие законов или нормативных актов, совершенно очевидно, что необходима более формальная разработка политики, чтобы помочь создать правильную среду для процветания ответственных инноваций в производстве.

В ходе исследования искусственного интеллекта в производстве был определен ряд вопросов, касающихся регулирования искусственного интеллекта:

1) важность такого режима регулирования, который бы укреплял доверие к искусственному интеллекту, как со стороны инвесторов, так и остальных заинтересованных лиц;

2) обеспечение равного доступа к искусственному интеллекту и, самое главное, доступа к критически важным данным, которые будут питать инновации;

3) наращивание потенциала организаций для использования искусственного интеллекта и работников, кто будет с ним работать;

4) совместные подходы к созданию правил, стандартов и законов, которые уравнивают инновации с ответственностью;

5) важность регулирующего режима, который укрепляет доверие к искусственному интеллекту;

6) поощрение использования искусственного интеллекта для создания более экологически устойчивой цепочки поставок.

Направление политических работ по вопросам конфиденциальности данных и безопасности, права интеллектуальной собственности, защиты потребителей и ответственность это универсальные проблемы, также касающиеся искусственного интеллекта. Должна быть последовательная глобальная нормативно-правовая база, которая способствует уверенности в искусственном интеллекте для тех, кто инвестирует в технологии искусственного интеллекта и тех, кто с ним взаимодействует. В области конфиденциальности и безопасности должна быть согласованная нормативно-правовая база для обеспечения уверенного обмена данными как внутри страны, так и по всему миру, особенно с учетом все более взаимосвязанной глобальной цепочки поставок.

Организации, которые вкладывают значительные средства в технологии искусственного интеллекта, хотят гарантий, что они смогут сохранить эффективный контроль и владение собственными данными, что дает их системам искусственного интеллекта конкурентное преимущество на рынке.

Особо важным является законодательное урегулирование вопросов защиты потребителей и ответственности за качество продукции, распределения ответственности между оператором и создателем искусственного интеллекта, производителем и разработчиком, вопросы страхования ответственности.

Необходимо оценивать существующую нормативно-правовую базу, которая применяется к системам искусственного интеллекта, и учитывать, где необходимы новые меры и где существующее правовое регулирование создает ненужные препятствия для инноваций в области искусственного интеллекта.

Также важно организовать взаимодействие государственного и частного сектора, в частности, в вопросах обеспечения доступности данных государственного сектора для машинного обучения, поскольку большой объем данных хранится в базах данных, управляемых государствами. Климатические данные, данные землеустройства или данные, полученные в ходе выполнения финансируемых за счет государства исследований, могут быть полезными производителям.

АйБиЭм (IBM)

Компания представила свои рекомендации разработчикам систем искусственного интеллекта, именуемые «Этика повседневной жизни для искусственного интеллекта» и содержащие пять этических принципов:

1) подотчетность: дизайнеры и разработчики искусственного интеллекта несут ответственность за дизайн, разработку, процессы принятия решений и за результаты искусственного интеллекта;

2) выравнивание ценностей: искусственный интеллект должен быть спроектирован так, чтобы соответствовать нормам и ценностям вашей группы пользователей;

3) объяснимость: искусственный интеллект должен быть спроектирован так, чтобы люди могли легко воспринимать, обнаруживать и понимать процесс принятия решений и прогнозы/рекомендации, даваемые искусственным интеллектом;

4) справедливость: искусственный интеллект должен быть спроектирован так, чтобы минимизировать предвзятость и способствовать широкому представительству;

5) права на пользовательские данные: искусственный интеллект должен быть спроектирован для защиты пользовательских данных и сохранения власти пользователя над доступом и их использованием.¹⁷

Интел (Intel)

В 2017 году компания Интел предложила следующие принципы государственной политики в области искусственного интеллекта и соответствующие рекомендации правительствам:

1) способствовать инновациям и открытому развитию – чтобы лучше понять влияние искусственного интеллекта и изучить широкое разнообразие реализаций искусственного интеллекта, государственная политика должна стимулировать инвестиции в НИОКР в области искусственного интеллекта. Правительствам следует поддерживать контролируемое тестирование систем искусственного интеллекта, чтобы помочь промышленности, научным кругам и другим заинтересованным сторонам улучшить технологию;

2) создавать новые возможности трудоустройства и защищать благосостояние людей – искусственный интеллект изменит способ работы людей. Государственная политика, направленная на повышение квалификации рабочей силы и содействие занятости в различных секторах, должна расширять возможности трудоустройства и одновременно защищать благосостояние людей;

3) ответственное раскрытие данных – искусственному интеллекту нужен доступ к данным. Алгоритмы машинного обучения улучшаются за счет анализа большего количества

данных с течением времени; доступ к данным является обязательным условием для более эффективной разработки и обучения модели искусственного интеллекта. Устранение барьеров для доступа к данным поможет машинному обучению и глубокому обучению достичь своего полного потенциала;

4) переосмыслить принципы конфиденциальности. Подходы к конфиденциальности, такие как «Принципы добросовестной информационной практики» и «Проектируемая конфиденциальность», выдержали испытание временем и эволюцию новых технологий, но с инновациями нам пришлось «переосмыслить», как мы применяем эти модели к новым технологиям;

5) требовать подотчетности за этические разработки и использование – социальные последствия применения вычислительной техники возросли и будут расширяться по мере того, как все больше людей будут иметь доступ к использованию искусственного интеллекта. Государственная политика должна работать над выявлением и смягчением дискриминации, вызванной использованием искусственного интеллекта, и поощрять разработку мер защиты от этого вреда.¹⁸

В качестве вывода можно сказать следующее.

Осознавая негативность последствий внедрения технологий искусственного интеллекта, связанную в первую очередь с возможным нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина (право на труд, на безопасность, на тайну личной жизни), крупный бизнес инициативно предлагает обществу этические правила обращения с искусственным интеллектом.

В 2017–2019 годах Россия, Канада, Китай, Дания, Европейский союз, Финляндия, Франция, Индия, Италия, Япония, Мексика,

Сингапур, Южная Корея, Швеция, Тайвань, ОАЭ, Великобритания и другие страны (более 24, и их количество увеличивается) приняли стратегии по содействию использованию и развитию искусственного интеллекта.

Однако этого недостаточно, и существует необходимость выработки не только этических (необязательных) правил, но и четкой правовой регламентации деятельности, связанной с разработкой, испытанием и выпуском на свободный рынок продуктов, обладающих искусственным интеллектом.

Как указано в Рекомендациях Совета по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития, искусственный интеллект это технология общего назначения, которая может улучшить благосостояние людей, внести свой вклад в позитивную устойчивую глобальную экономическую активность, повысить уровень инноваций и производительности и помочь ответить на ключевые глобальные вызовы. Наряду с выгодами искусственный интеллект также создает проблемы для обществ и экономик, в частности, в отношении экономических сдвигов и неравенства, конкуренции, изменений на рынке труда и последствий для демократии и прав человека.¹⁹

Развитие искусственного интеллекта, его интегрирование в человеческую жизнь диктует необходимость выявления и оценки всех рисков использования искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека, принятия законодательных мер для исключения дальнейшего бесконтрольного использования систем искусственного интеллекта.

Для этого необходимо определить правовую проблему использования искусственного интеллекта, определить сферу правового

регулирования с учетом имеющихся наработок, как в правовой науке, так и на уровне законодательства всех ведущих государств мира, предложить пути решения данных вопросов.

В России постепенно создается нормативная база, регулирующая искусственный интеллект, соответствующие задачи руководством страны поставлены.

В качестве примера такого поручения можно привести федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 28.05.2019.²⁰

Данный проект принят в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», принятой в соответствии с Указом Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утвержденной на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018.²¹

Одной из задач проекта стоит сформировать отраслевое регулирование, необходимое для развития цифровой экономики в части регулирования правоотношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта. Также планируется исследовать и внедрять механизмы формирования и использования машиночитаемых норм, технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных и иных технологий в целях автоматизации и повышения эффективности системы правоприменения.

В середине 2018 года рабочая группа Госдумы начала подготовку законов по цифровой экономике, искусственному интеллекту и робототехнике.²²

В феврале 2020 года в Госдуму России на рассмотрение поступил законопроект № 896438–7 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О персональных данных»». В пояснительной записке указано, что принятие законопроекта позволит значительно стимулировать внедрение, развитие и использование технологий искусственного интеллекта, определить сферы экономики и общественных отношений, в которых целесообразно внедрение искусственного интеллекта, установить, какие общие правовые нормы должны быть скорректированы,

а какие введены впервые, а также какие именно изменения правового режима позволят в наибольшей степени добиться решения поставленных Президентом Российской Федерации задач по обеспечению технологического суверенитета в сфере искусственного интеллекта, и, как следствие, обеспечения состоятельности российского бизнеса и экономики, повышения качества жизни граждан России, безопасности и обороноспособности государства. (прим. 17.03.2020 законопроект принят в первом чтении).²³

Одной из задач эксперимента является создание благоприятных правовых условий развития технологий искусственного интеллекта.

В марте 2020 года в Госдуму России на рассмотрение поступил законопроект № 922869–7 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который устанавливает цели и принципы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации, определяет

круг участников экспериментальных правовых режимов, а также регулирует правоотношения, возникающие в связи с их установлением и реализацией (в том числе изменением, приостановлением, прекращением).

Согласно пояснительной записке основной идеей разработки данного законопроекта является создание правовых условий для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций (с использованием таких цифровых технологий, как искусственный интеллект, распределенный реестр, нейротехнологии, квантовые технологии и прочих по перечню, определяемому Правительством Российской Федерации).²⁴

Поэтому видится, что этические правила, весьма своевременно предлагаемые транснациональными корпорациями, будут являться основой для нормативных актов разных стран и их объединений в области искусственного интеллекта. ■

¹ <https://maxbrainfunction.com/artificial-intelligence-evolved-year-2000/> дата обращения 10.09.2019

² https://www.researchgate.net/publication/318380749_Roboty_i_potencjalnaa_tehnologiceskaa_bezrobotica_v_regionah_Rossii_opyt_izucenia_i_predvaritelnye_ocenki_Robots_and_potential_technological_unemployment_in_the_Russian_regions_review_and_preliminary_data дата обращения 10.09.2019

³ <https://profile.ru/scitech/tema-lishnego-cheloveka-198277/> дата обращения 06.12.2019

⁴ <https://www.ft.com/content/025315e8-7e4d-11e9-81d2-f785092ab560> дата обращения 08.10.2019

⁵ <https://www.ucl.ac.uk/laws/events/2019/jun/cel-biennial-lecture-rules-robots-building-legal-infrastructure-artificial> дата обращения 09.10.2019

⁶ https://www.kommersant.ru/doc/4151019?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews дата обращения 08.11.2019

⁷ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003> дата обращения 11.11.2019

⁸ <https://www.newscientist.com/article/mg21228354-500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world/?ignored=irrelevant> дата обращения 24.03.2020

⁹ П.С. Раджабова Роль ТНК в развитии мировой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tnk-v-razviti-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 25.03.2020).

¹⁰ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лоббизм> дата обращения 25.03.2020

¹¹ безусловно, автор имеет в виду законные методы лоббизма

¹² <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2020-02/papa-ii-eto-dar-nounzhdaetsya-v-algoreti.html> дата обращения 02.03.2020

¹³ <https://www.reuters.com/article/us-vatican-artificial-intelligence/pope-to-endorse-principles-on-ai-ethics-with-microsoft-ibm-idUSKCN20M0Z1> дата обращения 02.03.2020

¹⁴ <https://www.blog.google/technology/ai/ai-principles/> дата обращения 31.10.2019

¹⁵ <https://news.microsoft.com/cloudforgood/media/downloads/the-future-computed-english.pdf> дата обращения 01.11.2019

¹⁶ https://3er1vui9wo30pkxh1vnh4w-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/prod/sites/393/2019/06/Microsoft_TheFutureComputed_AI_MFG_Final_Online.pdf дата обращения 01.11.2019

¹⁷ <https://www.ibm.com/watson/assets/duo/pdf/everydayethics.pdf> дата обращения 06.11.2019

¹⁸ <https://blogs.intel.com/policy/files/2017/10/Intel-Artificial-Intelligence-Public-Policy-White-Paper-2017.pdf> дата обращения 06.11.2019

¹⁹ <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> дата обращения 17.10.2019

²⁰ <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/862/> дата обращения 23.09.2019

²¹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16) // СПС Консультант Плюс

²² <https://rg.ru/2018/07/02/v-gosdume-nachali-sobirat-idei-po-pravovomu-regulirovaniu-robotov.html> дата обращения 04.05.2019

²³ [http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/\\$FILE/896438-7_07022020_896438-7.PDF?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/$FILE/896438-7_07022020_896438-7.PDF?OpenElement) дата обращения

²⁴ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7> дата обращения 24.03.2020

Влияние биржевых механизмов на опционные конструкции в Гражданском кодексе РФ

Виниченко С. И., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

В статье исследуется опцион, раскрываются его особенности, а также показывается тенденция рецепции Гражданским кодексом РФ некоторых современных экономико-юридических наработок. Ставится вопрос о внесении корректировок в содержание ГК РФ.

Ключевые слова:

опцион, опцион на заключение договора, опционный договор.

Опцион на мировых биржевых рынках появился сравнительно недавно – в 80-х годах прошлого века. Действительно, небольшой срок появления!

После начала перехода Отечества от плановой (социалистической) экономики к рыночной (буржуазной) происходили кардинальные, системные трансформации. Прекращали существование прежние институты, а их место занимали иные, призванные опосредовать вновь возникающие отношения, и в первую очередь перенимался опыт США и стран Западной Европы.

В условиях рухнувших прямых хозяйственных отношений в начале 90-х годов биржи стали практически единственным местом, где могли найти друг друга крупные производители и потребители какой-либо продукции, что и предопределило незамедлительное формирование в стране законодательства о биржах и биржевой торговле.

В 1992 г. был принят Закон РФ от 20.02.1992 г. № 2383–1 «О товарных биржах и биржевой торговле»¹, в ст. 8 которого закреплялось определение опционной сделки – уступка прав на будущую передачу прав и обязанностей в отношении биржевого товара или контракта на поставку биржевого товара.

Позднее, в рамках подзаконных нормативных актов формулировалось следующее видение опциона: одна сторона (покупатель) приобретает за вознаграждение (премию) право купить (продать) в определенный срок по определенной цене базовый актив, составляющий опцион, а другая (продавец) обязана исполнить сделку в определенный срок по определенной цене по требованию покупателя².

Заметим, большинство ученых согласились с тем, что в результате опционной сделки покупатель опциона наделяется правом купить или продать в пределах определенного периода времени биржевой товар по цене, установленной в момент заключения договора, а продавец, соответственно, обязуется выступить контрагентом. Взамен полученного приобретатель опционного права уплачивает обязанному лицу некую денежную сумму, называемую премией. Опционное право – это право (но не обязанность) покупателя совершить одно из двух возможных действий: заключить договор купли-продажи или отказаться от его заключения³. Контрагент же становится зависимым от выбора покупателя опциона – он вынужден подчиниться воле покупателя, если тот все-таки решит совершить сделку.

В 2009 г. в структуре Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁴ был закреплён ряд новелл. В их числе родовое понятие «финансовый инструмент» и видовая категория «производный финансовый инструмент»⁵. При этом в рамках последней (производный финансовый инструмент) нашел свое отражение и опцион (наряду с иными видами производных финансовых инструментов).

Следует отметить, что в юридической литературе все финансовые инструменты подразделяются на первичные (денежные средства, ценные бумаги, кредиторская и дебиторская задолженность по текущим операциям) и вторичные, то есть производные (финансовые опционы, фьючерсы, форвардные контракты, процентные свопы, валютные свопы и другие деривативы)⁶.

По мнению отечественного законодателя, под *финансовыми инструментами* следует понимать ценные бумаги или производные финансовые инструменты (пп. 22 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг). Однако такой подход подвергается обоснованной критике. К примеру, отмечается, что определение финансового инструмента через ценные бумаги или производные

финансовые инструменты отражают лишь форму данного явления, но не его содержание⁷.

Уверены, юридическую сущность финансового инструмента следует раскрывать через категорию **информационной записи**, удостоверяющей на бумажном или ином носителе, в том числе в электронной системе учета, взаимное или одностороннее гражданско-правовое обязательство (в силу содержания которого субъект наделяется правами и/или несет обязанности), а также названной законом в качестве финансового инструмента⁸.

Будучи разновидностью финансовых инструментов, **производный финансовый инструмент** является информационной записью (в виде записи в системе учета), удостоверяющей имущественные права и (или) юридические обязанности участников организованного рынка на условиях, разработанных организатором торгов⁹. Другими словами, производные финансовые инструменты – бездокументарная форма выражения имущественного права (обязательства), возникающего в связи с изменением цены лежащего в его основе актива¹⁰.

Согласно пп. 23 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг производный финансовый инструмент – это **договор** (за исключением договора репо), предусматривающий одну или несколько из следующих обязанностей¹¹:

1) обязанность сторон или стороны договора периодически или одновременно уплачивать денежные суммы, в том числе в случае предъявления требований другой стороной, в зависимости от изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции, значений, рассчитываемых на основании цен производных финансовых инструментов, значений

показателей, составляющих официальную статистическую информацию, значений физических, биологических и (или) химических показателей состояния окружающей среды, от наступления обстоятельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении одним или несколькими юридическими лицами, государствами или муниципальными образованияами своих обязанностей (за исключением договора поручительства и договора страхования), либо иного обстоятельства или иных показателей, которые предусмотрены федеральным законом или нормативными актами Банка России и относительно которых неизвестно, наступят они или нет, а также от изменения значений, рассчитываемых на основании одного или совокупности нескольких указанных в настоящем пункте показателей. При этом такой договор может также предусматривать обязанность сторон или стороны договора передать другой стороне ценные бумаги, товар или валюту либо обязанность заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом (абз. 2 указанного подпункта);

2) обязанность сторон или стороны на условиях, определенных при заключении договора, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом (абз. 3 указанного подпункта);

3) обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороне не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное имущество и указание на то, что такой договор является производным финансовым

инструментом (абз. 4 указанного подпункта).

Заметим, приведенные положения трудно назвать лаконичными и понятными. Вместе с тем представляется, что обязанности, названные в абз. 2 пп. 23 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг, закрепляются в договорах, которые именуются **фьючерсами**, а если обязанность возникает с момента предъявления об этом требования другой стороной, то – **опционом**.

Правоотношения, обозначенные в абз. 3 указанного подпункта, характерны только для **опционов**, так как данный вид сделок предусматривает, подчеркнем, право стороны заявить требование об исполнении другой стороной обязанности купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом.

В свою очередь, полагаем, норма в абз. 4 пп. 23 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг формулирует содержание **форвардного** обязательства.

К сожалению, большинство перечисленных категорий пока не известны ГК РФ. Однако одна из них (опцион) уже пять лет как нашла свою «прописку» в тексте последнего.

Так, Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹² привнесены новые договоры, среди которых опцион на заключение договора (ст. 429.2) и опционный договор (ст. 429.3).

Согласно п. 1 ст. 429.2 ГК РФ, в силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне, подчеркнем, право (но не обязанность) заключить один или несколько договоров

на условиях, предусмотренных опционом.

Вместе с тем, по опционному договору сторона на условиях, предусмотренных этим договором, *вправе потребовать* в установленный договором срок от контрагента *совершения предусмотренных опционным договором действий*, в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество (п. 1 ст. 429.3 ГК РФ).

Несмотря на кажущееся сходство, надо заметить разницу между двумя указанными конструкциями. В частности, *опцион на заключение договора* посвящен лишь особой процедуре заключения будущих договоров, тогда как в силу *опционного договора* лицо вправе требовать от другого (обязанного) совершения определенных юридически значимых действий.

Следовательно, опционный договор (как и всякие иные) может быть заключен при исполнении обязательств из опциона на заключение договора, а вот обратная ситуация якобы исключается. Видимо (по замыслу законодателя) опционный договор, подчеркнем, не предполагает заключения каких-либо соглашений.

Однако считаем необходимым обратить особое внимание (еще раз) на формулировку из определения опционного договора (п. 1 ст. 429.3

ГК РФ): «...одна сторона вправе потребовать... от другой стороны *совершения... действий...*».

Считаем необходимым заметить, что одним из первых, кто выступил с обоснованной критикой не всегда продуманного использования в ГК РФ категории «действия», был И.В. Кривошеев¹³.

Совершение действий есть более широкое явление, чем «заключение договора», то есть последнее (как уплата денег, передача имущества и пр.) входит в состав первого. Другими словами, заключение договора – это тоже действие.

В этой связи возникает обособленный вопрос о целесообразности присутствия в ГК РФ двух практически одинаковых договорных конструкций.

Отметим, некоторые ученые уже обращали на это внимание. В частности, по мнению В.В. Витрянского, включение в ГК РФ опционного договора (ст. 429.3) без широкого обсуждения с профессиональной и юридической общественностью была неудачной¹⁴.

Со своей стороны, полагаем, что в настоящее время дуализм двух опционов в ГК РФ необходимо рассматривать следующим образом. Если *опцион на заключение договора* близок к конструкции предварительного договора (ст. 429 ГК РФ),

разница лишь в том, что последний предполагает *обязанность обеих сторон* заключить основной договор, а не одной – как в первом случае)), то суть опционного договора сравнима с правоотношениями, речь о которых идет в п. 2 ст. 1062 ГК РФ, то есть с требованиями, связанными с участием в сделках, предусматривающих *обязанность стороны или сторон сделки уплачивать денежные суммы* в зависимости от изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции или от значений, рассчитываемых на основании совокупности указанных показателей, либо от наступления иного обстоятельства, которое предусмотрено законом и относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит. Опционный договор сопоставим с опционом – как одной из разновидностей биржевых сделок в рамках обозначенной ранее категории «производные финансовые инструменты».

В заключение хотелось бы выразить надежду, что отечественный законодатель всё-таки привнесет большую нормативную ясность между формулировками понятий ст. 429.2, 429.3 ГК РФ: или объединит их, либо ограничится только одной: на наш взгляд, это должен быть *опционный договор*. ■

¹ Ведомости СНД и ВС, 07.05.1992, № 18, ст. 961.

² Постановление ФКЦБ РФ от 14 августа 1998 г. N 33 «Об утверждении Положения об условиях совершения срочных сделок на рынке ценных бумаг» (п.1.2) (с изменениями на 16 октября 1998 г.) // Вестник ФКЦБ России, 1998, N 7.

³ Соيفер Т.В. Сделки в биржевой торговле. Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 15.

⁴ Собрание законодательства РФ, 22.04.1996, № 17, ст. 1918 (далее – Закон о рынке ценных бумаг).

⁵ ФЗ от 25 ноября 2009 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступил в силу с 1 января 2010 г.) // СПС «Консультант плюс».

⁶ Банковское право: учебник / В.С. Белых, С.И. Виниченко, Д.А. Гаврин [и др.]; под ред. В.С. Белых. – Москва: Проспект, 2017. – С. 398 (автор параграфа 1 главы 9 – В.С. Белых).

⁷ Буддакова Е.В. Правовой режим финансовых инструментов в Российской Федерации. Дис. на соискание уч. степ. к.ю.н. – Екатеринбург, 2013. – С. 62.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Базовый курс по рынку ценных бумаг: учебное пособие / О.В. Ломтатидзе, М.И. Львова, А.В. Болотин и др. – М.: КНОРУС, 2010. – С. 191 (автор главы 5 – О.В. Ломтатидзе).

¹¹ По мнению В.А. Галановой производный финансовый инструмент – это срочный контракт, отношения между сторонами которого сводятся к выплате одной из сторон контракта другой разницы между ценой актива, зафиксированного в контракте, и рыночной ценой этого же актива на момент расчета по контракту (Галанова В.А. Рынок ценных бумаг: Учебник. – М.: ИНФРА-М. 2009. – С. 175.).

¹² Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1412.

¹³ Кривошеев И.В. Правовое положение института агентирования в российской и международной торговле. Правовая реформа в России: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 апреля 1996 г.). – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. – С. 207.

¹⁴ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги (2-е издание, исправленное и дополненное) // СПС «Консультант плюс».

Правовая природа внебиржевых договоров

Запорощенко В. А., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

В статье исследуются внебиржевые договоры, раскрываются их особенности, а также черты, отличающие их от биржевых договоров. Акцентируется внимание на специфике правового регулирования внебиржевых договоров.

Ключевые слова:

биржевой договор, внебиржевой договор, организованные торги, товар, объект внебиржевого договора.

Деление договоров на биржевые и внебиржевые заложены Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»¹.

С принятием указанного закона Законодатель отошел от существовавшего до этого принципа раздельного регулирования деятельности по организации торгов в зависимости от вида биржи. До вступления его в силу деятельность фондовых бирж регулировалась положениями Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»², валютных бирж – нормами Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³, а бирж реального товара, соответственно, Законом РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле»⁴. В целом существующее положение вещей следует признать оправданным; представляется, что схожие правовые явления должны иметь единую правовую базу. Тем не менее подход в регулировании деятельности по организации торгов не сильно изменился. Закон, несмотря на то, что он стал единым, содержит в себе лишь основы правового опосредования данной сферы правоотношений, которые раскрываются более детально на ведомственном уровне. В то же время регламентация значительной части правоотношений

передана в руки непосредственно организаторов торгов, в обязанности которым вменяется принятие соответствующих локальных актов.

Как следует из положений ст. 11 Закона об организованных торгах, под **внебиржевыми понимаются договоры**, заключенные сторонами не на организованных торгах, обязательства по которым предусматривают переход права собственности на товар, допущенный к организованным торгам.

Анализ приведенного определения позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, как и любой другой гражданско-правовой договор, внебиржевой договор – это прежде всего соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ).

Во-вторых, внебиржевые договоры заключаются не на организованных торгах.

В-третьих, чтобы считаться внебиржевым, договор должен предусматривать переход права собственности на товар, допущенный к организованным торгам.

Получается, что на роль внебиржевых могут претендовать договоры, объектами которых выступают котируемые на организованных рынках товары, но заключенные за рамками такого рынка. Следовательно, для квалификации

договора в качестве внебиржевого прежде всего следует определиться с тем, что является организованными торгами и какие сделки на них совершаются.

Итак, организованными считаются торги, проводимые на регулярной основе по установленным правилам, предусматривающим порядок допуска лиц к участию в торгах для заключения ими договоров купли-продажи товаров, ценных бумаг, иностранной валюты, договоров репо и договоров, являющихся производными финансовыми инструментами (пп. 7 п. 1 ст. 2 Закона об организованных торгах).

Характеризуя организованные торги, Законодатель пошел по пути определения торгуемых объектов и перечня сделок, доступных лицам, допущенным к участию в торгах. В частности, торги могут осуществляться в отношении таких групп объектов, как товары, ценные бумаги, иностранная валюта, что характерно для большинства биржевых сделок. А если вести речь о производных финансовых инструментах, то к числу базисных активов последних относятся не только указанные выше, но и специфические объекты, например, процентные ставки, уровень инфляции, официальная статистическая информация, физические, биологические и (или) химические показатели состояния окружающей среды, непосредственно

сами договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, и другие (п. 1 Указания Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов»⁵).

Услуги по проведению таких торгов оказывает организатор торгов⁶ — то есть лицо, действующее на основании лицензии биржи или лицензии торговой системы (пп. 6 п. 1 ст. 2 Закона об организованных торгах).

Можно согласиться с мнением большинства правоведов, отмечающих, что биржевые сделки по своей правовой природе ничем не отличаются от гражданско-правовых сделок, заключаемых вне биржи, и характеризуются общими, свойственными для них признаками.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сделки, совершаемые на организованных торгах, характеризуются целым рядом специфических черт. Это и определенный круг лиц, допущенных к участию в торгах, и особый перечень объектов, в отношении которых могут осуществляться торги, и возможность заключения сделок исключительно в определенном месте, в назначенное время по правилам, разработанным организатором торгов, и особый механизм совершения сделок с обязательной регистрацией их организатором торгов⁷.

В свою очередь, к категории внебиржевых договоров, в широком смысле, можно было бы отнести все гражданско-правовые договоры, заключенные не на организованных торгах, но в отношении активов, котирующихся на них. Но Законодатель подошел к этому вопросу несколько иначе и существенным образом сузил данную категорию.

В результате под внебиржевыми понимаются не все договоры, заключенные за рамками организованных торгов, а только та их часть,

которая предусматривает переход права собственности на товар, допущенный к организованным торгам.

Как уже отмечалось выше, на организованных торгах могут совершаться различные сделки. Однако далеко не все из них заканчиваются переходом права собственности на товар и далеко не каждый товар

Можно согласиться с мнением большинства правоведов, отмечающих, что биржевые сделки по своей правовой природе ничем не отличаются от гражданско-правовых сделок, заключаемых вне биржи, и характеризуются общими, свойственными для них признаками

может быть объектом внебиржевых договоров.

В юридической литературе сделки, совершаемые на организованных торгах подразделяются на кассовые (сделки на наличные), представляющие собой договоры купли-продажи того или иного объекта торгов (товара, иностранной валюты, ценных бумаг) и срочные, предполагающие исполнение через определенный срок, как правило, не ранее чем на третий день после заключения сделки⁸. К числу последних относят договоры репо, форвардные сделки, договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами (фьючерсы, опционы и ряд других).

Среди сделок, заключаемых на организованных торгах, переход права собственности на товар характерен прежде всего для договоров купли-продажи и форвардных сделок, цель которых состоит в непосредственном приобретении соответствующего товара (в широком смысле, в том числе иностранной валюты и ценных бумаг), допущенного к организованным торгам.

Влекут переход права собственности и договоры репо, что отчетливо прослеживается из определения, содержащегося в п. 1 ст. 51.3 Закона о рынке ценных бумаг. Так, «договором репо признается договор, по которому одна сторона (продавец по договору репо) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю по договору репо) ценные бумаги, а покупатель по договору репо обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (первая часть договора репо), и по которому покупатель по договору репо обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца по договору репо, а продавец по договору репо обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора репо)».

Могут закончиться реальной передачей товара (объекта торгов) в собственность и договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, в частности, когда речь идет о поставочном фьючерсе или опционе.

Однако для правовой квалификации договора в качестве внебиржевого представляет важность не только предусмотренная в нем передача права собственности на товар, допущенный к организованным торгам, но и характеристика (специфические черты) такого товара.

Традиционно в гражданском законодательстве товар рассматривается в качестве объекта гражданских прав. Так, например, по договору купли-продажи товаром могут быть любые вещи с соблюдением правил об оборотоспособности объектов гражданских прав (п. 1 ст. 455 ГК РФ). В Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹ товар рассматривается как объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот (п. 1 ст. 4 Закона).

Не вдаваясь в анализ соотношения приведенных выше определений, хотя не можем не отметить разные подходы к пониманию правовой природы одного и того же понятия, отметим, что в Законе об организованных торгах термин «товар», на наш взгляд, используется в более узком значении по сравнению с указанными выше нормативными актами. К нему, в частности, отнесены «не изъятые из оборота вещи (за исключением ценных бумаг, иностранной валюты) определенного рода и качества, любого агрегатного состояния, допущенные к организованным торгам» (пп. 9 п. 1 ст. 2 указанного Закона).

Итак, список объектов, допущенных к организованным торгам, достаточно широк и включает в себя иностранную валюту, ценные бумаги, товары, иное имущество, определенное Законодателем. Однако, как видно, термин «товар» в Законе об организованных торгах употребляется в усеченном понимании и охватывает далеко не все объекты заключаемых сделок. К их числу относят нефть, нефтепродукты, газ, лес, химпродукцию и целый ряд других товаров, которые выступают предметом торговли на товарных (сырьевых) биржах. В литературе

для обозначения данной категории вещей используется термин «реальный товар»¹⁰.

Заключение договора в отношении любого другого биржевого актива (и тем более в отношении актива (товара), не являющегося биржевым) исключает в принципе возможность отнесения его к категории

Не вдаваясь в анализ соотношения приведенных выше определений, хотя не можем не отметить разные подходы к пониманию правовой природы одного и того же понятия, отметим, что в Законе об организованных торгах термин «товар», на наш взгляд, используется в более узком значении по сравнению с указанными выше нормативными актами

«внебиржевых договоров», с точки зрения Законодателя.

Как следует из положений ст. 11 Закона об организованных торгах, информация в отношении целого ряда внебиржевых договоров в обязательном порядке предоставляется бирже, которая осуществляет проведение организованных торгов по заключению договоров купли-продажи соответствующего товара.

В настоящее время порядок предоставления всех необходимых сведений регулируется Положением о предоставлении информации о заключенных сторонами не на организованных торгах договорах, обязательства по которым

предусматривают переход права собственности на товар, допущенный к организованным торгам, а также о ведении реестра таких договоров и предоставлении информации из указанного реестра, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 23 июля 2013 г. № 623¹¹.

Обязанность своевременного предоставления полной и достоверной информации о внебиржевом договоре возлагается на лицо, осуществившее отчуждение биржевого товара на внебиржевом рынке, причем предоставление таких данных более чем на одну биржу не допускается (пп. 7, 8 Положения о предоставлении информации).

В частности, указанная обязанность действует, например, в отношении таких товаров, как:

а) нефть сырая, при объеме добычи и (или) производства группой лиц производителя за предшествующий год свыше 1 млн тонн, при условии, что объем сделки составляет не менее 1 тыс. тонн;

б) угли коксующиеся, каменные, бурые и антрацит при объеме добычи группой лиц производителя за предшествующий год свыше 1 млн тонн, при условии, что объем сделки составляет не менее 60 тонн;

в) пшеница 3-го и 4-го класса при объеме реализации группой лиц производителя за предшествующий год свыше 10 тыс. тонн и объеме сделки более 60 тонн и др. На основании предоставленных сведений биржа ведет в электронном виде реестр внебиржевых договоров. Реестр составляется таким образом, чтобы на основании его данных можно было составить списки внебиржевых договоров и делать выписки из него на любую дату, за любой период времени, по любому биржевому товару, а также идентифицировать лицо, заключившее внебиржевой договор (ст. 11 Закона об организованных

торгах, пп. 10, 12 Положения о предоставлении информации).

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Обязывая предоставить сведения о внебиржевых договорах, Законодатель использует термин «стороны», а не «участники торгов». Именно, «...стороны должны предоставлять информацию о заключенных ими не на организованных торгах договорах...» (ст. 11 обозначенного Закона). В таком формате, исходя из буквального толкования, речь идет о стороне любого договора, объектом которого выступает реальный биржевой товар; прямых ограничений по субъектному составу нет. Критериями, обязывающими предоставлять

информацию, выступают вид товаров, перечисление которых содержится в Положении о предоставлении информации, объем добычи (производства, реализации) такого товара и объем соответствующей сделки, пороговые значения которых также приведены в указанном нормативно-правовом акте.

Тем не менее сфера, опосредуемая Законом об организованных торгах, является специальной, она ограничена и по объектному составу, и по субъектному, равно как и по условиям проведения торгов. Особый характер биржевого товара должен накладывать отпечаток не только на биржевой, но и на внебиржевой рынок, в том числе и на

требования, предъявляемые непосредственно к участникам внебиржевых договоров, которые, как нам видится, должны быть сформулированы и внесены в Закон об организованных торгах.

Также, со своей стороны, опираясь на проведенный анализ, считаем целесообразным несколько скорректировать существующее определение внебиржевого договора; представляется, что таковым является гражданско-правовой договор, заключаемый не на организованных торгах, направленный на приобретение в собственность реального товара, допущенного к организованным торгам. **■**

¹ Собрание законодательства РФ от 28.11.2011, № 48. Ст. 6726. Далее – Закон об организованных торгах.

² Собрание законодательства РФ от 22.04.1996, № 17. Ст. 1918. Далее – Закон о рынке ценных бумаг.

³ Собрание законодательства РФ от 15.12.2003, № 50. Ст. 4859.

⁴ Ведомости СНД и ВС РФ от 07.05.1992, № 18. Ст. 961.

⁵ Вестник Банка России от 31.03.2015, № 28.

⁶ Действующее законодательство не относит организаторов торгов к профессиональным участникам рынка ценных бумаг. В соответствии с пп. 18 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг к профессиональным участникам рынка ценных бумаг относятся юридические лица, которые созданы в соответствии с законодательством Российской Федерации и осуществляют виды деятельности, указанные в статьях 3–5, 7, 8, 6.1 данного закона, а именно: брокерскую деятельность, дилерскую деятельность, деятельность форекс-дилера, деятельность по управлению ценными бумагами, деятельность

по инвестиционному консультированию, депозитарную деятельность, деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг.

⁷ Белых В.С., Виниченко С.И. Биржевое право. – М.: Норма, 2001. – С. 129–131.

⁸ Белых В.С., Виниченко С.И. Биржевое право. – М.: Норма, 2001. – С. 131–135. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Спарк, 1995. – С. 238–239.

⁹ Собрание законодательства РФ от 31.07.2006, № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

¹⁰ Брагинский. М.И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. 2004, № 12. С. 21; Шеленкова Н. Допуск биржевых ценностей к биржевой торговле // Российская юстиция. № 3. 1997. С. 18. Аналогичная терминология использовалась и в законодательстве. Так, термином «реальный товар» оперировал Закон РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383–1 «О товарных биржах и биржевой торговле» (ст.ст. 20, 21, 27 Закона).

¹¹ Собрание законодательства РФ от 05.08.2013, № 31. Ст. 4219. Далее – Положение о предоставлении информации.

Правовая охрана природы Арктики и внедрение наилучших доступных технологий

Игнатьева И. А., д. ю. н., профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация:

В статье обращается внимание на необходимость принятия усиленных мер по охране уязвимой арктической природы, в ряду которых могло бы явиться обеспечение государством внедрения природопользователями, осуществляющими хозяйственную или иную деятельность в Арктике, наилучших доступных технологий. Предлагается соответственно расширить перечень оснований для отнесения объектов, негативно воздействующих на окружающую среду, к объектам I категории, путем учета факта нахождения объекта на территории Арктической зоны Российской Федерации и других территориях со специфическим режимом охраны окружающей среды.

Ключевые слова:

Арктическая зона Российской Федерации, наилучшие доступные технологии, уязвимая окружающая среда Арктики.

Ирина ИГНАТЬЕВА

Уязвимая окружающая среда Арктики требует особых мер защиты от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности. Этот подход следует из ряда характеристик окружающей среды Арктики, отмеченных в документах стратегического планирования. Так, согласно подпрограмме «Освоение и использование Арктики» федеральной целевой программы «Мировой океан»,

**Уязвимая окружающая
среда Арктики требует
особых мер защиты
от негативного
воздействия
хозяйственной и иной
деятельности**

утвержденной постановлением Правительства РФ от 10 августа 1998 г. № 919, экологическая значимость Арктики определяется наличием уникальных экосистем, большой ролью в обеспечении

устойчивости климата планеты. При этом окружающая среда Арктики рассматривается в данном документе как чрезвычайно уязвимая, а нарушение ее состояния оценено как практически необратимое.

Более того, как подчеркивается в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969, в качестве особенности Арктической зоны Российской Федерации, оказывающей влияние на формирование государственной политики в Арктике, выступает низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий. Таким образом, практически любое негативное воздействие на окружающую среду Арктики может иметь обостренные последствия как для ее состояния, так и для состояния в общем окружающей среды планеты.

На этом фоне как вполне востребованные выступают предпринимаемые государством меры по внедрению наилучших доступных технологий (далее – НДТ). Внедрение НДТ, согласно ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹ (далее – Закон об охране окружающей среды), призвано обеспечить снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды. Законодательством предусматривается даже комплексное предотвращение негативного воздействия на окружающую среду при применении НДТ (п. 1 ст. 28.1 Закона об охране окружающей среды).

Между тем некоторые аспекты правового регулирования вызывают сомнения с точки зрения результативности обеспечения охраны окружающей среды Арктики. Первый в этом ряду вопрос – об отсутствии правовых оснований для учета фактически более углубленных последствий хозяйственной или иной деятельности для арктической природы (равно как для окружающей среды других специфических регионов) при создании механизмов внедрения НДТ. В частности, внедрение НДТ обусловлено отнесением ряда объектов, негативно воздействующих на окружающую среду, к объектам I категории посредством введения в Закон об охране окружающей среды сложной системы взаимосвязанных правил (п. 1 ст. 4.2, п. 1, 2 ст. 23, п. 2 ст. 28.1, п. 1, 10 ст. 31.1). Одновременно закреплена возможность распространения связанных с внедрением НДТ правил о получении комплексного экологического разрешения на объекты II категории (п. 12 ст. 31.1 Закона об охране окружающей среды).

Согласно ст. 4.2 Закона об охране окружающей среды объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, подразделяются в зависимости от уровня такого воздействия на четыре категории. При установлении критериев², на основании которых осуществляется отнесение

**Между тем некоторые
аспекты правового
регулирования вызывают
сомнения с точки зрения
результативности
обеспечения охраны
окружающей среды
Арктики**

объектов к конкретной категории, учитываются: а) уровни воздействия на окружающую среду видов хозяйственной и иной деятельности; б) уровень токсичности загрязняющих веществ, содержащихся в выбросах, сбросах загрязняющих веществ, классы опасности отходов производства и потребления; в) классификация промышленных объектов и производств; г) особенности осуществления деятельности в области использования атомной энергии.

Перечисленные факторы, таким образом, опираются на разнородные характеристики осуществляемого воздействия. Соответственно

система Критериев, на основании которых объекты распределяются по категориям, рассматривается как довольно сложная³. Примененный законодателем подход был оценен в науке как рискованный на основе того, что в указанный список оснований для оценки степени негативного воздействия попали, в частности, атомные станции⁴: «сами по себе это достаточно «чистые» с экологической точки зрения объекты, однако последствия аварий на них объектах могут быть катастрофическими»⁵. Такое изначальное смешение оснований, следовательно, не может препятствовать выделению в качестве отдельного показателя осуществление деятельности в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях, где окружающая среда нуждается в повышенной правовой защите.

Учет вероятности усугубления негативных последствий при осуществлении той или иной деятельности на территориях со специальным правовым статусом широко применяется в действующем законодательстве. Именно этот фактор объясняет, например, выделение в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, указанных в ст. 247, 250, 254, 256, 258 Уголовного кодекса РФ, совершение деяния в зонах экологического бедствия, чрезвычайной экологической ситуации или на особо охраняемых природных территориях. Примечательно, что перечень таких территорий, признаваемых уголовным законодательством по тем или иным основаниям особыми, совершение уголовно наказуемого деяния на которых усугубляет ответственность, в научной литературе предлагалось расширить как раз за счет включения в их число Арктической зоны РФ⁶.

Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2016 г. № 913

«О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»⁷ предусмотрено использование дополнительного коэффициента 2, применяемого к ставкам платы за негативное воздействие на окружающую среду, в отношении *территорий и объектов, находящихся под особой охраной в соответствии с федеральными законами* (п. 2). Тот же подход воспроизводится в Правилах исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду, утвержденных постановлением Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 255⁸ (п. 8, 17). Следовательно, учет особенностей разных регионов с особым режимом охраны совсем не нов для современного законодательства. Более того, оформляется тенденция к определенному обобщению таких территорий для конкретных целей правового регулирования.

Специфика тех или иных регионов также систематически находит отражение в документах стратегического планирования. Так, в государственной программе РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326, в ряду задач программы отдельно обозначено снижение уровня загрязненности отходами Байкальской природной территории. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г., среди разных направлений деятельности особо ориентируют на решение экологических проблем Байкальской природной территории, регионов Севера и Арктики, территорий традиционного природопользования коренных малочисленных

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (п. 16).

Интересно также, что была предпринята попытка развить законодательство в части ликвидации накопленного вреда в том же направлении учета фактора Арктики. Так, в 2019 г. появился законопроект, внесенный Государствен-

**Интересно также,
что была предпринята
попытка развить
законодательство
в части ликвидации
накопленного вреда
в том же направлении
учета фактора Арктики**

ным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), который имел целью обеспечить первоочередность ликвидации накопленного вреда на объектах, выявленных на территории Арктической зоны РФ⁹ (в настоящее время законопроект снят с рассмотрения).

В связи с реализуемым подходом, при котором особый статус и характеристика состояния окружающей среды той или иной территории Российской Федерации предопределяет специальный комплекс природоохранных мер, логичным и целесообразным представляется дополнение перечня факторов, влияющих

на определение категории объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Специальный индикатор в ряде случаев – это *наличие особого статуса и характеристик состояния окружающей среды определенных территорий*, на которых функционируют соответствующие объекты. Применение этого фактора должно сопровождаться составлением исчерпывающего перечня таких территорий, включая территорию Арктической зоны РФ.

Кроме того, обеспечение эффективной охраны природы Арктики могло бы пойти по пути создания специальных информационно-технических справочников по НДТ (далее также – справочники), ориентированных на арктические территории. Так, в соответствии со ст. 28.1 Закона об охране окружающей среды, та или иная технология может быть признана наилучшей доступной, если она оказалась описанной в опубликованных справочниках и (или) показатели воздействия на окружающую среду которой не должны превышать установленные технологические показатели НДТ. При этом п. 7 ст. 28.1 того же Закона предусмотрена разработка справочников с учетом климатических, экономических и социальных особенностей Российской Федерации. Создание справочников, учитывающих климатические особенности Арктики, таким образом, вполне допустимо, но по этому пути создатели справочников пока не идут.

Серьезной проблемой в процессе защиты уязвимой природы Арктики, равно как в целом в деле охраны окружающей среды, представляется то обстоятельство, что нормативно-правовое регулирование по внедрению НДТ построено таким образом, что активными участниками в создании

справочников становятся сами компании, негативно воздействующие на окружающую среду. В частности, Правилами определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям, утвержденными постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2014 г. № 1458 и изложенными в новой редакции согласно постановлению Правительства РФ от 9 марта 2019 г. № 250 (далее – Правила), одна из самых активных ролей закреплена за разработчиком проекта справочника. Именно разработчик представляет в рабочую группу проект справочника, в то время как у рабочей группы есть полномочия работать только с представленным текстом проекта справочника и поручать разработчику именно в него вносить при необходимости определенные поправки. Отчеты о заседаниях рабочих групп, изложенные на сайте Бюро наилучших доступных технологий¹⁰, свидетельствуют, что нередко разработчиками выступают коммерческие организации. При этом предусмотренная экспертиза проекта справочника, осуществляемая техническим комитетом, не предполагает по существу анализ самого содержания проекта справочника, поскольку направлена на проверку лишь некоторого набора формальных требований – требований, установленных к содержанию сборника и структуре в документах национальной системы стандартизации (п. 37 указанных Правил). Недостаточно убедительно, как представляется, изложены в Правилах положения, связанные с учетом отзывов, полученных на стадии публичного обсуждения проекта справочника (п. 33–35): у рабочей

группы совместно с тем же разработчиком проекта справочника есть лишь обязанность рассмотреть сводку отзывов и сформировать позицию по представленным замечаниям и предложениям. Иными словами, реакция на отзывы может быть очень разной, не исключая их фактическое игнорирование,

Именно разработчик представляет в рабочую группу проект справочника, в то время как у рабочей группы есть полномочия работать только с представленным текстом проекта справочника и поручать разработчику именно в него вносить при необходимости определенные поправки

и при этом вполне соответствовать Правилам.

Не состоялось и вполне взвешенно предложенное в литературе дополнение перечня объектов экологической экспертизы в Федеральном законе от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»¹¹ для проверки на соответствие экологическим требованиям соответствующих проектных материалов, обосновывающих отнесение конкретной технологии к НДТ¹². В связи с изложенным существующие механизмы отбора технологий для включения их в перечень НДТ в аспекте достижения природоохранных целей

представляются нам несовершенными, начиная с установлений относительно подготовки текста проекта справочника, определения состава и полномочий рабочих групп и заканчивая общей неполнотой экспертных исследований.

Определение областей применения НДТ в перечне, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 24 декабря 2014 г. № 2674-р, привело к обособлению по ряду областей довольно ограниченного круга компаний, у которых объективно наличествует интерес в обозначении практически используемых ими технологий как НДТ. В частности, к областям применения НДТ отнесена такая хозяйственная и (или) иная деятельность, как добыча и обогащение железных руд, производство чугуна, стали и ферросплавов, производство изделий дальнейшего передела черных металлов; добыча и обогащение руд цветных металлов, производство цветных металлов; добыча нефти и природного газа и др. (значительная часть этих видов деятельности осуществляется, как известно, на территории Арктической зоны РФ). Таким образом, речь во многом идет о наиболее крупных компаниях, по сути нередко являющихся единичными в той или иной сфере деятельности. Очевидно, что в отсутствие сколь-нибудь весомой конкуренции у технологий, внедренных на объектах, принадлежащих таким компаниям, образуются самые уверенные перспективы на признание наилучшими доступными.

У коммерческих организаций есть закреплённая законодательством основная цель деятельности – извлечение прибыли (ст. 50 Гражданского кодекса РФ). Было бы странно вменять данным лицам решение задач, связанных с обеспечением публичного

интереса в охране окружающей среды, поддержании ее благоприятного состояния¹³.

Таким образом, новые правовые конструкции по внедрению НДТ, призванные снизить негативное воздействие на окружающую среду, не учитывают наличие разного рода территорий, включая Арктическую зону РФ, где такое воздействие может иметь нетипичное, усугубленное проявление.

Показатели, определяющие отношение объектов, негативно воздействующих на окружающую среду, должны быть скорректированы таким образом, чтобы оценка негативного воздействия выражалась относительно состояния окружающей среды конкретных территорий, и прежде всего с учетом объективно существующей уязвимости арктической природы. Полагаем также, что использование

созданных механизмов включения той или иной технологии в справочники по НДТ не всегда может способствовать реальному снижению негативного влияния хозяйственной или иной деятельности на окружающую среду, что в условиях Арктической зоны РФ может привести к усугубленным отрицательным последствиям. ■

Литература:

1. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. – М., 2003.
2. Куделькин Н.С. Охрана морской среды Арктики: уголовно-правовые и криминологические аспекты // *Lex Russica*. 2018. № 9.
3. Матвеева Е.В. Построение системы нормирования в области охраны окружающей среды на принципах наилучших доступных технологий в России и за рубежом // *Экологическая политика. Материалы I и II круглых столов «Экологическая политика: новые подходы и технологии решения экологических проблем» (10 октября 2014 г. и 19 октября 2015 г.) и XXI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права*

- и законодательства. Правовые проблемы формирования и реализации экологической политики» («Софрино – 21») (16–17 мая 2016 г.) / Под ред. А.К. Голиченкова, В.В. Лунина, А.Ю. ШUTOва. – М., 2016.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / отв. ред. Н.И. Хлуденева. – М., 2018. – С. 53.
5. Ширококов А.С. Перспективы развития правового регулирования нормирования воздействия на окружающую среду на основе наилучших доступных технологий // *Экологическое право России. Сб. материалов науч.-практ. конф. Вып. 6* / Под ред. А.К. Голиченкова. – М., 2009.

¹ См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133. Тексты нормативных правовых актов использованы в статье при информационной поддержке компании «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. № 1029 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» // СЗ РФ. 2015. № 40. Ст. 5566.

³ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / отв. ред. Н.И. Хлуденева. – М., 2018. – С. 53.

⁴ См.: Матвеева Е.В. Построение системы нормирования в области охраны окружающей среды на принципах наилучших доступных технологий в России и за рубежом // *Экологическая политика. Материалы I и II круглых столов «Экологическая политика: новые подходы и технологии решения экологических проблем» (10 октября 2014 г. и 19 октября 2015 г.) и XXI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права и законодательства. Правовые проблемы формирования и реализации экологической политики» («Софрино – 21») (16–17 мая 2016 г.)* / Под ред. А.К. Голиченкова, В.В. Лунина, А.Ю. ШUTOва. – М., 2016. – С. 195.

⁵ Там же.

⁶ См.: Куделькин Н.С. Охрана морской среды Арктики: уголовно-правовые и криминологические аспекты // *Lex Russica*. 2018. № 9. – С. 96.

⁷ СЗ РФ. 2016. № 38. Ст. 5560.

⁸ СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1572.

⁹ См.: Проект федерального закона № 463494-7 «О внесении изменения в статью 80-1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (в части расширения перечня критериев для оценки объектов накопленного вреда окружающей среде)» // <http://sozd.parlament.gov.ru/> (Дата обращения: 25 декабря 2019 г.).

¹⁰ См.: URL: <http://www.burondt.ru>.

¹¹ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

¹² См.: Ширококов А.С. Перспективы развития правового регулирования нормирования воздействия на окружающую среду на основе наилучших доступных технологий // *Экологическое право России. Сб. материалов науч.-практ. конф. Вып. 6* / Под ред. А.К. Голиченкова. – М., 2009. – С. 127.

¹³ См.: Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. – М., 2003.

К вопросу о возможности подачи повторного иска при легализации самовольной постройки

Гаевская Е. Ю., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ,
Вагина О. В., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ

Аннотация:

В данной статье авторы рассматривают вопрос, связанный с возможностью подать повторный иск о признании права собственности на самовольную постройку, при условии, что уже было вынесено судебное решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Ключевые слова:

самовольная постройка, признание права собственности, повторный иск.

Екатерина ГАЕВСКАЯ

В научной литературе на сегодняшний момент можно встретить достаточно большой объем работ, касающихся тех или иных вопросов, связанных с самовольной постройкой. В настоящей статье мы постарались осветить проблему, связанную с возможностью обратиться в суд с повторным иском о признании права собственности на самовольную постройку.

Итак, в соответствии с п. 1 ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое

имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

В приведенных нормах п. 1 ст. 222 ГК РФ исчерпывающим образом перечислены признаки самовольной постройки. Отметим, что фактическое наличие хотя бы одного из указанных в данном пункте трех признаков является достаточным для признания постройки самовольной.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке, за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. В этом случае лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом. Право собственности на самовольную

Ольга ВАГИНА

постройку не может быть признано за указанным лицом, если сохранение постройки нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц либо создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

В соответствии с толкованием, приведенном в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2007 года № 595-О-П «По запросу Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности абзаца второго пункта 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации»,

самовольное строительство представляет собой правонарушение, которое состоит в нарушении норм земельного законодательства, регулирующего предоставление земельного участка под строительство, либо градостроительных норм, регулирующих проектирование и строительство.

Правовым последствием осуществления самовольной постройки как факт совершения правонарушения должен быть ее снос (приведение здания в состояние, предшествующее реконструкции). Признание права собственности в порядке п. 3 ст. 222 ГК РФ представляет собой исключение из общего правила и не может толковаться расширительно. Вынося решение о признании самовольной постройки, суд фактически легализует нарушения, совершенные самовольным застройщиком, а поэтому должен учесть баланс частного и публичного интереса, конкретные фактические обстоятельства дела.

Указанный способ возникновения права может применяться в случае, если лицо, обратившееся в суд с таким иском, по независящей от него причине было лишено возможности получить правоустанавливающие документы на вновь возведенный объект в порядке, установленном нормативными актами, регулирующими отношения по градостроительной деятельности и по использованию земель.

В ином случае при удовлетворении требований, на основании п. 3 ст. 222 ГК РФ, имел бы место упрощенный порядок легализации самовольного строения, применение которого ставило бы добросовестного застройщика, получающего необходимые для строительства документы в установленном порядке, в неравное положение по сравнению с самовольным застройщиком, который не выполнял предусмотренные

законом требования, т.е. совершал правонарушение.

Как указано в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собствен-

Таким образом, исходя из толкования положений высших судебных инстанций, можно сделать вывод, что при подаче первоначального иска очень важно показать, что истец предпринимал все попытки для получения разрешения на строительство в уполномоченном органе

ности и других вещных прав», рассматривая иски о признании права собственности на самовольную постройку, суд устанавливает, допущены ли при ее возведении существенные нарушения градостроительных норм и правил, создает ли такая постройка угрозу жизни и здоровью граждан. Отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку. В то же время суду необходимо установить, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, в частности,

к получению разрешения на строительство и/или акта ввода объекта в эксплуатацию, а также правомерно ли отказал уполномоченный орган в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию.

Иск о признании права собственности на самовольную постройку может быть удовлетворен при установлении судом того, что единственными признаками самовольной постройки являются отсутствие разрешения на строительство и/или отсутствие акта ввода объекта в эксплуатацию, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает ли угрозу жизни и здоровью граждан.

Право собственности на самовольную постройку, возведенную без необходимых разрешений, не может быть признано за создавшим ее лицом, которое имело возможность получить указанные разрешения, но не предприняло мер для их получения (п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Таким образом, исходя из толкования положений высших судебных инстанций, можно сделать вывод, что при подаче первоначального иска очень важно показать, что истец предпринимал все попытки для получения разрешения на строительство в уполномоченном органе.

Если иск не будет удовлетворен, как раз и возникнет практически значимый вопрос – возможно ли обратиться в суд с повторным

иском о признании права собственности на самовольную постройку.

Сразу обратим внимание, что судебная практика по указанной проблеме носит противоречивый характер.

Как представляется, суд сможет удовлетворить повторный иск о праве собственности на самовольную постройку только в том случае, если спорный объект будет отличаться от объекта в первом иске, т.е. не будет тождественен первоначальному объекту недвижимости.

Как уже отмечалось, п. 3 ст. 222 ГК РФ допускает возможность признания права собственности на самовольную постройку за правообладателем земельного участка, на котором находится постройка. При этом согласно разъяснениям ВС РФ и ВАС РФ (№ 10/22) при рассмотрении исков о признании права собственности на самовольную постройку судам необходимо проверять, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, в частности, к получению разрешения на строительство и (или) на ввод объекта в эксплуатацию.

Право собственности на самовольную постройку, возведенную без необходимых разрешений, не может быть признано за создавшим ее лицом, которое имело возможность получить указанные разрешения, но не предприняло мер для их получения.

Например, в одном случае юридическое лицо обратилось в арбитражный суд с иском о признании в порядке ст. 222 ГК РФ права собственности на здание склада. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска. Они объяснили это тем, что заявленные истцом требования фактически были направлены на замену установленной законом административной процедуры получения

разрешения на строительство объекта недвижимости на судебный порядок признания права собственности. Суды установили, что истец не подавал в уполномоченный орган заявление о получении разрешения на строительство с приложением необходимого пакета документов либо заявление на ввод объекта

Право собственности на самовольную постройку, возведенную без необходимых разрешений, не может быть признано за создавшим ее лицом, которое имело возможность получить указанные разрешения, но не предприняло мер для их получения

капитального строительства в эксплуатацию и не доказал принятие им надлежащих мер к легализации самовольной постройки (к получению разрешения на строительство и (или) акта ввода объекта в эксплуатацию). После этого руководство юридического лица предприняло меры к узаконению постройки в административном порядке, обратившись в уполномоченный орган, а затем, не добившись желаемого результата, обратилось в суд с новым иском о признании права собственности на основании той же ст. 222 ГК РФ. Арбитражный суд признал это требование тождественным ранее заявленному

и прекратил производство по делу. Его поддержали и вышестоящие суды. Суды отвергли ссылку истца на то, что обращение за получением разрешения на легализацию спорных объектов является новым самостоятельным основанием иска, отличным от основания иска по ранее рассмотренному делу, поскольку новые доказательства не свидетельствуют об изменении основания заявленного требования (постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27.03.2014 по делу № А39-2527/2013).

В другом случае юридическое лицо обратилось в арбитражный суд с иском о признании на основании ст. 222 ГК РФ права собственности на здание магазина. Однако суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования. Он сослался на то, что реконструкция здания была осуществлена истцом без разрешения на строительство, а само здание магазина расположено в зоне газораспределительного газопровода высокого давления, что нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и создает угрозу жизни и здоровью граждан (решение АС Владимирской области от 06.12.2014 по делу № А11-5959/2012). После этого предприниматель демонтировал угол здания в целях соблюдения охранной зоны газопровода и обратился в суд с новым иском в порядке ст. 222 ГК РФ о признании права собственности на здание магазина. Арбитражный суд признал новое требование тождественным ранее заявленному и прекратил производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Апелляция поддержала суд первой инстанции, однако с ними не согласился окружной суд. Он указал, что здание, по поводу которого рассматривается спор в рамках данного дела, имеет иные индивидуально-определенные

признаки, в частности, касающиеся площади объекта недвижимости, по сравнению с теми, которыми оно обладало на момент рассмотрения дела № А11-5959/2012. Кроме того, окружной суд отметил, что поскольку иной, внесудебный порядок признания права собственности на самовольные постройки законом не предусмотрен, решение вопроса о праве собственности предпринимателя на возведенный им объект недвижимого имущества может быть осуществлено только по результатам рассмотрения заявленного им иска. Таким образом, по мнению суда кассационной инстанции, истец избрал единственно возможный способ защиты своих прав на спорное здание, однако указанное обстоятельство не было принято во внимание арбитражными судами (постановление АС Волго-Вятского округа от 23.12.2014 по делу № А11-2799/2014). Аналогичный

подход был применен ФАС Восточно-Сибирского округа при вынесении постановления от 04.07.2014 по делу № А33-23476/2013¹. В данном случае суд кассационной инстанции не согласился с тем, что требование истца о признании права собственности на самовольно реконструированные здания, предъявленное после устранения нарушений норм пожарной безопасности, является тождественным ранее заявленному требованию, в удовлетворении которого было отказано по мотиву наличия указанных нарушений.

Как показывает анализ судебной практики, существует возможность подачи повторного иска о признании права собственности на самовольное строение. При этом вопрос решался не в судах первой и апелляционной инстанции, а лишь в кассации.

В любом случае, в соответствии с правовой позицией, изложенной

Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 29.03.2011 № 14057/10, судебный порядок признания права собственности на самовольную постройку сам по себе не может освобождать от обязанности выполнения установленных законом и иными нормативными актами норм, правил и условий возведения объектов недвижимости.

На наш взгляд, в указанных ситуациях можно обратиться к эксперту в области строительной деятельности с просьбой дать заключение о возможности/невозможности, целесообразности/нецелесообразности подготовки нового АПЗ на возведенный объект, в Свердловской области специалистами в области государственного строительного надзора являются сотрудники Департамента государственного жилищного и строительного надзора.

¹ <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2121-qqe-16-m12-29-12-2016-prikakih-usloviyah-sud-udovletvorit-povtorny-isk-o-priznanii-prava-na-samovolnuyu-postroyku>

К вопросу взыскания неосновательного обогащения в случае фактического изъятия (занятия) земельного участка для государственных или муниципальных нужд

Пельвицкая Е. П., к. з. н., доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права УрГЮУ

Аннотация:

В статье рассмотрены вопросы о правовой природе кондикционных обязательств и их соотношение с убытками в делах, связанных с фактическим изъятием земельных участков, и о надлежащем ответчике в таком виде споров. При фактическом изъятии (занятии) земельного участка по иску частного собственника суды безусловно взыскивают убытки в размере рыночной стоимости изъятых недвижимого имущества непосредственно с публичного образования, для целей которого и был занят данный участок. Требования же о взыскании неосновательного обогащения за период фактического пользования изъятых (занятых) земельных участков, даже при установлении факта нарушения процедуры изъятия со стороны публичного образования, суды зачастую оставляют без удовлетворения.

Ключевые слова:

изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, частная собственность, неосновательное обогащение, убытки.

Елизавета ПЕЛЬВИЦКАЯ

Институт изъятия земельного участка для публичных нужд является немаловажной составляющей современного российского законодательства. Конституцией Российской Федерации гарантировано, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. В случаях

принудительного изъятия имущества у собственника – независимо от оснований такого изъятия – должен осуществляться эффективный судебный контроль как гарантия принципа неприкосновенности собственности. Термин «лишен» означает принудительный характер прекращения права частной собственности и предполагает наличие спора, что в обязательном порядке требует судебного контроля, который может быть либо предварительным, либо последующим. По смыслу второго предложения части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации, принудительное отчуждение имущества, по общему правилу, может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения¹.

Отношения по изъятию земельных участков для государственных или муниципальных нужд (публичных нужд) являются гражданско-правовыми отношениями, урегулированными как гражданским, так

и земельным законодательством. В ряду прочих оснований принудительного прекращения права собственности в гражданском законодательстве указано на изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд (п. 2 ст. 235 ГК РФ).² Из этого следует, что изъятие земельных участков для публичных нужд прекращает право частной собственности, при том что такое изъятие должно осуществляться только в особых случаях и в строго определенном порядке. Основания и порядок изъятия для публичных нужд установлены ст. 49 и вступившей в силу с 01.04.2015 г. главой VII.1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ)³. Если рассматривать перечень оснований такого рода изъятия, то он не является исчерпывающим. Так, Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»⁴ допускает изъятие земельных участков для государственных

или муниципальных нужд в связи с определенными социально-экономическими и политическими условиями.

Однако немаловажным является тот факт, что в законодательстве нет легального понятия государственных и муниципальных нужд. В одном из Определений Верховный Суд Российской Федерации указал, что под государственными или муниципальными нуждами могут пониматься потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), но является невозможным без изъятия имущества, принадлежащего частному субъекту.⁵ Такого же рода разъяснения Верховный Суд Российской Федерации дал в одном из своих обзоров, где, в частности, сказано, что под государственными или муниципальными нуждами понимаются потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности. Соответственно, принудительное изъятие не может производиться только или преимущественно в целях получения выгоды другими частными субъектами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества.⁶ Считаю, что для преодоления проблем в правоприменении необходимо на законодательном уровне закрепить данное понятие с обязательным раскрытием его признаков.

Сложности в юридической практике возникают тогда, когда происходит фактическое изъятие (занятие) земельного участка как совершенное в обход установленной процедуры, но по основанию,

указанному в ст. 49 ЗК РФ. Действия публичной власти в таком случае признаются судами незаконными и неправомерными, т.е. противоправными. Безусловно, собственник такого недвижимого имущества может рассчитывать на удовлетворение исковых требований о взыскании за счет казны публич-

**Считаем, что для
преодоления проблем
в правоприменении
необходимо
на законодательном
уровне закрепить данное
понятие с обязательным
раскрытием его
признаков**

ного образования в его пользу убытков, причиненных таким лишением имущества. Взыскание убытков, причиненных фактическим изъятием земельных участков в обход установленной процедуры, осуществляется в рамках деликтного иска (иска о возмещении вреда) по правилам Гл. 59 ГК РФ, на что указал Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих обзоров за 2015 г.⁷

По общему правилу размер возмещения за изымаемый земельный участок определяется не позднее чем за шестьдесят дней до направления его правообладателю соглашения об изъятии недвижимости (п. 7 ст. 58.6 ЗК РФ), в то же

время ст. 280 ГК РФ установлено, что лица, права которых на земельный участок прекращаются в силу его изъятия для государственных или муниципальных нужд, до дня прекращения данных прав владеют, пользуются и распоряжаются в соответствии с законом таким земельным участком по своему усмотрению. Все это относится к случаям, когда процедура изъятия проведена в полном соответствии с установленным порядком. Однако если процедура изъятия не была проведена, но участок уже занят под публичные нужды, остается неурегулированным вопрос о взыскании платы за время фактического пользования чужим имуществом и определения лица, к которому можно предъявить такие требования.

Как известно, одним из ключевых принципов современного земельного законодательства является принцип платности землепользования, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. В рассматриваемом случае у лица, которое фактически использовало земельный участок, например для строительства автодороги, до момента прекращения права частной собственности по судебному решению, отсутствовали какие-либо правовые основания для производства на нем работ, при том что собственники в это время были лишены возможности использовать свои участки по их целевому назначению.

Главой 60 ГК РФ урегулированы отношения, возникшие из неосновательного обогащения (кондикция), для всех случаев, когда одно лицо приобретает (сберегает) имущество за счет другого без правового основания. В связи с этим в правоприменении возникает вопрос

о соотношении кондикционных обязательств с убытками. Можно отметить, что в спорах о взыскании убытков и о взыскании неосновательного обогащения разные предметы и основания исков, разные обязанные субъекты, разная причинно-следственная связь, в результате которой у истцов – собственников, фактически лишившихся своего имущества пусть даже по основаниям публичных нужд, появляется законная возможность требовать платы за время такого пользования. В данных делах истцу необходимо доказать, что ответчик приобрел (сберег) имущество за его счет и что данное приобретение (сбережение) произошло при отсутствии к тому достаточных оснований, предусмотренных законом или сделкой»⁸. В рассматриваемой

ситуации непосредственно обогащение за счет частного собственника земельного участка получило лицо, фактически пользовавшееся этим участком, но при этом не неся бремени его оплаты.

Делая вывод, можно сказать, что собственники фактически изъятых (занятых) земельных участков под публичные нужды вправе предъявлять требования о неосновательном обогащении по правилам гл. 60 ГК РФ в связи с тем, что имело место фактическое пользование земельным участком без правового основания, в том числе со ссылкой на нарушение принципа платности землепользования. Неосновательное обогащение приобретателя происходило в форме неосновательного сбережения денежных средств за счет

собственника земельных участков в связи с неуплатой причитающейся последнему суммы за использование его недвижимого имущества. Считаем, что в случае фактического изъятия земельного участка имеет место неосновательное сбережение в размере стоимости пользования чужим имуществом без намерения его приобрести. Требование о взыскании такого неосновательного обогащения в форме сбережения должны предъявляться непосредственно к лицу, фактически пользовавшемуся чужим имуществом, например генеральному подрядчику по заключенному государственно-му или муниципальному контракту по строительству какого-либо объекта, связанного с публичными нуждами. **■**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // СЗ РФ. 2004. № 9. ст. 830.

² СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301

³ СЗ РФ «Собрание законодательства РФ», 05.01.2015, № 1 (часть I), ст. 52, СЗ РФ. № 40. 2010. ст. 4970.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15–5924 по делу № А07-21632/2013

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016)). Бюллетень Верховного Суда

РФ», № 11, ноябрь, 2016 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ», № 12, декабрь, 2016 (окончание).

⁷ Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015). Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. апрель. 2016

⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 857–858.

К вопросу о проблемах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму

Чукреев В. А., к. ю. н., заместитель прокурора Свердловской области, старший советник юстиции

Аннотация:

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии террористической и экстремистской деятельности, сформулированы предложения о внесении изменений и дополнений в закон «О противодействии терроризму» и закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Ключевые слова:

терроризм, террористический акт, экстремизм, экстремистская деятельность, прокурор, прокурорский надзор, правовые средства прокурора, акты прокурорского реагирования.

В настоящее время проявление терроризма и экстремизма является одной из самых значимых проблем не только в России, но и во всем мире. Это говорит о глобальном характере данной проблемы. Проблема борьбы с терроризмом и экстремизмом в нашей стране относится к числу наиважнейших постольку, поскольку соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, что предусмотрено ст. 2 Конституции Российской Федерации¹.

В современной литературе систематически акцентируется внимание исследователей данной теме, при этом проблемы в данной сфере деятельности прокурора далеко не исчерпаны и являются актуальными на сегодняшний день.

До настоящего времени не решен вопрос терминологического понятия «экстремизм» и «терроризм», что затрудняет осуществление надзора за исполнением законодательства в рассматриваемой сфере. Как справедливо отмечает Владимир Лукин, проблемы с соблюдением права на свободу мысли и слова во многом связаны с применением

**До настоящего времени
не решен вопрос
терминологического
понятия «экстремизм»
и «терроризм»,
что затрудняет
осуществление надзора
за исполнением
законодательства
в рассматриваемой
сфере**

антиэкстремистского законодательства. Едва ли не главная причина возникновения проблемы, отмечает автор – это неопределенность используемого в нем понятия «экстремизм» и, как следствие, отсутствие сколько-нибудь четких критериев

квалификации публичной информации как экстремистской.²

Акцентируя внимание на сложности осмысления данного явления Г.Д. Гриценко и Е.В. Лукьянцев указывают на то, что экстремизм – это на самом деле сложное явление, несмотря на то, что его сложность часто бывает трудно увидеть и понять. Проще всего определить его как деятельность личности, далекую от обычных, общепринятых. В обстановке конфликта – демонстрация жесткой формы разрешения конфликта. Однако обозначение видов деятельности, людей и групп как «экстремистских», а также определение того, что следует считать «обычным» или «общепринятым» – это всегда субъективный и политический вопрос.³

В Российской Федерации определение экстремизма на законодательном уровне определено в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴. Предложенное определение не является обычным по своей структуре, так как состоит из тринадцати пунктов, каждый

из которых содержит деяния, признаваемые экстремизмом. ФЗ № 114 называет экстремистской деятельностью или экстремизмом следующее: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое

распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Феде-

Нельзя сказать, что одна из предложенных точек зрения доминирует над другой. Обе позиции заслуживают внимания и достаточно аргументированы

рации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организацию и подготовку указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг⁵. Необходимо отметить, что перечень действий, признаваемых экстремизмом, по смыслу

законодателя является закрытым. Что в литературе вызывает определенное недопонимание и порождает дискуссию. Одна группа ученых полагает, что определение экстремизма должно быть четко прописано в федеральном законодательстве, причем в классическом варианте, а не состоять из пунктов деяний⁶. Другая же группа ученых считает, что определение должно состоять из указаний на признаки, согласно которым представится возможным квалифицировать деяние в качестве экстремистской деятельности⁷. Нельзя сказать, что одна из предложенных точек зрения доминирует над другой. Обе позиции заслуживают внимания и достаточно аргументированы. При этом следует отметить, что понятие экстремистской деятельности сформулировано достаточно лаконично, а потому прокурору может потребоваться консультация специалистов, причем не только правоведов, но и историков, этнографов и т. д.⁸

В связи с чем определение экстремизма должно содержать указания на общеустановленные признаки, но при условии того, что параллельно с предложенными параметрами будет сформулировано четкое, лаконичное и в то же время не объемное понятие. При этом если рассматривать данную проблему через призму прокурорского надзора, то превалировать будет вторая точка зрения, поскольку, взяв за основу мнение о термине с указанием на признаки, у прокуроров возрастает объем полномочий, так как экстремизмом в этом случае будет признаваться не конкретное предусмотренное законом деяние совершившего его субъекта, а любое действие или бездействие, имеющее характер указанных признаков. Отсюда вывод. Поскольку действующие нормативные акты не позволяют четко определить содержание термина

«экстремизм», следовательно, необходимо в законе закрепить легальное определение содержания экстремизма и также необходимо принять единую систему нормативных актов, в которых будут указаны все нюансы, которые относятся к экстремизму и экстремистской деятельности, например, рамки свободы вероисповедания, понятие социальной группы и запрещенной символики.

Другая проблема связана с толкованием терроризма. Неясно, терроризм стоит рассматривать как крайнюю форму экстремизма⁹ либо эти два понятия следует отграничивать друг от друга¹⁰. Большинство ученых склоняются к первому варианту, который представляется более аргументированным, поскольку именно экстремизм порождает терроризм. В связи с чем органам прокуратуры Российской Федерации необходимо при осуществлении своей надзорной деятельности делать основной упор на осуществление профилактических мер в целях искоренения экстремизма.

Термин «терроризм» является производным от латинского слова «terror», что в переводе своем означает – страх, ужас. Словари отечественных авторов дают размытые дефиниции данному термину. В связи с чем более конструктивно обратиться к его определению исходя из толкования положений, содержащихся в Федеральном законе от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹¹.

В отличие от понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые законодатель отождествляет, понятия «терроризм» и «террористическая деятельность» определены различными терминами. Так, Ст. 3 ФЗ № 35 под терроризмом понимает идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами

государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Что касается террористической деятельности, то эта же статья признает ее как деятельность, включающую

**Термин «терроризм»
является производным
от латинского слова
«terror»,
что в переводе своем
означает – страх, ужас**

в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации,

призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности¹². Исследуя данный аспект, стоит выделить еще одно явление, которое нередко отождествляют с терроризмом. Речь идет о террористическом акте, которому посвящена ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. В уголовном законодательстве под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями¹³. Из чего следует, что понятие «терроризм» является более широким по сравнению с понятием акта терроризма.

Приведенные выше проблемы правового регулирования понимания и сущности экстремизма, экстремистской деятельности, терроризма, террористической деятельности, террористического акта негативно влияют на качество деятельности прокурора в указанной сфере при осуществлении надзора за исполнением законов. Решение данных проблем посредством надлежащего правового регулирования путем закрепления в законе правовых положений, закрепляющих понятие, содержание и сущность терроризма и экстремизма, окажет позитивное влияние на качество прокурорского надзора за исполнением законодательства в рассматриваемой сфере и состояние на законности в целом.

Как показывает прокурорская практика, кроме проблем правового регулирования прокурорского надзора в данной сфере существуют также многочисленные проблемы, обусловленные применением правовых средств реагирования.

В соответствии с положениями, содержащимися в ст. 6 ФЗ № 114, при наличии достаточных и достоверно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, которые содержат признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель, либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель, направляет руководителю общественного или религиозного объединения либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения¹⁴. Согласно положениям данной нормы предостережение выносится путем объявления, но в письменной форме. Однако, в соответствии с пониманием в русском языке глагола «объявить» объявление происходит в устной форме. Объявление в письменной форме невозможно. В связи с чем представляется необходимым в Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности» заменить термин «объявление» на термин «вынесение», по аналогии с положениями, регулирующими предупреждение прокурора о недопустимости экстремистской деятельности, содержащимися в ст.ст. 7 и 8 данного закона.

В положениях ст.ст. 7 и 8 рассматриваемого федерального закона говорится, что предупреждение

адресуется общественным или религиозным объединениям либо иным организациям в случаях выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности, в том числе в деятельности хотя бы одного из их региональных или других структурных подразделений, признаков экстремизма, а также средствам мас-

**Как показывает
прокурорская практика,
кроме проблем
правового регулирования
прокурорского надзора
в данной сфере
существуют также
многочисленные
проблемы, обусловленные
применением правовых
средств реагирования**

совой информации в случаях распространения экстремистских материалов либо выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности проявления экстремизма¹⁵. Возникает вопрос о целесообразности существования данного надзорного средства прокурорского реагирования, поскольку в арсенале органов прокуратуры РФ уже имеется превентивный акт – предостережение о недопустимости экстремистской деятельности, а также представление прокурора об устранении выявленных нарушений закона, являющееся средством прокурорского реагирования, направленным на устранение выявленных

нарушений закона, причин и условий нарушения, обстоятельств, способствующих нарушению закона. При этом возникает вопрос: почему прокурор в ходе проведения проверки исполнения законов, выявив нарушения действующего законодательства, должен предупреждать нарушителей, а не применять к ним более строгие меры, влекущие для них негативные последствия? Отмечая наличие данной проблемы, А.Ю. Винокуров справедливо отмечает, что предупреждение должно быть средством борьбы с экстремизмом в руках контролирующих органов, поскольку, во-первых, именно они осуществляют непосредственный контроль за деятельностью общественных (религиозных) объединений, а во-вторых, сложившаяся система органов исполнительной власти более всего подходит для применения этой меры, и предлагает исключить прокурора в качестве субъекта вынесения указанного акта прокурорского реагирования¹⁶. Представляется, что такое решение рассматриваемой проблемы вполне логично.

Еще одна проблема связана с реализацией прокурором таких правовых средств прокурора как решение о приостановлении деятельности общественного или религиозного объединения и заявление о ликвидации общественного или религиозного объединения. Следует подчеркнуть, что все средства прокурорского реагирования, содержащиеся в законе о противодействии экстремистской деятельности, вправе применять как органы прокуратуры РФ, так и Министерство юстиции Российской Федерации. Данное обстоятельство привело к появлению в теории прокурорского надзора новых видов правовых средств прокурора – межведомственных актов прокурорского реагирования.¹⁷ Отнесение

указанных средств к актам прокурорского реагирования обуславливает необходимость закрепления положений, регулирующих и не только в законе о противодействии экстремистской деятельности, но и в законе о прокуратуре РФ. Отсутствие их четкой правовой регламентации порождает, во-первых, проблему систематизации

актов прокурорского реагирования, во-вторых, проблему их структуры и содержания, что приводит к «излишнему творчеству» прокуроров, а также отсутствию единообразия в их составлении. Всё это создает проблемы при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму.

Приведенные выше суждения наглядно демонстрируют существующие проблемы правового регулирования рассмотренных правовых средств прокурора, для решения которых требуется внесение соответствующих изменений в действующее законодательство Российской Федерации. ■

Литература:

1. Болтенкова Л.Ф., Власов В.И., Экстремизм: теория, законодательство, практика противодействия. Учебно-методическое пособие. – Международный издательский центр «Этносоциум», 2014.
2. Винокуров А.Ю. Борьба с экстремизмом средствами прокурорского надзора // Законность. – М., 2002. № 11.
3. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010.

4. Ергашев Е.Р. Курс лекций Прокурорский надзор в Российской Федерации. – «Раритет», 2016.
5. Зеленков М.Ю. Экстремизм в современном мироустройстве и Российской Федерации XXI века. Политико-правовой аспект: монография – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.
6. Клейменов М.П., Сейбол Е.М. Развитие правовой грамотности и правосознания граждан в сфере противодействия экстремизму. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28).

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. Ст. 2. // СПС Консультант Плюс.
² Фролов М.Г. «К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» журнал Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского 2017, № 5. – С. 165–168.
³ Гриценко Г.Д., Лукьянцев Е.В. статья «К вопросу о понимании экстремизма в современной науке» журнал «Теория и практика общественного развития», Издательство: Юрид. лит. – М., 2017 – С. 30–31.
⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». // СПС Консультант Плюс.
⁵ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». П. 1 ст. 1. // СПС Консультант Плюс.
⁶ Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. – С. 26.
⁷ Клейменов М.П. Противодействие этническому и религиозному экстремизму, правовому нигилизму. – Омск: Издательство ОмГУ, 2006. – С. 8.
⁸ Винокуров А. Борьба с экстремизмом средствами прокурорского надзора // Законность. – Москва, 2002. № 11. – С. 2.
⁹ Зеленков М.Ю. Экстремизм в современном мироустройстве и Российской Федерации XXI века. Политико-правовой аспект: монография – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – С. 119.
¹⁰ Болтенкова Л.Ф., Власов В.И., Экстремизм: теория, законодательство, практика противодействия. Учебно-методическое пособие. – Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. – С. 159.

¹¹ Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019) «О противодействии терроризму». // СПС Консультант Плюс.
¹² Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019) «О противодействии терроризму». Ст. 3 // СПС Консультант Плюс.
¹³ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Ст. 205. // СПС Консультант Плюс.
¹⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 6. // СПС Консультант Плюс.
¹⁵ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. ст. 7–8. // СПС Консультант Плюс.
¹⁶ Винокуров А.Ю. Борьба с экстремизмом средствами прокурорского надзора // Законность. – М., 2002. № 11. – С. 34.
¹⁷ Ергашев Е.Р. Курс лекций. Прокурорский надзор в Российской Федерации» Екатеринбург, «Раритет» 2016 г. – С. 131.

Финансирование мероприятий по завершению строительства объектов застройщика-банкрота

Славич М. А., директор по правовым вопросам Общества с ограниченной ответственностью «Трест Магнитострой», соискатель кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

Статья раскрывает содержание специальных процедур в рамках банкротства застройщиков, посредством которых осуществляется финансирование строительства незавершенных строительством объектов. Рассматриваются порядок, условия проведения, установленные законом. Предлагаются пути совершенствования отдельных норм.

Ключевые слова:

банкротство, застройщик, финансирование, процедура, объект строительства.

Процедура банкротства застройщика имеет в числе особенностей не только специальный субъектный состав, с учетом основной цели применения к процедуре соответствующих хозяйствующих субъектов норм § 7 Закона о несостоятельности (банкротстве)¹ (защита прав граждан) законодателем предусмотрены специальные процедуры, посредством применения которых должно быть обеспечено удовлетворение требований участников строительства.

При закреплении соответствующих механизмов законодатель разумно исходил из того, что достижение максимального результата в виде удовлетворения требований участников строительства на причитающиеся им помещения возможно только при наличии введенного в эксплуатацию оконченого строительством объекта, помещения в котором подлежат передаче им в собственность. В связи с чем каждая из предусмотренных процедур по итогу должна обеспечить указанный результат.

Способы, которые законодатель позволяет использовать для окончания строительства объектов застройщика, находящегося

в процедуре банкротства, можно классифицировать по нескольким основаниям.

В зависимости от того, в рамках чьей деятельности осуществляется достройка проблемных объектов, можно выделить:

– «санационные» процедуры, это те, при которых окончание строительства объектов осуществляется в рамках деятельности застройщика-банкрота;

– процедуры «замещения», при реализации которых права, обязанности застройщика переходят к другому лицу, которое в дальнейшем осуществляет строительство, ввод объектов в эксплуатацию, исполнение обязательств перед участниками строительства.

Кроме того, возможно классифицировать закрепленные законодателем механизмы в зависимости от источника финансирования окончания строительства; субъекта, обеспечивающего окончание строительства незавершенного строительством объекта.

В рамках настоящей статьи предлагаем рассмотреть процедуры, которые выше поименованы нами как «санационные». Их существо заключается в том, что исполнение

обязательств перед участниками строительства осуществляет застройщик-банкрот. При этом финансирование его деятельности по окончанию строительства объектов производится со стороны иных лиц.

В первую очередь речь идет об участии публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» (далее по тексту именуется «Фонд»). Данному участнику дела о банкротстве застройщика в процедурах удовлетворения требований участников строительства отведена особая роль. Отметим, что потребность появления подобной фигуры обсуждалась в научной литературе², равно как исследователи неоднократно предлагали рассмотреть возможность аккумуляции денежных средств посредством создания «специальных фондов», которые впоследствии можно было бы использовать для восстановления прав граждан, уплативших денежные средства застройщику, признанному впоследствии банкротом³.

Также положения § 7 Закона о несостоятельности (банкротстве) предусматривают возможность

участия в «санационных» процедурах третьих лиц. Указанным процедурам посвящена ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве).

Согласно ее положениям финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства, в отношении которых привлекались денежные средства участников строительства, объектов инфраструктуры, объектов инженерно-технологического присоединения может осуществляться за счет средств Фонда либо целевого займа (кредита), выдаваемого застройщиком Фонду и (или) третьими лицами. Таким образом, из буквального содержания нормы п. 1 ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве) можно сделать вывод о том, что Фонд может профинансировать застройщика не только посредством выдачи ему целевого займа (кредита), а также иным образом «за счет средств Фонда». Кроме того, согласно положениям п. 1.1. ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве), в целях финансирования мероприятий по завершению строительства конкурсным управляющим (внешним управляющим) в ходе конкурсного производства (внешнего управления) от имени застройщика могут заключаться с Фондом договоры, предусматривающие передачу жилых и нежилых помещений, включая договоры участия в долевом строительстве. Однако при обращении к положениям Федерального закона № 218-ФЗ⁴, регулирующего деятельности Фонда, подзаконных нормативных актов можно сделать несколько иные выводы о формах финансирования Фондом деятельности застройщика.

Отметим, что первоначальная редакция Федерального закона № 218-ФЗ не предусматривала участие Фонда в разрешении ситуаций

с застройщиками-банкротами, которые на стадии заключения договоров участия в долевом строительстве не уплачивали взносы в компенсационный фонд в отношении соответствующих объектов строительства. Соответственно не предполагала участие Фонда, как минимум, в уже имевшихся процеду-

**Соответственно
не предполагала участие
Фонда, как минимум,
в уже имевшихся
процедурах банкротства
застройщика, была
нацелена на разрешение
ситуаций, которые
возникнут в будущем**

рах банкротства застройщика, была нацелена на разрешение ситуаций, которые возникнут в будущем⁵. Указанный подход был подвергнут критике, так как не позволял разрешить ситуацию с уже имевшимися недостроями застройщиков-банкротов⁶. Действующие положения Федерального закона № 218-ФЗ могут быть применены к банкротству любого застройщика, вне зависимости от уплаты им отчислений в компенсационный фонд при привлечении денежных средств на стадии строительства объекта. Различия установлены исключительно в источнике финансирования. В общем виде можно сказать, что средства

компенсационного фонда, сформированного за счет обязательных отчислений застройщика в соответствии с положениями Федерального закона № 214-ФЗ, используются для восстановления прав граждан-участников долевого строительства, финансировавших строительство объекта, по которому застройщиком уплачивались взносы в компенсационный фонд. Остальные «обманутые дольщики» могут рассчитывать на удовлетворение их прав за счет имущества Фонда, сформированного за счет имущественного взноса Российской Федерации, иных публично-правовых образований. Далее следует сказать, что средства из обоих указанных источников могут быть использованы на финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства (п. 2 ч. 1 ст. 12, п. 1 ч. 2 ст. 13.1. Федерального закона № 218-ФЗ). Между тем положениями ч. 5 ст. 12 Федерального закона № 218-ФЗ предусмотрено, что финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства осуществляется после вступления в законную силу определения арбитражного суда о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика. Так как ст. 12 Федерального закона № 218-ФЗ регулирует порядок использования средств компенсационного фонда, можно предположить, что именно эти средства могут быть использованы Фондом только на реализацию процедуры «замещения», при которой некоммерческая организация Фонда, Фонд субъекта РФ (которым Фонд передает соответствующие средства) приобретают права и обязанности застройщика в порядке, установленном положениями ст. 201.15–1, ст. 201.15–2, ст. 201.15-2-1 Закона о несостоятельности (банкротстве).

Однако из содержания положений ст. 13.1 Федерального закона № 218-ФЗ, регулирующей порядок использования имущества, сформированного за счет имущественного вноса Российской Федерации, иных публично-правовых образований, также можно сделать вывод о возможности использования данных ресурсов тоже только в аналогичной процедуре. Подобное заключение может быть основано на содержании ч. 4 ст. 13.1., которая говорит о том, что при принятии Фондом решения о финансировании переданное Фонду имущество передается некоммерческой организации Фонда (когда это предусмотрено решением Правительства РФ), при отсутствии такого решения может быть передано Фонду субъекта РФ. В свою очередь некоммерческая организация Фонда, Фонд субъекта РФ могут участвовать в деле о банкротстве застройщика только в качестве приобретателя имущества (имущественных прав) и обязанностей застройщика.

При таком толковании содержания положений Федерального закона № 218-ФЗ не позволяет говорить о возможности финансирования Фондом мероприятий по завершению строительства объектов застройщика-банкрота в формах, предусмотренных ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве). Между тем такие способы участия Фонда предусмотрены нормами Правил принятия решения публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» о финансировании или нецелесообразности финансирования мероприятий, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 12, ч. 2 ст. 13.1. Федерального закона «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве)

застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации⁷. Согласно п. 18 указанных Правил в решении о финансировании мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства, по завершению строительства (строитель-

**Таким образом,
системное толкование
положений действующего
законодательства РФ
свидетельствует о том,
что к числу «санационных»
процедур можно
отнести финансирование
мероприятий
по завершению
строительства объектов
застройщика-банкрота**

ству) объектов инфраструктуры в ходе конкурсного производства, применяемого в деле о банкротстве застройщика, может быть также предусмотрено предоставление Фондом такому застройщику целевого займа или заключение Фондом договоров, предусматривающих передачу жилых и нежилых помещений, включая договоры участия в долевом строительстве, в соответствии со ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве). Из чего следует, что, **во-первых**, для целей финансирования мероприятий по завершению строительства в соответствии с положениями ст. 201.8–1 Закона

о несостоятельности (банкротстве) могут быть использованы как средства компенсационного фонда, так и имущество, сформированное за счет имущественного вноса Российской Федерации, иных публично-правовых образований; **во-вторых**, такое финансирование может осуществляться исключительно посредством предоставления Фондом такому застройщику целевого займа или заключения Фондом договоров, предусматривающих передачу жилых и нежилых помещений, включая договоры участия в долевом строительстве.

Таким образом, системное толкование положений действующего законодательства РФ свидетельствует о том, что к числу «санационных» процедур можно отнести финансирование мероприятий по завершению строительства объектов застройщика-банкрота за счет:

- средств, полученных застройщиком от Фонда по договорам, предусматривающим передачу жилых и нежилых помещений, включая договоры участия в долевом строительстве;

- целевых займов, выдаваемых застройщику Фондом;

- целевых займов (кредитов), выдаваемых застройщику третьими лицами.

В целях устранения имеющихся неточностей в формулировках положений п. 1 ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности предлагаем внести в нее изменения, изложить первое предложение в следующей редакции: «Мероприятия по завершению строительства объектов незавершенного строительства, в отношении которых привлекались средства участников долевого строительства, объектов инфраструктуры и объектов инженерно-технологического присоединения, указанных в п. 1 ст. 201.15-2-1 настоящего Федерального закона, могут осуществляться

за счет целевого займа (кредита), выдаваемого застройщику Фондом и (или) третьими лицами».

Пункт 1 ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве) также предусматривает возможность обеспечения выдаваемых Фондом третьими лицами целевых займов (кредитов) залогом объектов незавершенного строительства и земельных участков (прав на земельные участки). При этом его положениями не уточняется, о каких объектах (земельных участках) может идти речь: только о тех, на достройку которых (на строительство которых) предоставляются займы денежные средства, о любых иных объектах (земельных участках), которыми может распорядиться застройщик-банкрот. Подобная неопределенность, наряду с высокой степенью риска любых сделок, заключаемых в процедуре конкурсного производства с должником, не добавляет ликвидности такому обеспечению, что делает малопривлекательным для независимого инвестора заключение подобного рода сделок. В связи с чем с большой долей вероятности может предположить, что реализация такого способа финансирования как предоставление застройщику целевых займов (кредитов) со стороны третьих лиц теоретически возможна, практически может быть обусловлена, по большей части, субъективными (зачастую политическими) факторами.

Также отметим, что законодатель ограничил возможность привлечения финансирования окончания строительства путем заключения договоров, предусматривающих передачу жилых и нежилых помещений, включая договоры участия в долевом строительстве, только с участием Фонда. Пункт 1.1. ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве) прямо запрещает заключение такого рода

договоров с иными лицами, кроме Фонда. Подобное ограничение представляется не вполне оправданным. Обосновано желание законодателя защитить интересы физических лиц посредством запрета на привлечение от них денежных средств по таким сверхрискованным сделкам. В этой же связи объяснимо

**Пункт 1 ст. 201.8–1 Закона
о несостоятельности
(банкротстве) также
предусматривает
возможность обеспечения
выдаваемых Фондом
третьими лицами целевых
займов (кредитов) залогом
объектов незавершенного
строительства
и земельных участков (прав
на земельные участки)**

ограничение на уступку прав требования по заключенным в порядке п. 1.1. ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве) договорам до получения разрешения на ввод в эксплуатацию соответствующего объекта строительства. Между тем законодатель, полагая, необоснованно исключает возможность заключения аналогичных договоров с юридическими лицами. При том, что участие частного капитала в финансировании окончания строительства проблемных объектов, как таковое, прямо допускается (как путем предоставления целевых займов (кредитов), так и в процедуре «замещения»), лишение инвестора

возможности профинансировать застройщика-банкрота путем заключения договоров, которые предусматривают в дальнейшем передачу ему в собственность конкретных помещений (жилых, нежилых), выглядит нелогично. С одной стороны, являясь профессиональным участником гражданского оборота, коммерческая организация способна объективно оценить свои риски, соответствующие шансы на окончание строительства конкретного объекта, как следствие, возможность получения в собственность помещения в нем, с учетом этого принять решение о предоставлении банкроту денежных средств. Справедливым будет отметить, что подобное вложение может выглядеть для частного инвестора гораздо более привлекательным, чем целевой заем, даже обеспеченный залогом недвижимости, особенно с учетом того, что положениями ст. 201.14 Закона о несостоятельности (банкротстве) для процедуры банкротства застройщика предусмотрены специальные правила погашения требований залоговых кредиторов. При реализации предмета ипотеки, даже свободного от залога в пользу участников долевого строительства, кредитор по обеспеченному таким имуществом обязательству первоначально отойдет только шестьдесят процентов вырученных денежных средств. Более того, кроме расходов на погашение требований кредиторов первой, второй очереди, расходов на процедуру (судебных расходов, расходов на выплату вознаграждения конкурсному (внешнему) управляющему, расходов на оплату услуг лиц, привлеченных конкурсным (внешним) управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей), двадцать пять процентов вырученных от продажи денежных средств должно быть направлено на погашение

требований участников строительства, вне зависимости от наличия у них права залога в отношении данного имущества. С учетом того, что во главу угла при реализации положений о банкротстве застройщика ставятся интересы участников долевого строительства, законодатель в виде очередного исключения из общих правил предусмотрел возможность погашения их требований также за счет данного источника. Отметим, что в литературе встречаются мнения об обоснованности даже более радикального подхода. Предлагается рассмотреть возможность внесения изменений в нормы ст. 201.14 Закона о несостоятельности (банкротстве), которыми уравнивать права залоговых кредиторов, участников долевого строительства в удовлетворении своих требований за счет реализации недвижимого имущества должника⁸. Однако даже при действующей редакции нормы предусмотренный специальный порядок погашения требований существенно снижает ценность возможного обеспечения. При этом частный инвестор лишен возможности избрать для себя возможность профинансировать окончание строительства посредством оплаты по договорам о передаче ему в собственность в последующем помещений. С другой стороны, застройщик-банкрот тоже может быть лишен потенциальных инвестиций от частного капитала при принятии Фондом решения об отказе в финансировании строительства.

В связи с изложенным полагаем целесообразным внести изменения в положения п. 1.1. ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве), которыми предусмотреть возможность финансирования мероприятий по завершению строительства путем заключения договоров, предусматривающих передачу жилых, нежилых помещений,

включая договоры участия в долевом строительстве, также коммерческими организациями.

Далее предлагаем обратиться к положениям ст. 201.8–2 Закона о несостоятельности (банкротстве). В развитие норм предшествующей статьи ее содержание посвящено режиму использования денежных средств, полученных от Фонда по заключенным в порядке п. 1.1. ст. 201.8–1 Закона о несостоятельности (банкротстве) договорам, также в связи с принятием Фондом решения о финансировании. Как мы выяснили, иное финансирование от Фонда непосредственно застройщику-банкроту может осуществляться только посредством предоставления целевого займа. При этом поступающие от Фонда денежные средства должны быть зачислены на открываемый конкурсным (внешним) управляющим специальный банковский счет. В силу того, что по своей сути данный счет представляет собой разновидность, особую категорию банковских счетов, то, согласно мнению исследователей, к нему могут применяться по аналогии не противоречащие сущности специального банковского счета общие нормы о банковских счетах⁹. При этом в отношении использования денежных средств с такого счета положениями ст. 201.8–2 Закона о несостоятельности (банкротстве) предусмотрен особый режим, конкурсный иммунитет¹⁰. Такие денежные средства списываются только по распоряжению конкурсного (внешнего) управляющего исключительно для расчетов по текущим обязательствам застройщика в соответствии с целями, предусмотренными ст. 18, ст. 18.1. Федерального закона № 214-ФЗ¹¹ (для строительства объекта, сопутствующих этому прямо предусмотренных положениями указанных статей расходов). По иным обязательствам

застройщика на денежные средства, которые находятся на специальном банковском счете застройщика, не может быть обращено взыскание (п. 2, п. 3 ст. 201.8–2 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

Подобные ограничения разумны, обоснованны, призваны обеспечить реализацию целевого назначения выданных Фондом в займы банкроту денежных средств. Между тем неясно, почему аналогичный режим не должен быть применен к денежным средствам, которые застройщик может получить от третьего лица по целевым займам (кредитам). Защита данных финансовых ресурсов от иных кредиторов застройщика, которые могут на них претендовать, осуществляется не столько в интересах банкрота, сколько для обеспечения целей подобного финансирования в виде расходования полученных денежных средств для окончания строительства незавершенного строительством объекта. Поэтому отсутствие в содержании п. 1 ст. 201.8–2 Закона о несостоятельности (банкротстве) положений о зачислении денежных средств, полученных по целевым займам от третьих лиц, выглядит как минимум нелогично, не отвечает целям применения норм § 7.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в п. 1 ст. 201.8–2 Закона о несостоятельности (банкротстве), первое предложение изложить в следующей редакции: «В случае заключения конкурсным управляющим (внешним управляющим) в ходе конкурсного производства (внешнего управления) договоров, предусматривающих передачу жилых и нежилых помещений, и (или) финансирования мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства, а также объектов инфраструктуры и объектов инженерно-технологического

присоединения, указанных в п. 1 ст. 201.15-2-1 настоящего федерального закона путем предоставления застройщику Фондом и (или) третьими лицами целевых займов (кредитов), конкурсным управляющим (внешним управляющим) от имени застройщика открывается специальный банковский счет застройщика, на который подлежат зачислению денежные средства по таким сделкам».

Таким образом, отметим, что положения действующего законодательства о порядке финансирования мероприятий по завершению строительства объектов застройщиков, которые находятся в процедуре банкротства, требуют доработки.

При этом изменения должны быть направлены как на устранение допущенных технических недоработок (недостатков юридической техники при формулировании отдельных положений Закона о несостоятельности (банкротстве), так и на существо закрепленных процедур (расширение способов участия частного капитала в финансировании мероприятий по завершению строительства незавершенных строительством объектов, повышение гарантий достижения целей финансирования при привлечении для него частного капитала). Указанные изменения, полагаем, позволят устранить имеющиеся в законодательстве противоречия.

Кроме того, предоставят большие возможности для привлечения средств частных инвесторов для финансирования деятельности застройщика-банкрота, с одной стороны, повысят гарантии для подобных участников процедур финансирования, с другой стороны. Все изложенное, в свою очередь, должно оказать благоприятное воздействие на достижение основной цели применения положений § 7 Закона о несостоятельности (банкротстве), удовлетворение прав-требований участников строительства на получение ими в собственность помещений в многоквартирных жилых домах. ■

¹ Федеральный закон от «26» октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Марков П. А., Баркова Л. А. О влиянии социализации права на реформирование законодательства о банкротстве застройщика // Право и экономика. 2015. № 10. – С. 27–32.

³ Марков П. А. Особенности ведения двойного реестра требований при банкротстве застройщиков // В сборнике: Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н. М.. Ответственный редактор Ю. С. Харитонов. – 2015 – С. 532–536.

⁴ Федеральный закон «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от «29» июля 2017 года № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Запорощенко В. Особенности защиты прав участников строительства при банкротстве застройщиков // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 3–4 (39–40). – С. 78.

⁶ Ковалькова Е. Ю. Новые правила защиты прав и интересов участников долевого строительства // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4 – С. 250–252.

⁷ Правила принятия решения публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» о финансировании или нецелесообразности финансирования мероприятий, предусмотренных п. 2 части 1 статьи 12, частью 2 статьи 13.1. Федерального закона «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от «12» сентября 2019 года № 1192 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Куликова Т. В., Нестерова Н. В. Некоторые особенности банкротства застройщика // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (104). – С. 72–74.

⁹ Абрамова Е. Н. Специальный банковский счет: Правовая природа и классификация // Право и экономика. 2016. № 7 – С. 46–54.

¹⁰ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019 – С. 281.

¹¹ Федеральный закон от «30» декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Договоры в сфере воздушных перевозок: понятие и основные черты

Маркевич Н. В., аспирант кафедры гражданского права УрГЮУ, консультант отдела
анализа и обобщения судебной практики Арбитражного суда Уральского округа

Аннотация:

В статье анализируются понятия и особенности существующих договоров в сфере авиационных перевозок, соотношение договоров воздушной перевозки в зависимости от вида перевозки, а также основные черты договора на выполнение авиационных работ. Отмечаются основные элементы и правовая природа каждого договора, а также специфика их понимания и практического применения.

Ключевые слова:

воздушные перевозки, договор воздушной перевозки, договор авиационной перевозки, воздушный чартер, договор на выполнение авиационных работ.

Воздушное законодательство, несмотря на преобладание в нем норм административного права, имеет в своем содержании и частноправовые нормы. Как правило, любая перевозка осуществляется на основании договора при наличии у субъекта потребности в перемещении материальных объектов или пассажиров с помощью воздушного транспорта в выбранное место.

Отношения сторон договора воздушной перевозки носят эквивалентно-возмездный характер, поскольку перевозчик оказывает клиенту услугу по перевозке, а клиент уплачивает перевозчику вознаграждение за оказанную им услугу. Коммерческая авиация предполагает предоставление услуг по перевозке и осуществлению авиационных работ за плату на основании договоров на возмездной основе.

В доктрине к транспортным договорам относят как сам договор авиационной перевозки, так и соглашения, тесно связанные и опосредующие процесс перевозки и сами перевозки, в частности, это касается обязательств по подаче транспортных средств, договоров об организации перевозок, фрахтования

(чартера), соглашений компаний при перевозках в прямом смешанном сообщении (разными видами транспорта), договоров транспортной экспедиции и др.¹ К группе договоров, связанных с деятельностью воздушного транспорта, относят договоры на выполнение авиационных работ и договор страхования при использовании воздушного транспорта².

Соответственно, к гражданско-правовым договорам в сфере воздушных перевозок по общему правилу относят:

- 1) договор воздушной перевозки пассажира;
- 2) договор воздушной перевозки багажа;
- 3) договор воздушной перевозки груза (или почты);
- 4) договор фрахтования воздушного судна (воздушный чартер);
- 5) договор на выполнение авиационных работ.

Каждый из перечисленных договоров имеет свою специфику и отдельно поименован в Воздушном кодексе Российской Федерации³ и в утвержденных Министерством транспорта Российской Федерации Федеральных авиационных

правилах «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»⁴. Правовая природа данных договоров обусловлена сочетанием административного и частноправового режимов авиационных перевозок, что предопределяет, в частности, наличие императивных правил о порядке заключения, изменения и прекращения договора, ответственности пассажира за нарушение авиационных правил, ответственности воздушного перевозчика как владельца источника повышенной опасности.

Так, договор воздушной перевозки является двусторонним, возмездным, консенсуальным (перевозка пассажиров, воздушный чартер) или реальным (перевозка багажа, грузов), публичным (перевозка пассажиров).

По мнению Е.А. Ефремова, любой договор авиационной перевозки является возмездным, двусторонним, взаимным, срочным, формальным (так как оформляется по документам строгой формы и реквизитами), окончательным, каузальным, коммутативным, а предметом

договора авиаперевозки являются услуги перевозчика по доставке пассажиров, багажа или грузов в пункт назначения, а также встречная оплата данных услуг пассажиром или клиентом⁵.

1) **Договор воздушной перевозки пассажира** по своей характеристике является консенсуальным, возмездным, двусторонним, публичным. *Предметом договора авиационной перевозки пассажира* является перевозка и обслуживание пассажира, плата им за перевозку (ч. 1 ст. 103 ВК РФ).

Существование в законе таких типов пассажиров, которые перевозятся на льготных условиях или бесплатно, не говорит о том, что договор сразу перестает быть возмездным (например, это депутаты Государственной Думы РФ, члены Совета Федерации РФ, военнослужащие, отдельные категории пассажиров, чьи билеты субсидируются за счет бюджета и т. п.). Н.Н. Остроумов отмечает нежелание государственных органов возмещать перевозчикам данные расходы из средств бюджета (ссылаясь на недоказанность факта и размера убытков, факта перевозки пассажира по льготному тарифу, отсутствие средств в бюджете), но судебная практика⁶ однозначно руководствуется необходимостью соблюдения п. 5 ст. 790 ГК РФ по возмещению данных расходов воздушным перевозчиком⁷.

Надо отметить, что некоторые государственные органы, например, органы Федеральной службы безопасности РФ, могут на безвозмездной основе осуществлять воздушные перевозки для собственных нужд, использовать бесплатно при решении служебных задач воздушное пространство РФ, территории аэропортов, аэродромов и посадочные площадки, получать безвозмездно при выполнении

служебных задач обеспечение полетов.

Однако на практике складываются ситуации, когда аэропорт, оказывая государственному органу услуги по обеспечению полетов, аэропортовому и наземному обслуживанию, потом не может взыскать с органа власти расходы за оказан-

**При исполнении договора
воздушной перевозки
пассажира чаще всего
могут возникнуть
проблемы в связи
с односторонним
отказом перевозчика
в посадке пассажира
на рейс**

ные услуги и не может доказать, что услуги были связаны с коммерческими воздушными перевозками. Суды полагают, что аэропорт не может напрямую взыскать с государственного органа расходы за оказанные услуги, а может лишь получить возмещение только в порядке предоставления субсидий из бюджета⁸. Такая практика может в дальнейшем повлечь злоупотребление правом со стороны государственных органов, так как им будет достаточно заявить, что воздушные перевозки и наземное обслуживание самолета осуществляются в служебных целях без предоставления каких-то доказательств

или конкретизации, а значит, они не подлежат оплате.

Пункт 2 ст. 789 ГК РФ предусматривает, что договор перевозки транспортом общего пользования является публичным договором (ст. 426 ГК РФ). следовательно, договор воздушной перевозки считается *публичным договором и договором присоединения*, поскольку пассажир заключает договор на условиях, которые устанавливает перевозчик. Однако Н.Н. Остроумов, наоборот, полагает, что условия и форму договора устанавливает орган государства, а не перевозчик, а значит, договор воздушной перевозки не является договором присоединения⁹.

При исполнении договора воздушной перевозки пассажира чаще всего могут возникнуть проблемы в связи с односторонним отказом перевозчика в посадке пассажира на рейс. Статья 107 ВК РФ предусматривает закрытый перечень оснований одностороннего расторжения договора перевозки по инициативе перевозчика, а ст. 107.1 ВК РФ предусматривает право перевозчика отказать в заключении договора лицу, которое было внесено в специальный реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена. При этом на практике также существуют иные основания, не предусмотренные законом, например, это отсутствие мест на борту самолета, которое часто является результатом овербукинга (сверхбронирования авиабилетов – продажи и бронирования перевозчиком большего числа билетов на рейс, чем предусмотрено посадочных мест в самолете), либо неуведомление перевозчика о том, что пассажир имеет ограниченные возможности. Овербукинг по своей сути является односторонним отказом перевозчика от исполнения договора, который в полной мере

не соответствует нормам Гражданского кодекса Российской Федерации об одностороннем отказе от исполнения договора¹⁰.

Следовательно, право перевозчика на односторонний отказ от договора перевозки в случаях, не установленных законом, является несправедливым, так как ставит перевозчика как профессионального субъекта предпринимательской деятельности в преимущественное положение перед пассажиром-потребителем, что противоречит п. 2 ст. 310 ГК РФ¹¹.

В этой связи на практике происходит частое нарушение прав пассажиров, которым отказано в посадке на самолет из-за овербукинга или по иным основаниям. При возникновении данной ситуации перевозчик не вправе принудить пассажира к расторжению договора перевозки, а вправе лишь предложить заключить новый договор воздушной перевозки на других условиях¹². В законодательстве России в настоящее время отсутствуют нормы об ответственности перевозчика за необоснованный односторонний отказ от договора, включая ответственность за овербукинг и его запрет в целом.

В декабре 2018 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹³ был внесен законопроект¹⁴ о введении законодательного запрета авиаперевозчикам на одностороннее изменение или расторжение договора перевозки с пассажиром кроме случаев, прямо установленных законом и о защите прав пассажиров как потребителей, в частности, это касается закрепления прав пассажира, вынужденного изменить условия договора воздушной перевозки, или вовсе отказаться от него путем возможности заключения нового договора без взимания дополнительной платы, или потребовать

полного возвращения ему платы за перевозку.

Правовое управление Комитета ГД РФ по транспорту и строительству в заключении на данный законопроект предлагает для защиты пассажиров ввести дополнительные меры гражданско-правовой ответственности перевозчика за овербукинг, например, в виде штрафной неустойки в твердом размере, а также возложить на перевозчика бремя доказывания отсутствия причин невозможности предоставить пассажиру место на рейс и дату по билету.

В настоящее время данный законопроект не прошел даже процедуру первого чтения. Идеи данного законопроекта представляются логичными и обоснованными, однако для решения данного вопроса требуется обеспечить соблюдение баланса интересов сторон договора перевозки, в том числе в вопросе применимых средств доказывания, исключения излишних ограничений и возможного злоупотребления правом.

2) Договор воздушной перевозки багажа хоть и не имеет отдельного определения в ст. 103 ВК РФ, но, как правило, тесно связан с договором воздушной перевозки пассажира, так как багаж существует только в контексте перевозок вместе с пассажиром, но не самостоятельно (самостоятельная перевозка багажа без пассажира будет считаться перевозкой груза).

В.В. Молчанов отмечает наличие в науке дискуссии о соотношении договора перевозки пассажира и договора перевозки багажа: одни авторы выделяют их как отдельные договоры, другие считают их единым договором, а третьи полагают, что договор перевозки багажа носит дополнительный характер к договору перевозки пассажира¹⁵. Кроме того, он отмечает, что разные виды багажа регулируются разными видами договоров: если багаж

зарегистрированный, то он регулируется договором перевозки багажа, а если багаж является незарегистрированным (ручная кладь, вещи при пассажире), то он входит в предмет регулирования договора перевозки пассажира¹⁶.

По мнению Н.Н. Остроумова, перевозка багажа, несмотря на ее сопутствующий характер, имеет особое правовое регулирование (наличие отдельной багажной квитанции, выдаваемой и скрепляемой вместе с билетом для перевозки пассажира, совпадение маршрута следования пассажира и багажа, наличие соответствующей гражданско-правовой ответственности перевозчика за порчу, утрату и задержку багажа¹⁷.

Поэтому в науке существует общепринятое мнение об акцессорности обязательства по доставке багажа, а сам договор воздушной перевозки багажа также носит дополнительный, факультативный характер¹⁸.

3) По своей природе договор воздушной перевозки груза является реальным, возмездным и, как правило, двусторонним¹⁹. Он не является публичным, так как грузовой воздушный транспорт не является транспортом общего пользования, и перевозчик имеет право самостоятельно выбрать, с кем заключить договор²⁰. *Предметом договора авиационной перевозки груза (почты)* является услуга по перевозке, обслуживанию и выдаче груза (почты) грузополучателю, а также взимание платы за данную услугу (ч. 2 ст. 103 ВК РФ).

В науке существует дискуссия о двустороннем или трехстороннем характере договора воздушной перевозки груза.

Сторонники подхода о двустороннем характере договора перевозки груза обосновывают это тем, что грузополучатель не является полноценной стороной договора

перевозки груза, так как он не согласовывает условия договора и не заключает договор перевозки, не выражает свое волеизъявление и согласие на заключение договора²¹, а также этот договор не является договором в пользу третьего лица, так как на основании общих принципов гражданского права недопустимо возложение обязанности на третье лицо, если оно не участвует в обязательстве (п. 3 ст. 308 ГК РФ)²². Случаем трехстороннего характера договора перевозки груза является совпадение в одном лице фигуры грузоотправителя и грузополучателя.

Сторонники трехстороннего характера договора воздушной перевозки груза обосновывают это наличием трех самостоятельных сторон – грузоотправителя, перевозчика и грузополучателя, который становится стороной договора с момента предъявления требования о выдаче ему груза²³.

Право грузополучателя требовать от перевозчика передать груз именно ему имеет другое основание в виде иного договора, который повлек переход права собственности или владения на груз от грузоотправителя к грузополучателю (например, купля-продажа, дарение, аренда, лизинг и т. д.), а значит, права и обязанности грузополучателя по приемке и распоряжению грузом в пути возникают с момента заключения такого договора и подтверждения им права на груз.

Что касается *договора воздушной перевозки почты*, то Е. А. Ефремов выделяет в качестве черты данного договора наличие *специального субъектного состава* – организаций связи как грузоотправителей и грузополучателей²⁴. Перевозчик почты не обязан получать лицензию на воздушную перевозку почты и на оказание услуг почтовой связи²⁵.

4) Особого внимания заслуживает *договор фрахтования воздушного судна (воздушный чартер)*. Воздушный чартер определяет условия нерегулярного воздушного сообщения. Договор фрахтования устанавливает специальные условия организации перевозки с предоставлением фрахтовщиком одного или нескольких воздушных судов или всей или части вместимости воздушного судна (пассажирских мест или грузовых емкостей) на один или несколько рейсов для перевозки пассажиров, багажа, грузов или почты (статья 104 ВК РФ).

По своей характеристике *договор фрахтования воздушного судна (воздушный чартер)* является консенсуальным, возмездным, двусторонним. Стоит отметить, что так как чартерные рейсы являются нерегулярными, то они не являются перевозками транспортом общего пользования, а значит, договор воздушного чартера не является публичным²⁶. Этот подход подтверждается и Высшим Арбитражным Судом РФ²⁷, и Верховным Судом РФ²⁸.

Большую проблему исследователи видят в недостаточности правового регулирования договора воздушного чартера по сравнению с зарубежным или даже советским законодательством. В настоящий момент в Воздушном кодексе РФ существует лишь статья 104, дающая понятие договора воздушного чартера, и отсутствуют какие-либо нормы о порядке заключения воздушного чартера, его форме и содержании²⁹.

В прежнем Воздушном кодексе 1983 г. содержалась целая глава IX из 5 статей о чартерных воздушных перевозках (ст. 134–138), где определялись многие особенности фрахтовых отношений: понятие и существенные признаки договора воздушного чартера, права и обязанности фрахтовщика, права

и обязанности фрахтователя, ответственность по договору чартера, ответственность фрахтовщика перед пассажирами, отправителями и получателями. Данных положений очень не хватает нынешнему воздушному законодательству России и непосредственно влияет на неопределенность прав пассажиров и перевозчиков в отношении по договору воздушного чартера.

С точки зрения терминологии законодатель делит регулярные и нерегулярные (чартерные) рейсы, используя слово «чартер» для определения вида рейса, а не перевозки. Поэтому возникает проблема различного понимания понятия чартера в России и за рубежом. В английском языке термин «charter» понимается только как аренда³⁰, а синонимичный в немецком языке термин «fracht» понимается как груз или перевозка груза³¹. Толковый словарь Ожегова определяет чартер как договор о рейсовой перевозке (на судне, самолете) грузов или пассажиров³².

В этой связи отмечается смешанная правовая природа договора фрахтования воздушного судна (воздушного чартера), а также наличие дискуссии о месте договора фрахтования (воздушного чартера). Воздушный кодекс РФ не указывает к какому виду договоров относится договор воздушного чартера (к договору аренды или перевозки), а ГК РФ относит его к подвиду договора перевозки. Дополнительным подтверждением того, что договор фрахтования не является по сути перевозкой, а относится к арендному типу, является, по мнению отдельных исследователей, тот факт, что международные Конвенции никак не регулируют отношения между фрахтователем и фрахтовщиком³³.

Некоторые авторы придерживаются точки зрения, что аренда

воздушного судна предполагает заключение только договора фрахтования (воздушного чартера)³⁴, но большинство авторов различают данные виды договоров³⁵. Отдельные авторы считают, что в ст. 104 ВК РФ законодатель объединил сразу два договора с разной правовой природой в одном определении³⁶, но тогда с учетом такого стремления законодателя ст. 104 ВК РФ противоречит сразу двум статьям (787 и 632) ГК РФ³⁷. Другие авторы считают договор фрахтования развитием конструкции договора перевозки грузов и пассажиров³⁸.

В целом в доктрине существует три подхода относительно правовой природы договора фрахтования³⁹: 1) это договор по передаче имущества – подвид договора аренды транспортных средств⁴⁰ (в том числе воздушный чартер⁴¹); 2) это договор оказания услуг – вид договора перевозки наравне с договором перевозки грузов или пассажиров⁴²; 3) это самостоятельный договор, который по своей природе занимает среднее положение между транспортными договорами и договором аренды⁴³.

Если договор фрахтования на время относится к аренде одного воздушного судна (или нескольких самолетов) целиком и считается подвидом договора аренды, то договор фрахтования (чартер) предусматривает аренду всей или части вместимости воздушного судна для осуществления воздушной перевозки пассажиров, грузов, багажа, почты самим перевозчиком и уже считается подвидом договора перевозки⁴⁴. В связи с этим можно отметить смешанную правовую природу договора фрахтования в зависимости от цели и объема арендуемого транспортного средства.

Более того, по договору аренды воздушное судно передается арендатору (который обычно становится его эксплуатантом) во владение

и пользование (если он осуществляет управление воздушным судном своими силами) для осуществления одного или нескольких рейсов⁴⁵, а по договору фрахтования воздушного судна эксплуатант является фрахтовщиком и осуществляет его эксплуатацию⁴⁶; фрахтователь вообще не участвует в договорах перевозки в каком-то качестве (пассажир, клиент, грузоотправитель, грузополучатель)⁴⁷.

Большое значение имеет цель использования воздушного судна – либо договор направлен на перевозку (воздушный чартер), либо он направлен на передачу воздушного судна во владение и пользование (аренда транспортного средства без экипажа или с экипажем)⁴⁸. Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях особо подчеркивает иную направленность договора аренды транспортного средства⁴⁹.

Российские суды традиционно относят договор фрахтования к виду договора перевозки⁵⁰. Вышеупомянутый подход о разграничении договора аренды воздушного судна и договора фрахтования в зависимости от цели и предмета конкретного договора (факт передачи транспортного средства во владение пользование или передача вместимости для перевозки) поддерживается и судебной практикой⁵¹.

В.А. Белов выделяет отличия и характерные признаки договора

аренды транспортного средства (ТС) и договора фрахтования, подтверждая их различную правовую природу⁵².

5) Отдельно стоит упомянуть **договор на выполнение авиационных работ**, который предполагает выполнение авиационных работ в порядке, в сроки, в объеме и на условиях, которые предусмотрены данным договором (ч. 1 ст. 115 ВК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 114 ВК РФ *авиационными работами* являются работы, выполняемые с использованием полетов гражданских воздушных судов в сельском хозяйстве, строительстве, для охраны окружающей среды, оказания медицинской помощи и других целей.

Авиационные работы в зависимости от их цели, правил выполнения и технологии их выполнения подразделяются на следующие виды: авиационно-химические работы; воздушные съемки; лесоавиационные работы; строительно-монтажные и погрузочно-разгрузочные работы; работы с целью оказания медицинской помощи; летные проверки наземных средств радиотехнического обеспечения полетов, авиационной электросвязи и систем светосигнального оборудования аэродромов гражданской авиации⁵³.

Существенными условиями договора на выполнение авиационных

Признак	Договор аренды ТС	Договор фрахтования
Цель субъектов	Завладеть транспортным средством	Переместить груз в пространстве
Предмет договора	Передается все ТС во владение и пользование	Передается вместимость или ее часть для перевозки
Возвратное обязательство	Необходимо вернуть ТС арендодателю	Необходимо вернуть груз фрахтователю
Способы использования (пункт назначения) ТС	Определяются арендатором	Определяются фрахтователем
Переходит ли титул фактического владельца ТС	Переходит к арендатору	Титул сохраняется за перевозчиком

работ являются порядок, срок, объем и условия выполнения авиационных работ, а также порядок использования и поддержания в эксплуатационном состоянии аэродромов, посадочных площадок и их оборудования, создание необходимых жилищно-бытовых условий для отдыха членов экипажей воздушных судов, иные условия обеспечения выполнения авиационных работ исходя из их особенностей, цена (тариф) (ч. 2 ст. 115 ВК РФ)⁵⁴. Данный договор по своей природе является консенсуальным, возмездным, двусторонним.

Как видно из названия договора, законодатель относит договор на выполнение авиационных работ к подрячному типу, и на него распространяются общие положения ГК РФ о договоре подряда (гл. 37 ГК РФ).

В настоящее время в доктрине существует дискуссия о правовой природе договора на выполнение авиационных работ.

Исторически договор перевозок как в зарубежном, так и в российском праве возник из договора подряда и стал выделяться в качестве самостоятельного типа договора по мере развития транспортных компаний и индустрии транспорта, что обуславливает наличие сходных положений в данных типах договоров⁵⁵.

Однако в ст. 115 ВК РФ ничего не сказано об обязанности подрядчика по передаче заказчику результата выполненных работ и соответствующей обязанности заказчика по ее принятию, что является важным признаком договора подряда.

По мнению Брагинского М.И. и Витрянского В.В., договор на выполнение авиационных работ является скорее подвидом договора о возмездном оказании услуг, поскольку «выполнение авиационных работ» полностью подпадает

под определение понятия «услуга» (в контексте совершения определенных действий или деятельности), в том числе и без передачи результата заказчику. В данном случае особенностью оказываемых услуг и существенным признаком предмета договора на выполнение авиационных работ является обязательное использование полетов воздушных судов при выполнении тех или иных действий или деятельности⁵⁶.

Аксаментов О.И. полагает, что договор на выполнение авиационных работ не является самостоятельной правовой конструкцией, поскольку данное понятие является родовым для договоров как предусмотренных, так и не предусмотренных гражданским законодательством, с учетом иных присущих договору на выполнение авиационных работ признаков (то есть данный договор может иметь форму договора подряда или договора возмездного оказания услуг)⁵⁷.

Плетнев В.А. в качестве отдельного вида обязательства выделяет *договор авиационного обслуживания*, который предполагает выполнение авиационным предприятием определенных видов полетов (а в некоторых случаях и работу) и оплату авиатранспортных услуг по установленным тарифам (в необходимых случаях принятие и оплату работ)⁵⁸.

Предметом договора авиационного обслуживания могут быть как авиатранспортные услуги в виде различного рода полетов, так и услуги и вещественный результат работы одновременно, а выполненный при оказании авиатранспортных услуг результат работы носит вспомогательный характер. Главной целью договоров авиационного обслуживания, по мнению Плетнева В.А., является необходимость обслуживания сферы производства и непроизводственной сферы

(здравоохранение, наука). Он выделял несколько разновидностей авиационного обслуживания, в частности, выполнение полетов по охране лесов от пожаров, с борта корабля (плавучей базы), для оказания медицинской помощи населению, выполнение аэрофотосъемочных и авиационно-химических работ, авиационное обслуживание антарктических экспедиций и высокоширотных экспедиций в Арктике, иных организаций.

В настоящее время виды деятельности, которые Плетнев В.А. включал в содержание понятия договоров авиационного обслуживания, включены в ВК РФ в качестве разновидностей авиационных работ, а понятие авиационных услуг в воздушном законодательстве отсутствует. В свою очередь, авиационное обслуживание обычно предполагает техническое обслуживание воздушного судна, аэронавигационное обслуживание, наземное обслуживание воздушного судна в аэропорту и иные взаимосвязанные услуги, но понятие авиационного обслуживания само по себе в законодательстве также отсутствует.

Остроумов Н.Н., анализируя существующее понятие договора на выполнение авиационных работ в ст. 115 ВК РФ, делает вывод о том, что указание в ст. 115 ВК РФ на обязанность заказчика предоставить предусмотренный договором объем авиационных работ в установленные сроки наводит на мысль об организационном характере данного договора⁵⁹.

Подход об организационном характере договора на выполнение авиационных работ получил свое подтверждение в судебной практике. Как отмечают суды, имея собственный предмет и содержание, договор на выполнение авиационных работ не определяет каких-либо условий конкретного обязательства,

переноса в дальнейшее будущее соглашения сторон, развивающие и конкретизирующие данный договор, поэтому наличие такого договора не исключает необходимости оформления документов, предусмотренных законодательством, в отношении каждого нового обязательства, принятого сторонами во исполнение договора на выполнение авиационных работ. Отсутствие договорных отношений по перевозке не порождает возникновения гражданских прав и обязанностей, присущих грузоотправителю и перевозчику в рамках договора перевозки⁶⁰.

Как отмечал Высший Арбитражный Суд РФ, договор на выполнение авиационных работ может предполагать совершение эксплуатантом различных действий для достижения разных целей, а значит, иметь различную квалификацию с точки зрения ГК РФ⁶¹. Следовательно, если договор между сторонами предполагает совершение от исполнителя перевозок грузов, пассажиров и почты по заявкам заказчика, то данный договор не может быть квалифицирован ни в качестве договора подряда, ни в качестве договора возмездного оказания услуг, а представляет собой договор об организации перевозок.

Конституционный Суд РФ указывает, что п. 1 ст. 114 ВК РФ предполагает, что осуществление тех или иных видов деятельности в области авиации должно осуществляться в установленном воздушном законодательстве порядке с учетом разграничения ВК РФ авиационных работ, коммерческих перевозок пассажиров и грузов, деятельности авиации общего назначения,

а потому не может рассматриваться как запрещающий осуществление каких-либо видов деятельности в области авиации⁶².

В отдельных случаях суды разграничивают договор на выполнение авиационных работ и договор оказания авиационных услуг. В одном деле между сторонами был заключен договор на оказание авиационных услуг по проведению лесоавиационных работ, в связи с чем возник вопрос о правовой квалификации данного договора. Суды пришли к выводу, что по своей правовой природе договор на оказание авиационных услуг (осуществление полетов воздушных судов по заданию заказчика), как не предполагающий создание какого-либо овеществленного результата, а направленный на осуществление определенной деятельности, представляет собой именно договор возмездного оказания услуг, при этом исходя из содержания и формулировки ст. 115 ВК РФ данная норма не имеет своей целью отнесение договора к тому или иному гражданско-правовому виду⁶³. Следовательно, к договору на оказание авиационных услуг подлежат применению как положения о договоре на выполнение авиационных работ, так и общие положения о договоре возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ).

Дополнительно возникает вопрос о разграничении договора авиационной перевозки и договора на выполнение авиационных работ в случае, если при выполнении таких работ на воздушном судне должны находиться работники или оборудование подрядчика, или заказчика, или третьих организаций.

В случае принадлежности оборудования и работников подрядчику имеет место договор на выполнение авиационных работ. В иной ситуации, когда оборудование и работники принадлежат заказчику или третьим лицам, то в связи с их посадкой (погрузкой) на воздушное судно согласно установленным требованиям должны оформляться перевозочные документы. В случае причинения вреда отсутствие перевозочных документов влечет деликтную ответственность подрядчика, а их наличие означает заключение отдельного договора перевозки. По мнению Остроумова Н.Н., факт совпадения пункта отправления и пункта назначения такой перевозки и отсутствия промежуточных остановок никак не влияет на квалификацию данного договора в качестве договора перевозки⁶⁴.

Таким образом, гражданско-правовое регулирование воздушных перевозок характеризуется наличием самобытных договоров со своими особенностями и признаками, которые определяют содержание воздушного законодательства. Приведенный анализ договоров в сфере воздушных перевозок отражает лишь некоторые аспекты и проблемы в данной сфере.

Учитывая текущую сложную экономическую и эпидемиологическую ситуацию в России и мире, дальнейшая адаптация и развитие авиационной отрасли с большой вероятностью повлечет анализ и переосмысление существующих договорных конструкций и норм воздушного законодательства с целью восстановления деятельности воздушного транспорта. **Е**

¹ Международное транспортное право: учебник для магистратуры / В.Н. Гречуха. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 542 с. Серия: Магистр. 2 Гречуха В.Н. Транспортное право: правовое регулирование деятельности воздушного транспорта: монография. – Москва: Юстиция, 2016. – 310 с.

³ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 24.03.1997 № 12. Ст. 1383.

⁴ Приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2007 № 10186) // РГ. № 225. 10.10.2007. Далее – ФАП № 82.

⁵ Ефремов Е.А. Договор воздушной перевозки: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С.9.

- ⁶ См.: Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса РФ», Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2005 № КГ-А40/4803-05, от 21.02.2008 № КГ-А40/426-08, Определение ВАС РФ от 21.11.2007 № 12479/07 и др.
- ⁷ Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. – М.: Статут, 2015. – 396 с.
- ⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.03.2019 г. по делу № А76-14525/2018.
- ⁹ Остроумов Н.Н. Проблемы унификации и совершенствования правового режима международных воздушных перевозок: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 18.
- ¹⁰ Ардушевская О.Е., Бажина М.А. Правовое регулирование «овербукинга» при воздушных перевозках пассажиров в Российской Федерации // Транспортное право. 2019. № 2. – С. 11–15.
- ¹¹ Кулаков В., Филиппова С. Поиграем в перевозку // ЭЖ-Юрист. 2015. № 44. – С. 13.
- ¹² Перов А. Авиасодействие. Овербукинг вне закона? // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50. – С. 8.
- ¹³ Далее – ГД РФ.
- ¹⁴ Законопроект № 607995-7 «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/607995-7#bh_hro№ (дата обращения 31.03.2020).
- ¹⁵ Молчанов В.В. Гражданско-правовое регулирование воздушных перевозок: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 27.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ См.: Остроумов Н. Правовой режим воздушных перевозок // Закон. 1997. № 8. С. 29.
- ¹⁸ Выгодянский А.В. Понятие и виды договора воздушной перевозки пассажиров и грузов // Транспортное право. 2017. № 3. – С. 7–10.
- ¹⁹ См.: Витрянский В.В. Понятие и виды договора перевозки. Система договоров перевозки // Хозяйство и право. 2001. № 1. – С. 73.
- ²⁰ Молчанов В.В. Указанные сочинения. С. 33.
- ²¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. 4-е изд., стер. – М.: Статут, 2007. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – С. 296–297.
- ²² Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. – М.: Статут, 2015. – 396 с.
- ²³ См. Выгодянский А.В. Гражданско-правовое регулирование договоров воздушной перевозки груза и пассажира: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 7; Егизаров В.А. Транспортное право. – М., 2008. – С. 30–33.
- ²⁴ Ефремов Е.А. Договор воздушной перевозки: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 11.
- ²⁵ Голумян В.Г. О требованиях законодательства России к авиаперевозчику почты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. – С. 97–101.
- ²⁶ Юренкова О.С. К вопросу о правовой природе договора фрахтования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. – С. 169–174.
- ²⁷ Определения ВАС РФ от 24.01.2008 № 18125/07 по делу № А15-1856/06, от 29.12.2010 № ВАС-17823/10 по делу № А15-2469/09.
- ²⁸ Определение ВАС РФ от 29.12.2010 № ВАС-17823/10 по делу № А15-2469/09.
- ²⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – М.: Статут, 2003. – Кн. 4. – 910 с.
- ³⁰ См.: The Oxford English Dictionary // [Электронный ресурс]: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/charter>; Cambridge Business English Dictionary. [Электронный ресурс]: URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/charter> (дата обращения 31.03.2020).
- ³¹ Das Onlinewörterbuch Duden.de [Электронный ресурс]: URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Fracht> (дата обращения 31.03.2020).
- ³² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000. 940 с.
- ³³ Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. М.: Статут, 2015. 396 с.
- ³⁴ См.: Шапкина Г.С. Договор аренды // Хозяйство и право. 2003. № 7. С. 29.
- ³⁵ Боярская Ю.Н. Договор аренды транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации / под ред. Е.В. Вавилина. М.: Статут, 2016. 152 с.
- ³⁶ См.: Атаян С. Квалифицирующие признаки договора аренды транспортных средств // Закон. 2000. № 11. – С. 79–82; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стер. – М., 2002. – Кн. 2. – С. 291.
- ³⁷ См.: Ананьева А.А. Правовое регулирование воздушного фрахтования. – Саратов, 2013. – С. 11.
- ³⁸ См.: Морозов С.Ю. Транспортное право: Учебное пособие. – С. 219; Арсланов К.М. О соотношении ст. 632 (фрахтование на время) и ст. 787 (договор фрахтования – charter) Гражданского кодекса РФ // Транспортное право. 2018. № 1. – С. 3–6.
- ³⁹ Бажина М.А. К вопросу о разграничении договора аренды транспортного средства и договора фрахтования // Бизнес, Менеджмент и Право. 2017. № 3–4. – С. 49–52.
- ⁴⁰ Косовская В.А. К вопросу определения понятия договора морской перевозки груза // Транспортное право. 2002. № 3. – С. 16.
- ⁴¹ Пиджаков А.Ю., Аксентов О.И. Договор фрахтования вместимости воздушного судна (воздушный чартер) // Транспортное право. 2004. № 2. – С. 19.
- ⁴² См.: Старцева А.А. Правовое регулирование договорных отношений по воздушному чартеру: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. Тарасов М.А. Транспортное право. – Изд-во Ростовского университета, 1968. – С. 199.
- ⁴³ Долинская В.В. Транспортные договоры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. – С. 3–8.
- ⁴⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С. Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др.; под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 1504 с.
- ⁴⁵ Боярская Ю.Н. Договор аренды транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации / под ред. Е.В. Вавилина. – М.: Статут, 2016. – 152 с.
- ⁴⁶ Калинин А.Г. Договор аренды транспортных средств // Гражданское право. 2006. № 2. – С. 37–46; см. также: Ем В.С. Договор аренды транспортного средства: проблемы теории и практики применения // Основные проблемы частного права: Сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора А.Л. Маковского / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – С. 104–121.
- ⁴⁷ См.: Комментарий к Воздушному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Травникова. – М., 2009. – С. 178.
- ⁴⁸ Юренкова О.С. К вопросу о правовой природе договора фрахтования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. – С. 169–174.
- ⁴⁹ Определение ВАС РФ от 27.11.2009 № ВАС-15088/09 по делу № А24-955/2008.
- ⁵⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2010 по делу № А79-12768/2009.
- ⁵¹ См.: Постановления Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2011 по делу № А40-26201/10-75-126, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.11.2014 № А53-22137/2013, Арбитражного суда Поволжского округа от 31.03.2009 по делу № А55-13143/2008.
- ⁵² Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2018. – 159 с.
- ⁵³ Приказ Минтранса России от 31.07.2009 № 128 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации»» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.08.2009 № 14645) // РГ. № 169. 2009.
- ⁵⁴ Аксентов О.И. Правовой режим авиационных работ // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 170.
- ⁵⁵ Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. – М.: Статут, 2015. – 396 с.
- ⁵⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – М.: Статут, 2003. – Кн. 4. – 910 с.
- ⁵⁷ Аксентов О.И. Правовой режим авиационных работ // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 170.
- ⁵⁸ Плетнев В.А. Договоры авиационного обслуживания: дисс. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1978. – 201 с.
- ⁵⁹ Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. – М.: Статут, 2015. – 396 с.
- ⁶⁰ Постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.01.2010 по делу № А29-1803/2009, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.09.2010 по делу № А81-3621/2009, Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2011 № 05АП-7362/2011 по делу № А51-7822/2011.
- ⁶¹ Определение ВАС РФ от 29.10.2012 № ВАС-13691/12 по делу № А81-3701/2011.
- ⁶² Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 138-О.
- ⁶³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.07.2015 № Ф02-3076/2015 по делу № А58-4902/2014 (Определением Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 302-ЭС15-14236 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства).
- ⁶⁴ Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. – М.: Статут, 2015. – 396 с.

Светлой памяти Натальи Алексеевны Зориной

09.05.1948–12.03.2020

12 марта 2020 года покинула нас Наталья Алексеевна Зорина, ветеран УрГЮУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ветеран труда РФ, Светлый человек! Она прожила 71 год, не дошла до дня своего рождения – 9 мая. Какое совпадение: дата рождения и Великий праздник – День Победы!

Ее родители – Алексей Иванович и Лидия Алексеевна Артамоновы – ветераны войны и тыла. Алексей Иванович непосредственно участвовал в советско-японском вооруженном пограничном конфликте, продолжавшемся с 29 июля по 11 августа 1938 г. в районе озера Хасан на Дальнем Востоке. Далее он участвовал в Советско-финской зимней военной кампании (1939–1940 гг.) Кроме того, он принимал участие в битве за Москву с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. В ходе битвы за Москву Алексей Иванович был тяжело ранен, получил контузию. В дальнейшем он проходил лечение в госпитале, в городе Пермь. Награжден многими медалями, орденами, знаками, в том числе «За победу над Германией», орден Великой Отечественной войны II степени, «За бои на озере Хасан» и т.д.

В 1942 г. Лидия Алексеевна после окончания учебы в школе, в свои

15 лет, вынуждена была устроиться работать в кинотеатр «Октябрь» («Колизей») учеником киномеханика. В 1943 г. Лидия Алексеевна сдала экзамен на присвоение ей квалификации помощника киномеханика. Тогда показывали такие фильмы: «Большой вальс», «Маскарад», «Парень из нашего города», «Моя любовь» и др.

В 1947 г. Лидия Алексеевна в Свердловске встретила своего будущего супруга – Артамонова Алексея Ивановича, они поженились, прожив вместе долгую (больше 50 лет), насыщенную и счастливую семейную жизнь. В 1948 г. родилась дочь Наташа, а в 1950 г. – дочь Лариса. Наталья Алексеевна ушла последней в семье Артамоновых, захлопнув дверь в семейном коридоре. Оставив о себе добрую память!

Она училась в школе, после поступила в Уральский государственный университет им. М. Горького на философский факультет, который окончила в 1974 г. Трудовую деятельность в Свердловском юридическом институте Наталья Алексеевна начала в 1974 г. Более сорока лет Наталья Алексеевна трудилась в СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, из них на протяжении двадцати лет являлась одновременно, в одном лице, ученым секретарем всех диссертационных советов и ученого совета нашего вуза. Через ее руки прошли защиты В. А. Бублика, В. Д. Перевалова, П. А. Крашенинникова и многих других. Трудолюбие, педантичность в работе с документацией, доброжелательность в отношениях с коллегами, аспирантами, аспирантами, соискателями неизменно вызывали уважение к Наталье Алексеевне.

Интересный факт: Сергей Сергеевич Алексеев подарил ей свою книгу «Право: азбука – теория – филосо-

фия: Опыт комплексного исследования» и написал замечательные слова «Дорогой Наташеньке, человеку с большой буквы от скромного автора».

Более 10 лет Наталья Алексеевна, исполняя обязанности ученого секретаря, в качестве общественной нагрузки возглавляла также комиссию администрации и профсоюзного комитета по улучшению жилищных условий сотрудников и преподавателей СЮИ-УрГЮА. Благодаря ее бескорыстной деятельности на этом поприще десятки преподавателей и сотрудников улучшили свое жилищные условия.

Находясь на заслуженном отдыхе, Наталья Алексеевна занималась любимым садово-огородным хозяйством, а также воспитанием двух внуков и двух внучек.

Наталья Алексеевна написала кандидатскую диссертацию «Морально-нравственные проблемы преступности несовершеннолетних (философский аспект)», но не защитила. Зато ее сын Алексей Зорин успешно защитил диссертацию и посвятил многие годы УрГЮА-УрГЮУ, работая доцентом кафедры уголовного процесса.

Многолетний добросовестный труд Н.А. Зориной был по достоинству оценен государством и руководством вуза в виде знака «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», многочисленных грамот и благодарностей.

Редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» выражает искренние соболезнования родным, друзьям и коллегам. Вечная память о Наталье Алексеевне Зориной, ее прекрасных деловых и человеческих качествах сохранится в наших сердцах!

Памяти Сергея Ивановича Цыганова

14 марта 2019 года в возрасте 68 лет ушел из жизни Сергей Иванович Цыганов, кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательского права. Он активно проработал в стенах нашего университета более 47 лет.

В 1968 г. Сергей Иванович поступил в Свердловский юридический институт на специальность правоведение, который окончил с отличием. Однако он выбрал экономическую специальность и соответственно кафедру политэкономии. В 1976 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Экспорт капитала

в развивающиеся страны» в диссертационном совете Ленинградского государственного университета.

Сергей Иванович Цыганов был блестящим педагогом, на высоком уровне владел методикой преподавания, его лекции и практические занятия отличались профессионализмом и пользовались большим интересом у студентов. Автор более 200 научных и учебных публикаций, а также 3 сборников стихов. Один из них – «Неровные строчки судьбы» издан в Екатеринбурге в 2007 году. В сборник включены ранее не опубликованные стихи о бесхитростной любви в российской глубинке. Стих «Прощение»:

*Жадно губами хватали
С веток гроздь ирги.
И еле слышно шептали:
«Боженька, нам помоги».
И, конечно, прости!*

Прошел научную стажировку в Великобритании (London School of Economics and Political Science, London), выезжал в служебные командировки для чтения лекций на английском языке в США. Одним словом, Сергей Иванович Цыганов был профессионалом высокого уровня в своем деле.

Вся его многогранная деятельность связана с педагогической,

научной и воспитательной работой в нашем университете. За многолетнюю безупречную работу в СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ Сергею Ивановичу Цыганову неоднократно объявлялись благодарности; был награжден почетными грамотами.

Сергей Иванович Цыганов запомнится как честный и принципиальный человек, решительно и энергично отстаивавший свои убеждения, предъявлявший высокие требования к себе, к своим коллегам, всегда умевшим найти слова поддержки или дать мудрый совет. Он не защитил докторскую диссертацию, хотя собирал материал и готовил вариант диссертации. Вместе с тем по уровню научных публикаций был настоящим доктором экономических наук.

Имя учёного, преподавателя СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ Цыганова Сергея Ивановича останется в памяти коллег, товарищей и учеников. В этом году (25 июня) ему исполнилось бы 70 лет. Вечная память сохранится в наших сердцах!

*От имени кафедры
предпринимательского права
УрГЮУ,
профессор В.С.Бельх*